

221818

3

4964a

1864²¹/_V 1914

ПОКОРЕНІЕ
Западнаго Кавказа
— и —
окончаніе
Кавказской войны.

Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ
Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьѣ.

Составилъ начальникъ Военно-Историческаго Отдѣла полковникъ *Семенъ Эсадзе*.

79

ТИ Ф Л И С Ъ .

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1914.

1864²¹_v 1914

4964a
~~2479~~
~~17/18~~

Здобутку

ПОКОРЕНИЕ Западнаго Кавказа

— и —

окончаніе Кавказской войны.

Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ
Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьѣ.

Составилъ начальникъ Военно-Историческаго Отдѣла полковникъ *Семенъ Эсадзе*

ТИ Ф Л И С Ъ.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1914.

№ 2019-1617.

21818
3
3470/26 R

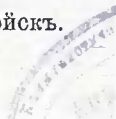
113693

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВИСОЧЕСТВО
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.
Августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
ГРАФЪ ИЛЛАРИОНЪ ИВАНОВИЧЪ
ВОРОНЦОВЪ-ДАШКОВЪ.
Пам'ятникъ Кавказскій и Главнокомандующій съ 1905 г.

П Р И К А З Ъ

П О

КАВКАЗСКОМУ ВОЕННУМУ ОКРУГУ.

№ 103

Мая 21-го дня 1914 года. — Въ Алужкѣ.

Доблестныя Кавказскія войска.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ блестящимъ подвигамъ вашихъ предковъ привѣтствую васъ въ сегодняшній день пятидесятилѣтняго юбилея покоренія Западнаго Кавказа и окончанія Кавказской войны.

Война эта велась на всемъ протяженіи отъ моря Каспійскаго до моря Чернаго. 25 августа 1859 года взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамшля фельдмаршалъ князь Барятинскій, лично руководившій военными дѣйствіями, умиротворилъ Чечню и Дагестанъ и тѣмъ положилъ прочное основаніе для завершенія покоренія остальныхъ горскихъ племенъ Кавказа. Начатое фельдмаршаломъ завоеваніе Закубанскаго края и Черноморія докончилъ Августѣйшій его преемникъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Неутомимые труды Кавказскихъ войскъ, подъ предводительствомъ графа Евдокимова и самого Августѣйшаго Главнокомандующаго, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Остатки черкесскихъ племенъ вынуждены были подчиниться русской власти. 50 лѣтъ тому назадъ въ Красной Полянѣ Черноморской губерніи, въ присутствіи боевыхъ вашихъ предковъ и Великаго Князя, было совершено торжественное молебствіе по случаю окончанія Кавказскій войны.

Наступилъ столь желанный конецъ кровопролитной борьбы! Богатый Закубанскій и Черноморскій край быстро заселился станицами и поселками. Враждовавшіе народы, не признававшіе ничего кромѣ силы меча и произвола, могли предаться мирному, свободному труду. Подъ покровительствомъ русскихъ законовъ они поняли всю пользу спокойной жизни, и благосостояніе ихъ постепенно увеличивалось одновременно съ культурнымъ развитіемъ края.

Въ продолжительной войнѣ съ горцами Кавказскій солдатъ проявлялъ безчисленные примѣры геройскаго самоотверженія, высокаго воинскаго духа и горячую любовь къ Царямъ и Родинѣ.

Въ этомъ заключалась его мощь, его несокрушимая и страшная для враговъ сила. Ему приходилось побѣждать не только храбраго воинственнаго противника, но и самую природу, когда онъ съ сознаниемъ исполненнаго долга проникалъ въ тущобы недоступныхъ горъ, въ дебри вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ. Я самъ, участвуя въ этихъ походахъ, былъ свидѣтелемъ блестящихъ подвиговъ, неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній, совершенныхъ и испытанныхъ Кавказскими войсками.

Эти подвиги Кавказской арміи вызывали въ свое время удивленіе всего міра; они передавались въ войска изъ поколѣнія въ поколѣніе; они поддерживали славныя боевыя традиціи. Дарованные Кавказскимъ войскамъ боевыя знаки отличій указывали о заслугахъ ихъ передъ Вѣнценосными Государями и Россіей.

Празднуя сегодня полувѣковой юбилей окончанія Кавказской войны, воздадимъ должное нашимъ предкамъ, кровью и жизнью запечатлѣвшихъ свою беззавѣтную преданность и вѣрность Царямъ и Родинѣ и тѣмъ заслужившихъ признательность потомства. Помянемъ же нынѣ и нашихъ доблестныхъ вождей, водившихъ къ славѣ войска—фельдмаршала князя Барятинскаго, графа Евдоки-

мова и въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго Главнокомандующаго, Великаго князя Михаила Николаевича.

Счастливъ и я выпавшимъ на мою долю жребіемъ во главѣ родныхъ мнѣ Кавказскихъ войскъ праздновать сегодняшній юбилей. Счастливъ я и тѣмъ, что за минувшіе полтѣ вѣка вы, дорогіе боевые соподвижники, оказались достойными преемниками старыхъ Кавказскихъ войскъ. Оставайтесь истинными носителями завѣтовъ вашихъ отцовъ и дѣдовъ, и да послужить славное прошлое Кавказской арміи залогомъ ея дальнѣйшаго преуспѣванія.

Подписалъ: Главнокомандующій войсками
скруга, Генераль-адъютантъ, Генераль отъ
кавалеріи *Графъ Воронцовъ-Дашковъ.*

Для составленія Историческаго очерка послужили нижеслѣдующіе источники:

Архивныя дѣла штаба Кавказскаго военнаго округа, 2-го отдѣленія генеральнаго штаба—1838 г. №№ 100, 131, 1861 г. № 1, 1863 г. № 70, 1864 г. № 8, 44. Журналы военныхъ дѣйствій за разные годы. Матеріалы Военно-Историческаго отдѣла.

Акты Кавказской археографической комиссіи тома VII и VIII. Военные Сборники, 1864 г. №№ 11 и 12. Кавказскіе Сборники тома II, V, VIII, IX, X и XVII. Газета „Кавказъ“ 1864 г. № 44. Бобровскій. Исторія 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка за 250 лѣтъ. Коргановъ. Исторія 45-го драгунскаго Сѣверскаго полка. Потто. Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. С. Эсадзе. Историческая записка объ управленіи Кавказомъ томъ I и къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ т. IV.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
Распространеніе русской власти на Сѣверномъ Кавказѣ и Черномъ морѣ. Черноморское казачье войско. Черкесскія и абазинскія племена. Штурмы Анапы. Замѣчательный подвигъ сотника Гречишкина съ дивейными казаками	1
Штабсъ-капитанъ Кавказской гренадирской бригады Новицкій и путешествіе его въ земли черкесскихъ племенъ. Бесленей Аббатъ. Занятіе мыса Адлера въ 1837 г.	29
Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 году. Боевые подвиги Эриванцевъ, Грузинцевъ, Тифлисцевъ, Мингрельцевъ, Тенгинцевъ, Навагинцевъ и Черноморскаго флота при занятіи Сочи, Туапсе и Субаши	46
Взятіе черкесамп Михайловскаго укрѣпленія и подвигъ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова. Геройская защита Навагинцами Абинскаго укрѣпленія. Путешествіе Цесаревича Александра Николаевича по Кавказу въ 1850 году	69
Магометъ-Аминъ и Сеферъ-бей—руководители черкесскихъ племенъ. Изъявленіе покорности бжедучамп и абадзехамп. Смерть командира Сѣверскаго драгунскаго полка кн. Багратиона. Набѣгъ Новотроицкой сотни поручика графа Воронцова-Дашкова и князя Амилахварі съ Нижегородцами на шапсугскіе аулы	92
Графъ Евдокимовъ и предложенный имъ планъ окончательнаго покоренія Кавказа. Союзъ всѣхъ черкесскихъ племенъ. Пребываніе Императора Александра II въ районѣ военныхъ дѣйствій Кубанской области въ 1861 году	109
Шехскій и Абадзехскій отряды въ 1862 году. Подвиги Алперовцевъ, Кабардинцевъ и Нижегородцевъ. Назначеніе Главкомампдующимъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Объѣздъ дѣйствующихъ отрядовъ. Отличная боевая служба Сѣверцевъ, Кубанскихъ казаковъ и 19-го стрѣлковаго баталіона	127
Шехскій отрядъ. 19-й и Гренадерскій стрѣлковые баталіоны. Выдающійся подвигъ Кубанскихъ казаковъ № 26 коннаго полка съ сотникомъ Дугинимъ противъ горцевъ Тубинскаго общества. Князь Амилахварі съ Нижегородцами	141
Военныя дѣйствія Даховскаго отряда въ 1864 году. Пріѣздъ Великаго князя и пріемъ старшинъ черкесскихъ племенъ. Движеніе четырехъ колоннъ для окончательнаго покоренія горцевъ	152
Молебствіе и парадъ 21 мая въ урочищѣ Кбаада. Приказъ по Кавказской арміи. Телеграмма и рескрипты Императора Александра II. Награды войскамъ. Торжества и молебствіе въ Тифлисѣ. Заключеніе	172

Распространеніе русской власти на Сѣверномъ Кавказѣ и Черномъ морѣ. Черноморское казачье войско. Черкесскія и абазинскія племена. Штурмы Анапы. Замѣчательный подвигъ сотника Гречишкина съ линейными казаками.

Русское государство, расширяя свои предѣлы, безпрепятственно овладѣло обширными степями, прилежащими къ Каспійскому морю до самаго Терека и даже до устья Сулака; затѣмъ и вся остальная Предкавказская равнина до Малки и Кубани была постепенно занята русскими переселенцами и казаками.

Такъ, уже при царѣ Иоаннѣ Грозномъ на берегахъ Терека появляются первые русскіе поселенцы—гребенскіе казаки. Гребенцы участвуютъ въ депутаціи кабардинскихъ князей, прибывшихъ въ 1555 году въ Москву съ просьбой о покровительствѣ. Иоаннъ Грозный „подарилъ“ гребенцовъ рѣкою Терекомъ и приказалъ для поддержанія ихъ и кабардинцевъ при устьѣ этой рѣки построить крѣпость и городъ Терки. Гребенцы это исполнили, и въ 1567 году было учреждено Терское воеводство, а по Тереку была устроена цѣлая линия казачьихъ станицъ.

Окруженные враждебными народами гребенцы сплотились въ военно-сословныя общины, а Русскіе Цари оцѣнили высокое значеніе казачества на Кавказѣ и всѣми мѣрами содѣйствовали его развитію. Въ 1736 году построень городъ Кизляръ, а въ 1763 году— городъ Моздокъ. Въ 1777 году линія по Тереку продолжена до Моздока.

По окончаніи первой турецкой войны, съ назначеніемъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго Намѣстникомъ и генераль-губернаторомъ Новороссійскимъ, Азовскимъ и Астраханскимъ, рѣшено было заложить между Дономъ и Терекомъ рядъ новыхъ укрѣпленій, которыя сдерживали бы нападенія горскихъ племенъ въ русскіе предѣлы и послужили бы началомъ русскихъ поселеній на Сѣверномъ Кавказѣ. Устроенная въ 1777—1782 годахъ новая Моздоко-Азовская линія, начинаясь отъ Екатеринограда, при впаденіи Малки въ Терекъ, пересѣкала прикавказскія степи въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ крѣпость Св. Дмитрія (Ростовъ) и оканчивалась у Азова. Для заселенія этой линіи, состоявшей изъ десяти крѣпостей, въ томъ числѣ Георгіевска и Ставрополя, переведены съ Волги волжскіе казаки, а также казаки, обитавшіе на р. Хопрѣ, образовавшіе Волгскій и Хоперскій поселенные казачьи полки.

Въ 1782 году вооруженныя силы на Сѣверномъ Кавказѣ были значительно усилены образованіемъ двухъ корпусовъ—Кубанскаго и Кавказскаго.

Азовско-Моздокская линия хотя и оградила Донъ и южно-русскія степи отъ вторженія горскихъ племенъ, но полудикія ногайскія орды, кочевавшія къ сѣверу отъ р. Кубани, продолжали дѣлать набѣги на казачьи станицы. Въ 1783 году, тотчасъ же послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, князь Потемкинъ приказалъ переселить ногайцевъ въ степи за Волгу. Дѣло это было поручено Александру Васильевичу Суворову. При устьѣ р. Лабы Суворовъ нанесъ страшное пораженіе ногайцамъ, послѣ чего большая часть изъ нихъ смирилась и водворена въ Крыму. Выселеніе ногайцевъ умиротворило край отъ Кубани до Дона и связало навсегда имя великаго Суворова съ Кавказомъ.

Во время второй турецкой войны главное вниманіе Кавказскаго и Кубанскаго корпусовъ было обращено противъ турецкой крѣпости на Черномъ морѣ—Анапы. Имѣя въ крѣпости сильный гарнизонъ, Турція поддерживала оттуда вражду противъ Россіи закубанскихъ горцевъ. Въ особенности этому способствовалъ чеченскій проповѣдникъ шейхъ-Мансуръ.

14-го октября 1788 года подъ Анапой появился русскій корпусъ генерала Талызина. Энергичный начальникъ турецкаго гарнизона Баталь-паша предпринялъ вылазку; но въ это время подоспѣлъ Кавказскій корпусъ генерала Текелли. Турки хотя скрылись въ крѣпость, но все-таки войска наши не предприняли штурма. Въ 1790 году къ Анапѣ подступилъ съ корпусомъ генераль Бибииковъ, который потерпѣлъ при штурмѣ неудачу. Послѣ похода Бибиикова турки усилили оборону Анапы; на вооруженіи ея находи-

лось 86 орудій и 12 крѣпостныхъ мортирѣ. Гарнизонъ состоялъ изъ 10 тысячъ турокъ и 12 тысячъ вооруженныхъ жителей, подъ начальствомъ трехбунчужнаго Мустафы-паши. Въ крѣпости находился также шейхъ-Мансуръ.

21-го іюня 1791 г. генералъ Гудовичъ съ 12 тысячнымъ отрядомъ четырьмя колоннами штурмовалъ Анапу. Атака была блистательная—войска овладѣли крѣпостью, и трофеями побѣды были 83 пушки, 12 мортирѣ, 3 бунчука, болѣе 130 знаменъ и громадное количество провіанта и военныхъ припасовъ. Между прочимъ, въ Кавказскомъ Военно-Историческомъ музеѣ (Храмъ Славы) въ Тифлисѣ имѣются взятые при штурмѣ бунчуки Мустафы-паши.

Потеря турокъ простиралась до 8 тысячъ убитыми; остальные сдались въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился самъ Мустафа-паша и шейхъ-Мансуръ. Побѣда и нашимъ войскамъ досталась цѣною большихъ жертвъ: офицеровъ убито 18 и ранено 61, нижнихъ чиновъ убито 912 и ранено 1934.

По приказанію Гудовича анапскія укрѣпленія были срыты до основанія, а городъ преданъ огню. Взятіемъ Анапы закончилась на Кавказѣ вторая Турецкая война.

Ясскій миръ, заключенный съ Турціей 29 декабря 1791 г., подтвердилъ права Россіи на правый берегъ Кубани и Кабарду. Анапа была возвращена Турціи, которая обязалась принять мѣры къ прекращенію вторженій въ русскіе предѣлы.

Послѣ войны Гудовичъ занялся усиленіемъ Кавказской линіи. Высочайшей грамотой 30 іюня 1792 года Черноморскому войску, бывшимъ Запорожцамъ, пожалованы были земли по правой сторонѣ Кубани. Отъ Усть-Лабинской крѣпости и далѣе до береговъ Азовскаго моря весною 1793 г. войско окончательно поставило свои курени (станицы), а въ слѣдующемъ году основанъ главный городъ, названный въ честь Императрицы Екатеринодаромъ. Для огражденія станицъ отъ набѣговъ черкесовъ въ войсковыхъ земляхъ протянулся цѣлый рядъ укрѣпленій, постовъ и батарей, которые образовали Черноморскую кордонную линію. Между прочимъ, два полка Черноморцевъ доблестно подвизались съ своимъ знаменитымъ атаманомъ Захаріемъ Чепѣгою въ начавшейся въ это время Польской войнѣ: подъ начальствомъ великаго Суворова они участвовали въ штурмѣ предмѣстья Варшавы—Праги. Отбитые Черноморцами два штандарта польскихъ королевскихъ конныхъ полковъ нынѣ хранятся въ Тифлисѣ, въ Храмѣ Славы.

Въ то время какъ на Сѣверномъ Кавказѣ устраивалась укрѣпленная граница, въ Закавказьѣ царь Грузинскій Ираклій II отдалъ свое царство въ 1783 году подъ покровительство единовѣрной, православной Россіи; а преемникъ его царь Георгій XII въ 1801 году добровольно присоединилъ Грузію къ Россійской державѣ. Присоединеніе Грузіи измѣнило задачи русскаго государства—оно дало возможность Россіи утвердиться и на всемъ Кавказѣ. Однако, для полного

умиротворенія Кавказа Россія должна была положить большія усилія и жертвы.

Не касаясь многочисленныхъ войнъ съ Персией, съ лезгинскими и чеченскими племенами Восточнаго Кавказа, укажемъ на положеніе Россіи на Западномъ Кавказѣ.

Западный Кавказъ дѣлился: на Черноморскую кордонную линію, Правый флангъ и Черноморскую береговую линію.

Всѣ эти линіи имѣли первоначально исключительное назначеніе—огражденіе предѣловъ Россіи отъ нападений воинственныхъ племенъ, занимавшихъ сѣверные скаты Главнаго Кавказскаго хребта. Но съ присоединеніемъ Грузіи и другихъ частей Закавказья и Чернаго моря, доставившихъ Россіи обширное вліяніе на Востокъ, требовалось вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе безопаснаго сообщенія съ внутренними губерніями государства. Такимъ образомъ, и для обезпеченія сообщеній съ Закавказскимъ краемъ и для самаго спокойствія на кордонныхъ линіяхъ необходимо было силою оружія держать въ повиновеніи враждебныя племена.

Враждебные народы, населявшіе Западный Кавказъ, принадлежали къ двумъ главнымъ племенамъ: адыге (черкесы) и абазинскому. Къ черкесскимъ племенамъ принадлежали: бесленей, бжедухи, махоши, егерукаи, темиргои, хамышейцы, натухайцы, верхніе и нижніе абадзехи, ближніе и дальніе шапсуги и убыхи; они жили между рѣками Лабой, Бѣлой, Афицсомъ, по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта до самаго

моря, въ предѣлахъ отъ Сочи до Анапы. Абазинское племя составляли: башильбаи, тамовцы, казильбеки, шахъ-гирей, баракаи, баговцы, псху, ахчипсху и джигеты (саадзенъ).

Изъ всѣхъ черкесскихъ племенъ наибольшее значеніе имѣли бесленей, абадзехи, убыхи, шапсуги и натухайцы.

Безъ бесленеевцевъ не совершался ни одинъ набѣгъ. Въ особенности винственность ихъ была проявляема, когда ими въ тридцатыхъ годахъ управлялъ и предводительствовалъ князь Айтекъ-Канокъ; наши поселенія на Кубани часто страдали отъ его смѣлыхъ набѣдовъ.

Абадзехи—самый сильный и воинственный изъ черкесскихъ племенъ, занимали горный край прилегающій къ Главному Кавказскому хребту и были расселены по рѣкамъ Бѣлой съ притоками ея Куржупсу и Пшехъ, Пшицу, Псекупсу и другимъ до рѣчки Супсъ, которая считалась ихъ границею съ шапсугами. Земля абадзеховъ представляла большія затрудненія для военныхъ дѣйствій: глубокіе овраги покрытые густыми лѣсами, многочисленныя болотистыя рѣчки, огромный снѣговой горный массивъ Оштень въ Главномъ хребтѣ—все это служило хорошей защитой отъ нашихъ вторженій; только по долинамъ р.р. Пшища и Псекупса были проложены хорошія конныя тропинки черезъ горы и по нимъ абадзехи спускались къ берегу моря, въ долину Туапсе; этимъ путемъ абадзехи имѣли постоянное сообщеніе съ убыхами.

Абадзехи раздѣлялись на семь главныхъ родовъ, вѣдущихъ свое происхожденіе отъ двухъ фамилій: Качмезъ и Воздемиръ; съ представителями этихъ фамилій народомъ управляли выборные старшины. Абадзехскіе аулы были очень многочисленныя и богатые; во всѣхъ столкновеніяхъ съ нашими войсками абадзехи дрались неустрашимо, храбро и мужественно.

Убыхи занимали гористый и покрытый густыми лѣсами край отъ Чернаго моря до снѣгового хребта по рѣкамъ отъ Псезуапсе, Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи. Земля убыховъ болѣе чѣмъ какая либо другая часть этого края представляла затрудненій для военныхъ дѣйствій. Черезъ густыя лѣса, переплетенныя дикими виноградниками и вьющимися растеніями, можно было проѣхать верхомъ только по тропинкамъ; съ одной долины въ другую убыхи переѣзжали преимущественно по берегу моря къ устьямъ рѣкъ Сочи или Шахе. Народное устройство убыховъ было такое же какъ и у абадзеховъ, съ которыми они всегда жили въ тѣсномъ союзѣ. Народомъ управляли вліятельныя фамиліи изъ рода Берзековъ и Дишановъ и выборные старшины.

На западъ отъ абадзеховъ и убыховъ, по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта, жили шапсуги и натухайцы.

Шапсуги—самый многочисленный народъ, воинственный, но менѣе предпріимчивый, чѣмъ ихъ соплеменники. Шапсуги занимали богатый край между рѣками Шахе и Пшадюю на южной сторонѣ Главнаго хребта и между рѣками Супсѣ и Адагумомъ на сѣ-

верной сторонѣ хребта. Шапсуги считались опасными сосѣдями Черноморцевъ, и пластунамъ часто приходилось сдерживать ихъ отъ смѣлыхъ набѣговъ въ наши предѣлы. Шапсуги умѣли мужественно и стойко защищаться въ своей землѣ. Между предводителями ихъ прославились лихіе набѣдники, напримѣръ; Шеретлуковъ и Казбичъ. Шапсуги болѣе абадзеховъ привыкли къ удобствамъ жизни; на берегу моря у нихъ было нѣсколько мѣстъ, которыя служили пристанями для турецкихъ мелкихъ судовъ (кочермъ), напримѣръ Туапсе, Джубга и Пшада. Получая отъ турокъ оружіе, боевые припасы, соль, желѣзо, мануфактурные товары, шапсуги продавали имъ почти исключительно рабовъ, мальчиковъ и дѣвочекъ. Среди своихъ соплеменниковъ шапсуги не пользовались уваженіемъ за кровожадность, непостоянство и страсти въ хищничеству; наиболѣе же въ дружбѣ жили съ своими сосѣдями натухайцами.

Натухайцы жили за Абиномъ вплоть до Новоросійска, Анапы и впаденіемъ Кубани въ Черное море. Земля натухайцевъ состояла изъ богатыхъ долинъ и горъ покрытыхъ лѣсомъ. Занимая побережья моря, натухайцы отличились болѣе мирными наклонностями и были менѣе воинственны; все свое благосостояніе они основывали на дѣятельной и выгодной торговлѣ.

Что касается абазинскихъ племенъ, то между ними выдѣлялись джигеты*), между рѣками Мзымтой и Бзыбью; выше джигетовъ, по обѣимъ сторонамъ р.

*) Страбонъ называлъ народъ этотъ именемъ зипш.

Псху, жили племена псху и ахчипсху, извѣстные подъ именемъ медовѣевъ; наконецъ въ верховьяхъ рѣкъ Аше и Псезуапсе—племя хакучи. Кромѣ того по теченію р. Урупа жили ногайцы, а, такъ называемые „бѣглые“ кабардинцы по Большому и Малому Зеленчукамъ; вдоль по рѣкѣ Кубани до Екатеринодара—бжедухи.

Предки черкесовъ вообще (адыге) отличались большимъ благородствомъ, умомъ и славились дѣятельностью и трудолюбіемъ. Съ теченіемъ времени мирная жизнь ихъ нарушалась военными тревогами, и они вмѣстѣ съ непреодолимымъ стремленіемъ къ независимости развили въ себѣ необыкновенную воинственность и стали грозой своихъ сосѣдей. Строгое воспитаніе приучило ихъ переносить и сильный зной, и горный холодъ, и безропотно испытывать лишения. Умѣніе владѣть оружіемъ стало главною обязанностью черкесь. На лихомъ конѣ, въ стальной кольчугѣ, нерѣдко оборванный и грязный, но всегда щегольски вооруженный, ловкій и неутомимый онъ покидалъ семью и пускался въ набѣгъ, какъ на праздникъ. Все развивало въ немъ буйный духъ набѣдничества. Не смерти, но безславной жизни боялся черкесь и смѣло шелъ на врага. За то останки погибшихъ на полѣ битвы были для адыгскаго народа священны. Могилы предковъ составляли предметъ его глубокаго почитанія и заботъ.

Черкесь весь былъ созданъ для войны. Отлично владѣя оружіемъ, онъ умѣлъ прекрасно выѣздить своего боевого коня, былъ ловокъ въ набѣгахъ,

умѣлъ во время уйти отъ погони и неожиданно напасть на противника. Чтобы имѣть хорошее оружіе, черкесь ничего не жалѣлъ для пріобрѣтенія его.—

Переправа черезъ р. Кубань черкесовъ для набѣга на Линію. Съ кар. Горисельдта

„Смерть набѣдника въ бою—плачь въ его дому, а потеря оружія—плачь въ цѣломъ народѣ“, говоритъ народная черкесская пословица.

Черкесскіе народы служили образцомъ для подражанія своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, и абазинскія племена, а также ногайцы, ничѣмъ не отличались отъ нихъ въ наѣздничествѣ.

Въ большихъ массахъ на открытыхъ равнинахъ черкесская конница любила дѣйствовать холоднымъ оружіемъ и предпочитала бросаться въ шашки. При оборонѣ въ пересѣченной мѣстности черкесы отлично умѣли пользоваться мѣстностью, встрѣчая атакующаго противника мѣткимъ огнемъ изъ-за деревьевъ и камней.

Наше русское казачество, пришедшее къ берегамъ Кубани, встрѣтило въ черкесахъ необыкновенныхъ противниковъ, и границы двухъ земель стали мѣстомъ кровавой борьбы. На обширныхъ Прикубанскихъ равнинахъ было полное раздолье для конныхъ черкесовъ и для линейныхъ казаковъ. И тѣ и другіе отличались мужествомъ и, встрѣтившись, не отступали и не просили пощады.

Тоже самое жизнь черноморскихъ казаковъ, потомковъ Запорожской Сѣчи, сложилась такъ, что ихъ природныя военныя качества еще болѣе закалялись въ непрерывной войнѣ съ черкесами Черноморія. Для противодѣйствія черкесамъ Черноморцы вынуждены были создать у себя особый родъ пѣшихъ развѣдчиковъ: предприимчивыхъ, смѣлыхъ, которые впереди кордонной линіи рыскали бы по самымъ трудно-доступнымъ, глухимъ трушобомъ кубанскихъ плавней и своевременно извѣщали бы посты объ угрожающей

опасности. Такими развѣдчиками и явились „пластуны“ — единственный типъ казачества, вызванный исключительными мѣстными условіями кордонной службы.

Пластуны стояли на первомъ планѣ кордонныхъ линій и служили имъ вѣрнѣйшей опорой. При встрѣчѣ съ неприятелемъ они находились впереди и всегда начинали бой. Отъ нихъ же требовалось, чтобы они зорко слѣдили за неожиданными налетами и прорывомъ черкесъ. Они разсѣяны были по всѣмъ постамъ особыми товариществами и преимущественно любили держаться въ широкихъ излучинахъ Кубани и кочевали по обоимъ берегамъ ея.

Суровые питомцы боевыхъ невзгодъ и въ зимнюю стужу, какъ и въ лѣтній зной, пластуны шли бодро и терпѣливо на встрѣчу опасности, проводили въ своихъ отважныхъ походахъ цѣлые сутки сряду. Когда на Линіи было спокойно, что совпадало обыкновенно съ временемъ полевыхъ работъ у горцевъ, пластуны обращали свои поиски въ охоту за дикимъ кабаномъ, козою, оленемъ.

Тактика пластуновъ была несложна. „Волчій ротъ и лисій хвостъ“ — вотъ ея основныя правила. Къ ней всеневную роль играли: слѣдъ — „сакма“ и засала — „залога“. Тотъ негодился пластуновать, кто не умѣлъ убрать за собою собственный слѣдъ, заглушить шумъ своихъ шаговъ въ трескучемъ тростникѣ; кто не умѣлъ поймать слѣды противника и въ нихъ прочитатъ направленный на Линію ударъ. Словомъ, пластуны были незамѣнимые стражи Кубанской линіи — глаза и уши кордонныхъ постовъ.

Черноморскія кордонная линія простиралась по Кубани слишкомъ на 260 верстъ, начиная отъ устья одного рукава этой рѣки до впаденія въ нее р. Большой Лабы. Возникнувъ вмѣстѣ съ переселеніемъ съ Днѣпра Запорожскихъ казаковъ, Линія состояла изъ станицъ и постовъ по Кубани; были выстроены также укрѣпленія Варениковское, Ольгинское и Алексѣевское, прикрывавшія переправы черезъ Кубань къ натухайцамъ, шапсугамъ и бжедухамъ. Изъ Варениковской пристани можно было проѣхать на берегъ Чернаго моря, въ Анапу; изъ Ольгинскаго укрѣпленія вела дорога на Абинское укрѣпленіе; посредствомъ Алексѣевской переправы производилось сообщеніе съ Афипскимъ укрѣпленіемъ. Сверхъ того находились старыя укрѣпленія: въ Екатеринодарѣ—главномъ пунктѣ войскового управленія и пребыванія наказнаго атамана, и Фанагорійское—на островѣ Тамани. Отправленіе кордонной службы по Кубани и содержаніе гарнизоновъ лежало на прямой обязанности Черноморскихъ казаковъ.

Всѣ означенныя укрѣпленія устроены были для облегченія наступательныхъ дѣйствій за Кубань.

Начиная отъ впаденія въ Кубань Большой Лабы до Карачая тянулась Кубанская линія, которая вмѣстѣ съ устроенной въ 1840 году Лабинской линіей составляла Правый флангъ Кавказской линіи.

Кубанская линія простиралась отъ границъ Черноморія вверхъ по Кубани до укрѣпленія Каменный мостъ, находившагося въ тѣсномъ ущельѣ образуемомъ Кубанью въ горахъ. Линія эта была заселена и

охранялась казачьими полками: Кавказскимъ (участокъ Усть-Лабинскій), Кубанскимъ (участокъ Прочно-Окопскій), Ставропольскимъ (участокъ Ставропольскій) и Хоперскимъ (участокъ Баталпашинскій). Укрѣпленіе Каменный мостъ составляло крайній пунктъ Кубанской линіи и всего Праваго фланга. Далѣе верховья Кубани занимало племя карачаевцевъ, покорность которыхъ была весьма важна для прегражденія сообщенія закубанскимъ племенамъ съ Кабардою и вообще съ народами Центра и Лѣваго фланга Кавказской линіи. Карачаевцы бдительно стерегли находившіяся выше Каменнаго моста тропинки, ведущія черезъ Кубань.

Лабинскія линія по рѣкѣ Лабѣ составляла довольно надежное прикрытіе всему кордону, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса благопріятствовали приближенію непріятельскихъ партій. За то все пространство между Кубанью и Лабою и подножіями Черныхъ горъ представляло обширную, открытую, степную равнину, большею частью безводную, орошаемую только двумя небольшими рѣчками Чемлыкомъ и Урупомъ. Лабинская линія лѣвымъ своимъ флангомъ упиралась въ самыя горы. Между Кубанью и Лабой хребетъ Черныхъ горъ чрезвычайно крутъ; хребетъ этотъ прорывается тремя ущельями большихъ рѣкъ: Урупа, Большого и Малаго Зеленчука. Въ этомъ районѣ кромѣ казаковъ жили полупокорныя племена: бѣглые кабардинцы и башильбаевцы, занимавшіе долины Большого и Малаго Зеленчука, бесленеевцы, махочевцы,

темиргоевцы, егуракаевцы, хатюкои, бжедухи, населявшіе всю плоскость и подножья Черныхъ горъ за рѣкою Бѣлою.

Чтобы держать въ повиновеніи племена обитавшія за Лабюю возведено было на нижней части рѣки Бѣлой передовое укрѣпленіе Бѣлорѣченское, главное назначеніе котораго было служить опорнымъ пунктомъ для наступательныхъ дѣйствій противъ непокорныхъ племенъ обитавшихъ за р. Бѣлою и преимущественно противъ абадзеховъ.

Во всѣхъ станицахъ казаковъ были устроены плетневые валы, обложенные колючкой; большая часть станицъ имѣла на вооруженіи свои пушки. Промежутки между станицами состояли изъ постовъ и пикетовъ. Посты находились обыкновенно въ разстояніи шести верствъ и состояли изъ землянки, сараи, ограды съ рвомъ и вышки. На этихъ постахъ постоянно несли кордонную службу казаки, изъ которыхъ часть всегда находилась въ готовности сѣсть на коней и скакать на мѣсто тревоги; но чтобы своевременно давать знать постамъ о появленіи или прорывѣ партіи горцевъ, на возвышенныхъ мѣстахъ располагались днемъ пикеты изъ 2—3 казаковъ, а ночью секреты. Чтобы подавать сигналъ въ случаѣ тревоги, на постахъ и пикетахъ были устроены маяки изъ луковъ соломы или боченковъ со смолою. Это было нѣчто вродѣ беспроволочнаго телеграфа. Въ случаѣ опасности пакли съ соломой зажигались, и по всей Линіи узнавали о прорывѣ горцевъ. Перестрѣлка завязавшаяся на какомъ либо пикетѣ призывала

на помощь казаковъ съ ближайшихъ постовъ. Въ случаѣ нужды спѣшили къ мѣсту тревоги и резервы расположенные въ станицахъ, а иногда и регулярныя войска квартировавшія на линияхъ.

Важнѣйшія условія безопасности Линіи заключались въ постоянной бдительности казаковъ на кордонѣ, въ постоянной готовности резервовъ сѣсть на коней и въ самомъ навыкѣ казаковъ къ этому роду службу. Казакъ долженъ имѣть особую сноровку, которая не иначе пріобрѣталась какъ долговременною опытностью при постоянномъ сосѣдствѣ съ непріателемъ. Казаки на пикетахъ и секретахъ должны были быть чрезвычайно зорки, сохранять присутствіе духа; они должны были знать куда съ постовъ имъ спѣшить на помощь, не давъ себя обмануть ложными тревогами; должны были умѣть отыскивать слѣдъ (сагму) непріятеля и не потерять его; иногда надобно было гнаться по этому слѣду въ догонку, иногда выгоднѣе скакать наперерѣзъ, наконецъ иногда лучше стать на какихъ либо пунктахъ и ожидать непріятеля при отступленіи, когда онъ возвращался съ награбленною добычею и плѣнными. Для всего этого нужна была не только распорядительность начальниковъ частей кордона, но и отъ каждаго урядника, отъ каждаго казака требовалась личная храбрость, находчивость и сноровка. Слѣдовательно, кордонная служба представляла чрезвычайныя трудности.

Враждебныя предпріятія горцевъ бывали различныхъ родовъ: иногда они дѣлали набѣги только для грабежа; иногда, напротивъ того, собирались въ зна-

R 21818

173623

40 Копія

2

чительныхъ силахъ для какого либо важнаго покушенія, какъ напримѣръ, чтобы вырѣзать постъ, захватить транспортъ (оказію), даже напасть на станцію или укрѣпленіе. Противъ набѣговъ достаточно было одной бдительности на постахъ и пикетахъ, но противъ покушеній въ большихъ силахъ не было возможности имѣть всегда на всемъ протяженіи линіи достаточно войскъ, чтобы защитить каждый пунктъ отъ смѣлыхъ предпріятій горцевъ, собиравшихся иногда въ числѣ нѣскольکو тысячъ коней. Принимались соотвѣтствующія мѣры предосторожности. Мѣры эти сообразовались не только съ положеніемъ пунктовъ и степенью угрожающей имъ опасности, но и съ временемъ года, съ положеніемъ дѣлъ въ цѣломъ краѣ. Нѣкоторыя части Линіи въ лѣтнее время были обезпечены поводомъ въ рѣкахъ и болѣе подвержены опасности зимою, другія наоборотъ. Въ первомъ случаѣ располагали въ станіцахъ на зимнее время регулярныя войска, а лѣтомъ выводили ихъ для дѣйствій впереди Линіи, во второмъ случаѣ лѣтомъ отряды или подвижныя колонны собирались на выгоднѣйшихъ мѣстахъ, откуда представлялась возможность поспѣть ко всѣмъ частямъ прикрываемаго ими участка. Кроме того дѣйствительная мѣра заключалась въ содержаніи лазутчиковъ, какъ въ самыхъ аулахъ враждебныхъ горцевъ, такъ и среди живущихъ мирныхъ горцевъ.

Для утвержденія же власти среди непокорныхъ племенъ предпринимались болѣе или менѣе важныя экспедиціи отрядами всѣхъ родовъ оружія.

Независимо отъ вышеперечисленныхъ племёнъ, на Западномъ Кавказѣ, именно по восточному побережью Чернаго моря, съ древнѣйшихъ временъ были отдѣльныя владѣнія: Мингрелія, Имеретія, Гурія, Сванетія, Абхазія, Самурзакань, Цебельда, Далъ и другія. Распространеніе русской власти въ этихъ владѣніяхъ не входитъ въ задачу настоящаго историческаго очерка, потому укажемъ только, что Мингрелія добровольно поступила въ подданство Россіи въ 1803 году; Имеретія—въ 1804 году; Абхазія съ Самурзаканью въ 1811 году; Сванетія—въ 1837 году; въ томъ году покорена Цебельда.

Веденныя Россіей войны съ Турціей всегда отражались на жизни грузинскихъ и мусульманскихъ племёнъ этихъ владѣній. Турки настойчиво и систематически стремились утвердить свое вліяніе по всему европейскому берегу Чернаго моря; но такъ какъ это касалось насущныхъ интересовъ Россіи, то неизбежны были столкновенія, разрѣшеніе которыхъ кончались войнами Россіи съ Турціей.

Въ турецкою войну 1807 гола эскадра контръ-адмирала Пустошкіна съ десантнымъ отрядомъ 4-го Морского полка со стороны моря, а отрядъ г.-м. Гангеблова со стороны Черноморіи подошли къ крѣпости Анапѣ. На требованіе сдать крѣпость, турецкій паша отвѣтилъ отказомъ. Началась бомбардировка, и 29 апрѣля дѣйствіемъ огня съ эскадры всѣ зданія, числомъ до полуторы тысячи, были превращены въ пепель. Ту-

рецькій гарнизонъ и всѣ жители частью погибли въ страшномъ пожарѣ, а частью съ самимъ пашою бѣжали въ горы „подъ защитой черкесской конницы“. Въ теченіе цѣлой недѣли эскадра Пустошкина оставалась на Анапскомъ рейдѣ, нагружая корабли многочисленными трофеями и отражая скопища черкесовъ, ежедневно покушавшихся нападать на нашъ десантъ. Эскадра, окончивъ возложенное на нее порученіе, при попутномъ вѣтрѣ подняла паруса и 12 мая прибыла на Севастопольскій рейдъ.

Пользуясь этимъ, а также возвращеніемъ отряда Гангелова обратно въ границы Черноморіи, турецкій паша возвратился въ Анапу, а Закубанскіе горцы снова начали нападать на Черноморскую кордонную линію.

Въ 1809 году война съ Турціей возобновилась. Главнокомандующій маркизь де Траверсе снова послалъ къ Анапѣ эскадру изъ пяти судовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Церхурова съ десантомъ изъ 4-го Морского полка, Владимірскаго гарнизоннаго баталіона и временнаго флотскаго баталіона. Для содѣйствія десанту изъ Тамани черезъ Бугазъ къ Анапѣ былъ посланъ отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты и 300 Черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Панчулидзева. Одновременно съ нимъ по берегу лимана должна была содѣйствовать казацкая флотилія есаула Борзикова. Самому

тогдашнему атаману Бурсаку маркизь де-Траверсе предписаль вторгнуться въ Закубанье со всѣми силами Черноморскаго войска.

15 іюня эскадра Перхурова подошла къ Анапѣ и въ тотъ же день высаженный десантъ вытѣсниль изъ Анапы черкесъ. Генераль Панчулидзевъ прибыль къ крѣпости 18-го числа и присоединиль къ отряду Владимірскій гарнизонный баталіонъ; остальные войска были 19-го посажены на суда эскадры, которая возвратилась обратно.

Оставшись начальникомъ гарнизона въ Анапѣ, Панчулидзевъ выслаль по дорогѣ въ Суджукъ-кале особый отрядъ полковника Золотницкаго съ тѣмъ, чтобы наказать натухайцевъ. Золотницкій разгромиль ихъ и разориль до 40 селеній; но на обратномъ пути онъ былъ атакованъ 12-ти тысячнымъ скопищемъ, подъ предводительствомъ самого анапскаго паши. Цѣлый день кипѣль неравный бой, въ которомъ войска наши оказывали примѣрную храбрость. Узнавъ о тяжеломъ положеніи Золотницкаго, Панчулидзевъ поспѣшилъ къ нему на помощь со всѣми остальными войсками; но прежде чѣмъ онъ успѣль подойти, Золотницкій на голову разбилъ черкесовъ.

Такой же участи подверглись и шапсуги. 18-го іюня атаманъ Бурсакъ съ 5-ти тысячнымъ отрядомъ Черноморскихъ казаковъ и баталіономъ 22-го егерскаго полка перешель Кубань и двинулся за рѣку Псекупсъ, въ теченіе 5-ти дней уничтоживъ 18 шапсугскихъ ауловъ.

Въ 1812 году, по заключеніи съ турками Бухарестскаго мира, Анапа вновь была возвращена Турціи.

Для Турціи она послужила попрежнему центромъ для распространенія своего вліянія на закубанскія племена и для торговли. Черкесы здѣсь получали все необходимое, а главнымъ образомъ оружіе и огнестрѣльные припасы. Вотъ почему, когда въ 1828 году вновь возникла турецкая война, Императоръ Николай I приказалъ военныя дѣйствія начать именно съ Анапы, „дабы паденіе ея послужило однимъ изъ первыхъ чувствительныхъ ударовъ, нанесенныхъ Портѣ“.

Эскадра *)), подъ начальствомъ вице-адмирала Грейга вышла изъ Севастополя 21-го апрѣля и появилась у Анапы 2-го мая. Сухопутный отрядъ полковника Перовскаго подошелъ на слѣдующій день. Адмиралъ Грейгъ отправилъ парламентаря съ требованіемъ сдать крѣпость. Паша отказался. „Вы предлагаете мнѣ невозможное,—сказалъ онъ посланному офицеру,—начальникъ вашъ исполняетъ то, что велѣлъ ему его Государь, а я не измѣню своему. Судьба должна рѣшить кому владѣть Анапой“.

Былъ назначенъ штурмъ. 6-го мая утромъ высадился десантъ подъ командою начальника морского штаба г.-ад. Меньшикова, который соединился съ отрядомъ Перовскаго. Меньшиковъ принялъ начальство надъ всѣми войсками. Въ теченіе мая и іюня войска вели осадную войну—строили подступы, батареи, а съ эскадры усиленно бомбардировали крѣпость. Приходилось час-

*) Въ составѣ десанта находились 13 и 14 егерскіе полки; а въ отрядѣ флигель-адъютанта Перовскаго: № 8 и 9 конные, 5 и 8 пѣшіе полки Черноморскаго казачья войска съ конною батареей, 6 ротъ Таманскаго гарнизоннаго полка, рота Нашебурскаго полка и 4 орудія.

то сталкиваться и съ нахутайцами, которые безпрестанно нападали на отряды. 10-го іюня былъ назначенъ штурмъ, но комендантъ крѣпости Чатырь-Османъ-оглы вступилъ въ переговоры, и 12 числа войска заняли крѣпостные бастіоны. На одномъ изъ нихъ взвился флагъ начальника морского штаба впервые послѣ его учрежденія. Флотъ салютовалъ ему со всѣхъ кораблей. Крѣпость отвѣчала громомъ турецкихъ орудій. Памятниковъ этихъ событій нынѣ служитъ въ Анапѣ каменная православная церковь, обращенная въ храмъ изъ турецкой мечети, поврежденной русскими ядрами.

Трофеями побѣды были: 4000 плѣнныхъ, 29 знаменъ и 85 орудій (флагъ крѣпости Анапы нынѣ находится въ Храмѣ славы). Въ числѣ плѣнныхъ былъ извѣстный въ послѣдствіи Сеферъ-бей, шапсугъ по рожденію, судьба котораго была полна превратностей. Другой изъ числа взятыхъ въ плѣнъ былъ знаменитый своею романическою судьбою Амлатъ-бекъ, жизнь котораго послужила Марлинскому сюжетомъ для его повѣсти того же названія.

По Адрианопольскому трактату 2-го сентября 1829 года Россія получила Ахалцихскій пашалыкъ, крѣпости Поті и Анапу, весь Закубанскій край и побережье Чернаго моря. Адрианопольскій договоръ долженъ былъ положить конецъ турецкому вмѣшательству въ дѣла населенія западной части Кавказа, а Россіи предоставить сдѣлаться полной распорядительницей на Западномъ Кавказѣ.

Само собою разумѣется, что этого нельзя было

достигнуть сразу: Турція не захотѣла примириться съ лишеніемъ ея прежней роли вліять на черкесскія племена, а сами черкесы Закубанскаго края и Черноморскаго побережья въ сущности никогда не признавали себя подвластными султана, и поэтому набѣги ихъ попережнему продолжались, и попережнему наши Черноморскіе и Линейные казаки должны были въ ними вести борьбу. Какъ казаки, такъ и черкесы въ этой постоянной тревожной, боевой жизни выдвинули многихъ героевъ, память о которыхъ до сихъ поръ живетъ среди нихъ.

Вотъ одинъ изъ подвиговъ линейныхъ казаковъ, во главѣ съ сотникомъ Гречишкинымъ. Съ развѣдомъ изъ 62 казаковъ станицъ Тифлисской и Казанской 15-го сентября 1829 года онъ выступилъ къ Песчанному броду, чтобы развѣдать о движеніи знаменитаго Джембулата, который хотѣлъ прорваться въ станицы Кавказскаго полка. Казаки уже проѣхали половину пути, какъ одинъ изъ патрулей далъ знать, что попалъ на свѣжіе слѣды прошедшей пѣхоты и конницы. Дѣйствительно, казаки увидѣли широкія борозды, шедшія со стороны Псинафскаго укрѣпленія и затѣмъ круто повернувшія къ Кубани.

— „Это не его сакма, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ; тутъ вотъ отъ орудіевъ какая колея пошла: должно быть тутъ наши были, и были сегодня—слѣдъ совсѣмъ свѣжій“.

— „Извѣстно, это наши, отозвалось нѣсколько голосовъ: у него орудіевъ такихъ нѣтъ; опять же и то: татарва нешто такъ ходитъ? Глянька, вѣдь слов-

но кто шнуромъ отбилъ. Безпрѣмѣнно солдаты тутъ были“.

Если партія прошла уже за Кубань,—разсудилъ Гречишкинъ,—то мы только потеряемъ время, гонясь за нею въ этой сторонѣ... А, впрочемъ,—добавилъ онъ,—командиръ приказалъ непрѣмѣнно дойти до Песчаннаго брода, значитъ и надо дойти до него. А тамъ, если ихъ нѣтъ, то приударимъ коней и летомъ нагонимъ колонну.

Развѣздъ двинулся дальше, но не прошелъ онъ и нѣсколько верстъ, какъ показался казакъ Анисимъ Собельниковъ, бывшій въ передовомъ патрулѣ; онъ скакалъ во всѣ повода и махалъ папахой, а за нимъ на плечахъ несло десятка два всадниковъ. Не успѣли казаки выхватить изъ чехловъ винтовки, какъ со всѣхъ сторонъ изъ овраговъ Песчаннаго брода вдругъ показались массы черкесской конницы, и Гречишкинъ узналъ значекъ Джембулата. Теперь уклониться отъ боя было уже нельзя. Гречишкинъ приказалъ казаку Ивану Костову скакать въ Казанскую станицу, чтобы вызвать оттуда резервъ, а самъ велѣлъ казакамъ спѣшиться и шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь, началъ отходить. Болѣе часа шла перестрѣлка; оказалось много убитыхъ и раненыхъ.

Видя, что отступать дальше нельзя, Гречишкинъ остановился. „Станичники!,—сказалъ онъ,—команда наша не велика, но надо помнить присягу и драться до послѣдняго. Уже если суждено намъ сегодня погибнуть, то надо погибнуть такъ, чтобы и въ приказѣ объ насъ упомянули и въ родныхъ станицахъ

заговорили“. Онъ приказалъ заколотъ всѣхъ лошадей и сложить изъ нихъ брустверь (такого „укрѣпленія“, кажется, до него еще никто не строилъ). Въ это время отъ толпы черкесъ отдѣлились два всадника и, махая бѣлыми платками, подѣхали къ конскому „укрѣпленію“. Въ одномъ изъ нихъ Гречишкинъ узналъ Джембулата, въ другомъ—любимаго узденя его Хануша.

Кто у казаковъ старшій? спросилъ Джембулатъ.

Гречишкинъ назвалъ свою фамилію и вышелъ изъ „редута“.

Джембулатъ вздоргнулъ и что то тихо проговорилъ.

— „Говори громко,—отвѣтилъ Гречишкинъ,—такъ, чтобы слышали казаки“.

Казаки, въ большинствѣ понимавшіе по-черкесски, насторожили уши. Всѣ они знали, что Джембулатъ и Гречишкинъ пріятели.

— Не здѣсь бы намъ встрѣтиться съ тобою, Андрей, проговорилъ Джембулатъ.

— Не мы, а Богъ устраиваетъ встрѣчи, отвѣтилъ Гречишкинъ.

— Да, но будь на моемъ мѣстѣ другой, ни одинъ изъ васъ не ушелъ бы отсюда живымъ.

— Мы и теперь не уйдемъ, спокойно возразилъ Гречишкинъ.

— Подумай, Андрей! Васъ горсть, а у меня пятьсотъ человѣкъ. Кто можетъ упрекнуть, если вы сдадитесь. Ты будешь не плѣнникомъ, а моимъ куна-

комъ; о казакахъ я тоже позабочусь—волось не упадетъ съ ихъ головы.

— Меня удивляетъ твое предложеніе, — прервалъ его Гречишкинъ: ты знаешь, что ни я, ни мои казаки живыми не отдадимъ оружія. Ты дѣлай свое дѣло, а мы будемъ дѣлать свое. Пусть совершится то, что предназначено каждому.

Джембулатъ увидѣлъ, что переговоры не поведутъ ни къ чему и, поворотивъ коня, поѣхалъ къ своимъ; но онъ все еще надѣялся спасти Гречишкина.

— Казаковъ мало, — сказалъ онъ собравшимся къ нему старшинамъ, — и славы истребленіемъ этой кучки мы не добудемъ. Они рѣшились умереть, а потому потеря съ нашей стороны будетъ большая, добыча малая. Вяжемся въ дѣло — упустимъ время идти за Кубань. Рѣшайте, что надо дѣлать?

— Ты спрашиваешь, что нужно дѣлать? сказалъ ему одинъ изъ старѣйшихъ князей: когда кошка увидитъ мышъ, она не спрашиваетъ, что надо дѣлать? Кровь требуетъ крови. Да и не для одной добычи пустились мы въ набѣгъ. Надо дать молодежи случай узнать: мѣтки ли у нихъ винтовки, остры ли у нихъ шашки и умѣютъ ли они владѣть ими?

— Никогда не слыхалъ, — возразилъ ему другой князь, чтобы волкъ, держа зайца въ зубахъ, отпустилъ его живого. Если будемъ медлить — подоспѣетъ помощь. И что скажемъ мы въ аулахъ, когда вернемся съ пустыми руками. На Кубани теперь идетъ уже тревога, а нашъ набѣгъ все равно не удастся. Дѣлай, князь, какъ самъ знаешь.

Что было отвѣчать Джембулату? онъ отвѣхалъ въ сторону и приказалъ готовиться къ бою.

Видя, что скоро начнется атака, Гречишкинъ съ своей стороны еще разъ обратился къ казакамъ со словами: „Если къ намъ не придутъ на помощь, это будетъ уже не наша вина. Мы сдѣлали все, что могли, и остается сдѣлать немного—только умереть“. Но казаки и сами знали, что надо дѣлать дальше. Первые двѣ конныя атаки отбиты были ими съ большимъ урономъ для горцевъ. Черкесы бросались отчаянно, пренебрегая смертью; но кони не шли на страшный, залитый кровью, барьеръ: конскіе трупы пугали ихъ и они, не рѣшаясь перешагнуть черезъ нихъ, фыркали, вставали на дыбы, метались въ стороны и только подставляли своихъ всадниковъ подъ пули казаковъ.

Готовилась третья атака, когда Гречишкинъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ, что черезъ Терсъ-Зеленчукъ, высоко держа надъ головами ружья, переправлялась непріятельская пѣхота. Это были спѣшенные черкесы, отправленные Джембулатомъ въ тылъ казакамъ. Одновременно началась третья атака, произведенная уже самимъ Джембулатомъ. До этихъ поръ онъ держался въ сторонѣ; но ропотъ начавшійся среди горцевъ, не узнавшихъ своего отважнаго предводителя, заставилъ его, наконецъ, принять участіе въ атакѣ; онъ выхватилъ шашку и бросился впередъ съ такимъ ожесточеніемъ, что первый перескочилъ заваль и очутился въ серединѣ „редута“; за нимъ ворвалось два—три десятка горцевъ. Въ эту минуту

выстрѣлъ въ упоръ свалилъ Джембулата съ коня; пуля раздробила ему плечо, и шашка выпала изъ онѣмѣвшей руки его. Нѣсколько человѣкъ быстро подхватили раненаго своего предводителя и вывели его изъ редута; другіе толпой набросились на Гречишкина и изрубили его въ куски; затѣмъ были перебиты всѣ казаки. Но побѣда черкесамъ обошлась не дешево—они имѣли еще большія потери и, отказавшись отъ нападенія на Линію, потянулись обратно къ Лабѣ.

Черезъ полъ часа берега рѣки опустѣли, и кругомъ водворилась опять тишина. Мертвецы лежали спокойно и ждали уже не суетной помощи, а честнаго погребенія. Они погибли всѣ, но своею кровью искупили спокойствіе Линіи и оградили безопасность своихъ станицъ; это былъ подвигъ высокаго самоотверженія, и имя Гречишкина останется навсегда въ памяти казаковъ.

Штабсъ-капитанъ Кавказской гр. артил. бригады Новицкій и путешествіе его въ земли черкесскихъ племенъ. Бесленей Аббатъ. Занятіе мыса Адлера въ 1837 г.

По мнѣнію графа Паскевича Кавказъ возможно было покорить въ короткій срокъ, но покореніе это надобно было начать съ западной части, чтобы отнять у горцевъ прежде всего возможность сношеній съ Турціей. „Для этого,—говорилъ фельдмаршалъ,—нужно было только провести укрѣпленную линію съ Кубани прямо на Геленджикъ, поставить

на берегу Чернаго моря нѣсколько укрѣпленій, а затѣмъ, когда все это будетъ готово, направить со стороны Геленджикской линіи на западъ десять малыхъ отрядовъ, чтобы вытѣснить горцевъ къ морю и тамъ угрожать имъ истребленіемъ, если не подчинятся русской власти“.

Прежде чѣмъ выполнить этотъ планъ, необходимо было имѣть свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, куда предполагалось направить военныя дѣйствія, нужно было изслѣдовать пути, ведущіе къ непокорнымъ племенамъ, а это представляло величайшія затрудненія. Среди Кавказскихъ войскъ нашлись, однако, смѣлые и предприимчивые офицеры, которые предложили графу Паскевичу проникнуть къ горцамъ, чтобы доставить полное описаніе какъ ихъ страны, такъ и внутренней жизни. Эти офицеры были: генеральнаго штаба Искрицкій, Зубовъ и Бартеневъ и Кавказской гренадерской артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ Новицкій*).

Раннею весною 1830 года Новицкій прибылъ въ Анапу, но составленное имъ описаніе Закубанскихъ дорогъ и переваловъ черезъ горы отъ Кубани къ Черному морю сдѣланы по распросамъ и, конечно, нельзя было поручиться за достовѣрность этихъ свѣдѣній. „Между тѣмъ, — говорилъ Новицкій, — я считалъ долгомъ во что бы ни стало доставить правительству вѣрныя свѣдѣнія, на которыхъ можно было

*) Уже въ управленіе Кавказомъ барона Розона замѣчательное описаніе Закубанскихъ племенъ сдѣлалъ баронъ Торнау, а Кавказскаго хребта черезъ Сванетію въ большую Кабарду генеральнаго штаба капитанъ князь Шаховскій. Сванетію впоследствии описалъ штабсъ-капитанъ Черноморскаго линейнаго № 9 баталіона Лисовскій.

бы основать военныя операциі. Но какъ проникнуть въ землю непокорныхъ горцевъ, куда не только русскіе, но даже иностранные путешественники, находившіеся подъ покровительствомъ Турціи, не осмѣливались заглядывать безъ риска быть убитыми или захваченными въ плѣнъ сдѣлаться безправными вѣковѣчными рабами“.

Дѣйствительно, Новицкому предстояла трудная задача, но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются передъ препятствіемъ. Онъ рѣшился проникнуть въ горы и никому не открывая своихъ намѣреній, написалъ письмо графу Паскевичу; онъ просилъ разрѣшенія, переодѣвшись, посѣтить горскія земли, чтобы все видѣть и во всемъ удостовѣриться. Паскевичъ былъ изумленъ смѣлостью молодого офицера и тотчасъ же отправилъ ему тысячу рублей и нѣсколько цѣнныхъ вещей для подарковъ.

Новицкій началъ распрашивать мирныхъ черкесъ о томъ, кто въ Шапсугіи такія вліятельныя лица, которыя могли бы принять его у себя, какъ частнаго путешественника. Ему указали на двухъ братьевъ Аббатовъ, Бесленея и Убыха. То были знаменитые наѣздники, гроза Кубанской линіи, пользовавшіеся громадною извѣстностью среди мирныхъ и немирныхъ черкесъ. „Могу ли я увидѣть этихъ удалцевъ“, спросилъ Новицкій одного изъ своихъ собесѣдниковъ. „Не знаю, — отвѣчалъ тотъ, — но могу попытаться пригласить ихъ на свиданіе съ тобой, но такъ какъ голова Аббатовъ оцѣнена ващимъ начальствомъ, то

не ручаюсь, чтобы они рѣшились пріѣхать въ крѣпость; впрочемъ, попробую и дамъ табѣ знать“.

Прошло нѣсколько дней и Новицкаго уведомили, что Аббаты пріѣхали и ожидаютъ въ двухъ верстахъ отъ Анапы, но если онъ желаетъ ихъ видѣть, то долженъ пріѣхать одинъ, безъ конвоя. Новицкій переодѣлся въ штатское платье и отправился на свиданіе только съ переводчикомъ. Отѣхавъ версты двѣ отъ Анапы, онъ увидѣлъ кучу людей, впереди которой двое лежали на буркахъ; при его приближеніи оба они встали и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись скрытые въ перелѣскахъ до пятисотъ вооруженныхъ черкесъ.—„Аллахъ посылаетъ намъ кладъ,—сказалъ Бесленей,—и мы, ничѣмъ не рискуя, получимъ за него хорошій выкупъ“.

Не смущаясь такимъ загадочнымъ привѣтствіемъ, Новицкій соскочилъ съ коня и, смѣло подойдя къ Бесленею, подалъ ему руку.—„Я свободный путешественникъ,—сказалъ онъ,—безъ роду и племени и ничего не имѣю для своего выкупа.“ Странствуя по разнымъ мѣстамъ изъ одного любопытства, я только хотѣлъ познакомиться съ храбрыми черкесами и видѣть ихъ лучшихъ прославленныхъ вождей“.—Бесленей улыбнулся, приказалъ разослать бурку и, пригласивъ Новицкаго присѣсть вмѣстѣ съ нимъ и братомъ, охотно отвѣчалъ на всѣ его распросы. Когда бесѣда кончилась и Новицкій всталъ, чтобы возвратиться въ крѣпость, Бесленей взялъ его за руку и сказалъ: „Благодарю тебя за довѣріе; ты повѣрилъ моему слову и пріѣхалъ одинъ; такой поступокъ мы цѣнимъ

высоко“. Прощаясь, Новицкій просилъ въ знакъ дружбы и куначества принять золотые часы съ азіатскимъ циферблатомъ и просилъ разрѣшенія прислать въ подарокъ вещи, нужныя для женской половины.

Смѣлость Новицкаго, спокойный тонъ и безграничное любопытство, выказанное имъ въ распросахъ, убѣдили Бесленей, что передъ нимъ дѣйствительно простой путешественникъ, не имѣющій никакихъ отношеній къ политическимъ цѣлямъ. Новицкій сдержалъ свое слово и, отправляя подарки его семьѣ, былъ убѣжденъ, что дождемся того момента, когда и самъ Бесленей пожелаетъ ему услужить. На это обстоятельство, зная черкесскіе нравы, онъ и возложилъ свои надежды.

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялось вторичное свиданіе, и Бесленей, горячо поблагодаривъ за подарки его женамъ, сказалъ: „Ты непонятный для меня человекъ, но въ высшей степени внимательный и добрый. Обычай гостепріимства мы цѣнимъ свято и, соблюдая его, я спрашиваю: чѣмъ могу служить тебѣ лично?“ Новицкій тотчасъ воспользовался этой минутой и отвѣтилъ: „Я въ восторгѣ отъ твоихъ разказовъ объ адыге и абадзѣ; доставь мнѣ удовольствіе видѣть ихъ патріархальный бытъ, посѣтить ихъ жилища, познакомиться съ ихъ обычаями“. Новицкій съ трепетомъ ожидалъ отвѣта. Казалось, Бесленей только теперь догадался съ кѣмъ имѣеть дѣло; но отступать было поздно: слово дано, а Бесленей еще ни разу не измѣнялъ ему. „Вижу что я, старый дуракъ,

обмануть тобою“—сказаль онъ сурово,—ты русскій офицеръ и, слѣдовательно, лазутчикъ, но дѣлать нечего—я далъ слово и сдержу его; мой братъ Убыхъ будетъ твоимъ проводникомъ; но знаешь ли ты во что обойдется мнѣ твое путешествіе? самое меньшее—жизнь; да при томъ, Боже сохрани, если насъ узнаютъ, тебя живого разорвутъ на куски. Впрочемъ, объ этомъ говорить нечего; я повторяю, что далъ слово и свято исполню его.

Затѣмъ они условились о времени выѣзда, назначивъ мѣстомъ новаго свиданія Бугасскій карантинъ, менѣ доступный наблюденію горцевъ. Новицкій распустилъ слухъ, что ѣдетъ въ Екатеринодаръ. Въ назначенный день Новицкій подъ предлогомъ прокатиться по Кубанскому лиману, выѣхаль изъ Бугаса на лодкѣ въ сопровожденіи одного только переводчика. Послышался условный сигналъ, и Новицкій причалилъ къ берегу, гдѣ его встрѣтилъ Убыхъ съ своими оруженосцами.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ: кто же были эти Аббаты, вызвавшіе служить проводниками, рисковавшіе своими головами въ той же мѣрѣ, какъ и самъ Новицкій.

Фамилія Аббатовъ была одною изъ древнѣйшихъ фамилій Шапсугіи, и предки ихъ когда то считались предводителями шапсугскаго племени. Отецъ ихъ въ свое время пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ; дѣти съ ранняго возраста отданы были на воспитаніе, по обычаямъ горцевъ, въ чужые аулы: одинъ къ бесленеевцамъ, другой—къ убыхамъ; по-

тому они и были названы по именамъ воспитавшаго ихъ племени—Бесленей Аббатомъ и Убыхъ Аббатомъ. Послѣдній заимствовалъ всѣ характерныя черты убыхскаго народа—суровость и храбрость до дерзости; но онъ не отличался особенною дальновидностью и не былъ способенъ къ роли самостоятельнаго дѣятеля; но онъ прославился какъ одинъ изъ лучшихъ наѣзниковъ Закубанья. Напротивъ того, старшій братъ его Бесленей въ дѣтствѣ получилъ непреодолимую страсть къ общественнымъ дѣламъ, славу краснорѣчиваго оратора „языка народа“. И, дѣйствительно, необычайнымъ даромъ слова онъ былъ способенъ увлекать за собою народъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ предводителей и рѣшался на такія предприятия, какія другимъ были не подъ силу. Имя его хорошо было извѣстно на Кубанской линіи, и этотъ огонь наѣзднической отваги не угасалъ въ немъ до самой старости. Боевыя подвиги его доставили ему дружескія связи съ лучшими людьми Черкесіи, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ тогда темиргоевскій вождь знаменитый Джембулатъ Балатоковъ.

Подъ охраной Бесленей и Убыха Новицкій пустился въ далекій путь, требовавшій отъ него незаурядной рѣшимости, находчивости и твердости духа: на каждомъ шагу сторожила его смерть или мучительный плѣнъ. Бесленей самъ не сопровождалъ Новицкаго, но со своими узденями слѣдовалъ все время параллельно его пути и зналъ всегда, когда и гдѣ ночуетъ Новицкій, чтобы въ случаѣ какой нибудь опасности явиться къ нему на помощь. При такихъ

условіяхъ Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ свою задачу и, возвратившись подъ тою же охраною Аббатовъ, представилъ подробное донесеніе.

Слухъ о проѣздѣ русскаго офицера черезъ земли Закубанскихъ народовъ быстро облетѣлъ всѣ горы, и встревоженные горцы обратили весь свой гнѣвъ на братьевъ Аббатовъ. Когда они возвратились въ свой аулъ, то толпы горцевъ устремились къ ихъ жилищу, угрожая имъ смертию. Бесленей съ обычнымъ ему краснорѣчіемъ началъ горорить съ толпой; но народные старшины, ненавидѣвшіе Бесленея, поджигали буйство толпы и не шли ни на какія условія. Обвиняя обоихъ Аббатовъ въ явномъ преступленіи противъ Шапсугскаго племени, они требовали, чтобы оба явились къ духовному суду. Бесленей заявилъ, что онъ отказывается явиться на судъ личныхъ его враговъ. Народъ угрожалъ ворваться въ жилище Аббатовъ; но братья рѣшились дорого продать свою жизнь, а люди преданные имъ и находившіеся съ ними изъявили полную готовность раздѣлить съ ними ихъ жребій. Переговоры затѣмъ длились нѣсколько дней и Аббаты, склонившись на совѣты друзей, ночью убѣжали за Кубань, покинувъ въ аулѣ свои семейства, и это была большая ошибка, послужившая причиной всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій ихъ.

Съ исчезновеніемъ Аббатовъ гнѣвъ шапсуговъ обратился на ихъ семьи: они разграбили имѣніе, а женъ и дѣтей забрали въ плѣнъ; жены подверглись насилію. Враги Бесленея торжествовали: онъ живъ, а женой его владѣетъ ненавистный ему чело-

вѣкъ. Даже шапсугскіе старшины, узнавъ объ этомъ, съѣхались для обсужденія о случившемся до тѣхъ поръ неслыханномъ въ ихъ землѣ происшествіи. Они возвратили жену Бесленея изъ плѣна, отдали ее подъ охрану надежнаго человѣка и обезпечили ея участь.

Пораженный своимъ несчастіемъ, Бесленей выѣхалъ въ предѣлы Шапсугіи въ сопровожденіи только одного вѣрнаго человѣка и послѣ долгихъ превратностей ему удалось освободиться отъ наложенныхъ врагами оковъ и вмѣстѣ съ женой найти спасеніе въ русскихъ предѣлахъ.

Въ 1834 году были присланы въ первый разъ малолѣтніе горцы для воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми пріѣхали въ столицу и почетные старшины различныхъ племенъ, въ томъ числѣ былъ и Аббатъ.

„Я ожидалъ—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ флигель-адъютантъ Ханъ-Гирей,—въ Бесленеѣ, котораго мы привыкли съ дѣтства соединять тревоги и истребленія, видѣть человѣка раздраженнаго до крайности, готоваго какъ разъяренный тигръ разрушить родную берлогу. Каково же было мое удивленіе, когда я нашель въ немъ человѣка, который забылъ личныя свои отношенія, разсуждалъ только о благѣ своей родины въ соединеніи ея съ Россіей.“

Бесленей былъ представленъ Императору Николаю I и обласканъ имъ. При осмотрѣ достопримѣчательностей столицы особенно поразила его портретная галерея Зимняго Дворца. „Какъ это хорошо,—сказалъ онъ,—конечно, многихъ изъ нихъ уже нѣтъ

въ живыхъ, другіе устарѣли, но дѣти умершихъ когда бываютъ здѣсь, съ удовольствіемъ смотрятъ на своихъ отцовъ и это придаетъ ихъ чувствамъ болѣе духа, а старики утѣшаются воспоминаніями о славныхъ дѣлахъ, которыхъ они были свидѣтелями и участниками“. Вернувшись въ Черноморіе, Бесленей окончилъ свою бурную жизнь въ 1837 году.

По Адрианопольскому мирному договору весь восточный берегъ Чернаго моря, отъ Кубани до укрѣпленія Св. Николая, со всѣми бывшими на немъ турецкими укрѣпленіями и обитавшими горскими племенами былъ уступленъ Турціей во владѣніе Россіи. Однако торговая выгода заставила горцевъ поддерживать прежнія сношенія съ турками, несмотря на крейсерство русскаго флота. Дѣло въ томъ, что наши большіе корабли не могли подходить близко къ берегу, тогда какъ мелкія турецкія кочермы, вооруженныя иногда одною или двумя пушками, быстро и смѣло прорывались къ берегу; здѣсь онѣ выходили къ устью рѣкъ, иногда вытаскивались на самый берегъ, и тамъ производилась мѣна, выгрузка и нагрузка товаровъ.

Черкесы постоянно имѣли своихъ агентовъ въ Константинополѣ и Трапезундѣ. Сношенія эти были тѣмъ невыгоднѣе для насъ, что англичане и турки доставляли горцамъ оружіе, порохъ и другіе боевые припасы.

Вмѣшательство англичанъ въ дѣла горскихъ племенъ началось почти непосредственно послѣ заключенія Адрианопольскаго договора. Сперва они огра-

ничивались одними совѣтами и внушеніями, имѣвшими цѣлью поколебать въ мнѣніи горцевъ достовѣрность статей договора. Черкесскій житель Сеферъ-бей Зано былъ главнымъ посредникомъ между англійскимъ посольствомъ въ Константинополь и прибрежными племенами. Скоро къ прежнимъ внушеніямъ присоединились убѣжденія о необходимости общаго возстанія противъ Россіи и распространеніе слуховъ о скоромъ прибытіи турецкихъ войскъ и о возвращеніи имъ обратно всего побережья. Турецкіе же муллы убѣждали черкесовъ открыть священную войну по примѣру лезгинъ Дагестана и чеченцевъ.

Въ 1834 году сотрудникъ одной лондонской газеты Лонгвортъ подъ видомъ путешественника высадился въ одномъ изъ пунктовъ побережья, гдѣ торжественно былъ принятъ громаднымъ сборищемъ черкесъ. Въ 1836 году крейсерами нашими была захвачена англійская купеческая шхуна, намѣревшаяся доставить черкесамъ транспортъ боевыхъ снарядовъ и другихъ припасовъ. Въ 1837 году получено было извѣстіе, что владѣлецъ этой шхуны Белль вмѣстѣ съ Лонгвортомъ прибыли къ черкесскимъ берегамъ, проникли къ шапсугамъ и натухайцамъ въ то время, когда племена эти отправляли въ Константинополь доверенныхъ лицъ съ цѣлью узнать: должны ли черкесы ожидать обѣщанной имъ помощи или нѣтъ. Белль оставилъ посылку депутации, убѣждая, что помощь непременно будетъ оказана. Благодаря этимъ внушеніямъ, черкесы отправили къ генералу Вельяминову депутацию съ требованіемъ прекратить военныя дѣй-

ствія, вывести войска изъ черкесскихъ земель и разрушить возведенныя отъ Ольгинскаго тете-де-пона до Геленджика укрѣпленія. При такихъ условіяхъ они съ своей стороны обязывались прекратить свои набѣги на линіи. Вельяминовъ не могъ убѣдить, что черкесы обмануты; онъ воспользовался, однако, этимъ случаемъ и вручилъ депутаціи воззваніе, въ которомъ именемъ Государя черкесы приглашались къ добровольному изъявленію покорности; вмѣстѣ съ тѣмъ горцамъ предлагалась за поимку Белля награда въ три тысячи рублей.

Такая же депутація явилась къ генералу Малиновскому, двигавшемуся съ отрядомъ отъ Ольгинскаго тете-де-пона къ Абину. Малиновскій старался указать всѣ выгоды мирной жизни и убѣждалъ ихъ покориться.

— Вы хорошо знаете, говорилъ онъ, что по Адрианопольскому миру султанъ, вашъ падишахъ, уступилъ на вѣчныя времена Россіи всѣхъ васъ и весь берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до пристани Св. Николая и до границъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи.

Одинъ изъ черкесовъ, почти дряхлый старикъ, выслушавъ слова Малиновскаго, отвѣтилъ:

— Ты хорошій генералъ! и, указывая на птицу, сидѣвшую въ это время на деревѣ, прибавилъ — за твое доброе слово я дарю тебѣ эту птицу на вѣчныя времена, возьми ее!

Приложивъ правую руку къ груди, онъ кивнулъ головою, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ большою рысью; за нимъ послѣдовали и его товарищи.

Результатомъ всѣхъ стараній англійскихъ и ту-

рецкихъ агентовъ было то, что прибрежные черкесы соединились съ племенами жившими противъ Праваго фланга и рѣшились общими усиліями оказывать намъ сопротивленіе утвердиться на восточномъ берегу Чернаго моря и, дѣйствительно, войскамъ непрерывно приходилось отражать внезапные набѣги горцевъ

Вотъ одинъ изъ выдающихся случаевъ черкесскаго удалства и столь же смѣлаго подвига линейнаго казака.

Въ 1836 году около Геленджика отважные наѣздники—черкесы переплывали быструю рѣчку Добъ, чтобы и себя показать и высмотрѣть расположеніе линейныхъ казаковъ. Одинъ изъ этихъ храбрецовъ смѣлѣе другихъ носился передъ нашимъ лагеремъ, подскакивалъ близко къ Линейцамъ, выхватывалъ изъ за плечъ винтовку и мѣткимъ выстрѣломъ каждый разъ сваливалъ когонибудь въ цѣпи. Казаки разсердились не на шутку.

—Что онъ, бисовъ чортъ, горцуеть. Свалимъ его, братцы, съ коня,—говорили обиженные казаки, поглядывая на своего офицера.

Офицеръ молчалъ, ожидая особаго приказанія отъ начальника, чтобы ударить на всю партію. Въ это время опять показался лихой наѣздникъ, снова выстрѣлилъ изъ своей винтовки и снова скрылся за оврагомъ. Казаки еще разъ взглянули на офицера, побрякивая своими пашками. Наконецъ и офицеръ потерялъ терпѣніе и сказалъ: „Кто изъ васъ хочетъ схватиться съ этимъ нахаломъ?“

Я! раздалось въ толпѣ, и казакъ небольшого роста, съ черною окладистою бородою, съ маленьки ми глазами, въ которыхъ сверкалъ огонь отваги, выскочилъ впередъ и, молодецки осадивъ коня, сказалъ: „Я знаю, ваше благородіе, какъ добывать этихъ косматыхъ чертей“, и съ этими словами пустилъ своего коня прямо къ оврагу. Въ это время показался и черкесь. Казакъ полоснулъ своего коня нагайкой, пригнулъ къ сѣдлу и, поднявъ шашку, стрѣлой понесся на врага. Черкесь остановился, зарядилъ винтовку и, играя поводьями, съ презрѣніемъ посматривалъ на казака, который несся во всю конскую прыть по полянѣ. Вдругъ выстрѣлъ, и казакъ повисъ на сѣдлѣ.

— „Пропалъ Егорычъ“, слышалось въ толпѣ. „Жаль молодца“, проговорилъ офицеръ, посматривая на Егорыча, который висѣлъ на лошади внизъ головою.

Черкесь подскочилъ къ своей добычѣ, но въ тотъ же моментъ казакъ вдругъ встрепенулся, вскочилъ на сѣдло, схватилъ черкеса за бороду и сильнымъ ударомъ шашки свалилъ его съ коня. Тутъ подоспѣли офицеръ и казаки. Егорычъ хладнокровно обезоруживалъ черкеса, держа въ поводьяхъ обѣихъ лошадей.

„Ты раненъ?“ спросилъ офицеръ.

„Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, весело отвѣтилъ Егорычъ: я только потѣшилъ бусурманина, чтобы легче схватить его. Въ другой разъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ черкесу, который, конечно, не понималъ ни одного слова по-русски, — когда придется

тебѣ стрѣлять, то смотри, дуралей, куда летитъ пуля, а на воздухъ порху не трать“.

Чтобы положить конецъ всѣмъ невыгоднымъ для насъ сношеніямъ горцевъ, было рѣшено занять всѣ мѣста восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ только могли приставать суда. Съ этой цѣлью Императоръ Николай I повелѣлъ при содѣйствіи Черноморскаго флота построить цѣлый рядъ укрѣпленій, которыя должны были образовать Черноморскую береговую линію. Главный начальникъ этой линіи имѣлъ пребываніе въ Керчи.

Въ первую очередь назначено занятіе мыса Адлера, подъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена и генерала Симборскаго.

3-го іюня 1837 г., подъ командою контръ-адмирала Эсмонта, Черноморская эскадра въ составѣ 11-ти разнаго ранга судовъ, посадивъ въ Сухумѣ десантныя войска, направилась къ мысу Адлеру, куда и прибыла 6-го числа. Десантныя войска, подъ начальствомъ генерала Вольховскаго, составляли: 8 ротъ Грузинскаго, 6 ротъ Тифлискаго, 6 ротъ Мингрельскаго полковъ, рота Кавказскаго сапернаго баталіона, при 16-ти орудіяхъ и милиціями отъ Гурійскаго, Имеретинскаго и Мингрельскаго народовъ. Между прочимъ, къ Грузинскому полку былъ прикомандированъ декабристъ Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ писателей, сочиненіями котораго о Кавказѣ современники зачитывались и восторгались, называя автора ихъ Пушкинымъ въ прозѣ.

По совѣщаніи съ адмираломъ баронъ Розень отправилъ вдоль берега шкуну и на ней генеральнаго штаба подполковника Нордстрема для выбора мѣста высадки; по приближеніи шкуны горцы открыли ружейный огонь изъ заваловъ и окоповъ.

7-го числа эскадра приблизилась къ берегу, построилась въ боевую линію и спустила всѣ гребныя суда. Одновременно съ кораблей былъ открытъ огонь, который разрушилъ непріятельскіе окопы и заставилъ горцевъ скрыться въ лѣсъ. Генераль Вольховскій, сойдя съ первою частью десанта, съ застрѣльщиками 4-го баталіона Мингрельскаго полка и милиціонерами занялъ опушку лѣса. Пользуясь чрезвычайно густымъ лѣсомъ, поросшимъ бурьяномъ и колючкою, горцы приблизились къ нашей цѣпи и завязали сильную перестрѣлку. Вызвали охотниковъ, и въ числѣ первыхъ заявилъ свое желаніе Бестужевъ. Начальство надъ охотниками принялъ старшій адъютантъ корпуснаго штаба капитанъ Альбрантъ, который былъ извѣстенъ кавказскимъ войскамъ своею храбростію; вмѣстѣ съ ними находился и начальникъ Имеретинской милиціи подполковникъ кн. Церетели. Охотники бросились въ лѣсъ, гдѣ заязалась жаркая перестрѣлка. Черкесы начали отступать; охотники увлеклись преслѣдованіемъ, и вотъ передъ ними неожиданно показался плетень, затѣмъ послышался лай собакъ, и все указывало на близость аула.

— Не зашли ли мы слишкомъ далеко?—сказалъ Альбрантъ и просилъ Бестужева взять двухъ солдатъ и пройти обратно къ начальнику отряда за даль-

нѣйшими приказаніями. Бестужевъ благополучно выполнилъ порученіе и, получивъ распоряженіе генерала Вольховскаго возвратить охотниковъ къ отряду, началъ пробираться сквозь густыя заросли лѣса къ Альбранту, но наткнулся на партію горцевъ и двумя пулями былъ раненъ въ ногу и голову. Не успѣли сопровождавшіе солдаты поднять на руки любимаго офицера, какъ набѣжали черкесы и шашками изрубили всѣхъ троихъ.

Такъ погибъ Бестужевъ. Тѣло его, несмотря на тщательные розыски, не было найдено*).

Между тѣмъ къ Альбранту подоспѣли три роты Мингрельцевъ и они мужественно остановили горцевъ бросившихся въ рукопашный бой. Въ это время войска были подкрѣплены пятью ротами Тифлискаго полка, которыя и принудили горцевъ оставить лѣсъ.

По высадкѣ остальной части десанта генераль Симборскій съ баталіономъ Грузинскаго полка, съ горными пушками и саперною ротою былъ отправленъ вдоль берега моря къ устью р. Мзымты для занятія лагеря. При движеніи Грузинцевъ горцы начали стрѣлять, но нѣсколькими картечными выстрѣлами изъ горныхъ пушекъ они принуждены были скрыться. Къ мѣсту лагеря прибыли и всѣ остальные войска, и оно было назначено для устройства укрѣпленія.

*) На четвертый день послѣ высадки при одномъ набѣгѣ на ближайшій аулъ нашли на убитомъ муллѣ пистолетъ Бестужева. Затѣмъ какой то изъ горцевъ принесъ въ лагерь на продажу золотое кольцо, также принадлежавшее Бестужеву. Принялись за новые розыски: не остался ли онъ живъ, и не попалъ ли онъ только въ плѣнъ? Дѣло это поручили мирному черкесу Гасованъ-бею, который удостовѣривъ о смерти и рассказалъ подробности, слышанныя имъ отъ горцевъ.

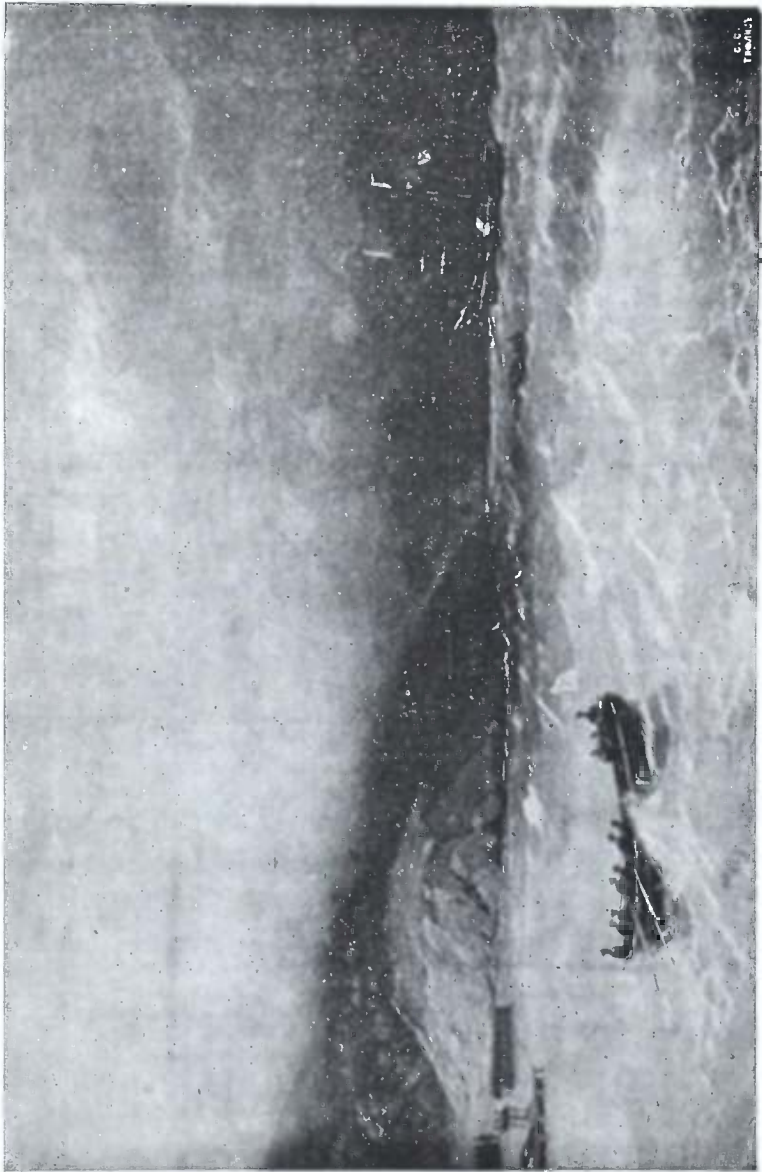
18-го іюня послѣ закладки было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія названнаго укрѣпленіемъ Св. Духа. По просьбѣ барона Розена укрѣпленіе это въ честь шефа Грузинскаго гренадерскаго полка, генерала-адмирала Великаго князя Константина, названо впослѣдствіи Константиновскимъ. Баронъ Розенъ отправился на пароходѣ осматривать другія мѣста побережья, поручивъ отрядъ генералу Симборскому.

По полученіи донесенія, Императоръ Николай I приказалъ объявить всѣмъ войскамъ благодарность. Придавая такому благопріятному началу важное значеніе, военный министръ графъ Чернышевъ писалъ барону Розену: „занятіе съ одной стороны мыса Адлера вашимъ высокопревосходительствомъ, съ другой рѣки Пшады г.-д. Вельяминовымъ положено начало исполненію Высочайше предначертаннаго плана овладѣнія всѣмъ пространствомъ восточнаго берега Чернаго моря, въ видахъ пресѣченія иностраннымъ агентамъ возможности сношенія съ горцами“.

Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 году. Боевые подвиги Эриванцевъ, Грузинцевъ, Тифлисцевъ, Мингрельцевъ, Тенгинцевъ, Навагинцевъ и Черноморскаго флота при занятіи Сочи, Туапсе и Субаши.

Желая лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ на Кавказѣ, Императоръ Николай I въ 1837 году рѣшилъ посѣтить эту окраину.

Путешествіе Императора Николая Павловича по Кавказу оставило глубокій слѣдъ въ народной па-

Высадка Императора Николая I въ Геленджикъ 20 сентября 1837 года. Съ карт. Айвазовскаго.

мяти. Послѣ Петра Великаго это былъ первый Государь, посѣтившій Кавказъ и на этотъ разъ не со стороны Каспія, а съ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ война съ черкесами была въ полномъ разгарѣ.

20-го сентября Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесевичемъ прибыли изъ Севастополя на пароходѣ „Полярная звѣзда“ въ Геленджикской бухтѣ. На берегу былъ выстроень почетный караулъ. Погода была ненастная, и лѣсистыя горы покрыты были густымъ туманомъ. Несмотря на бушевавшее море, Государь съ Наслѣдникомъ сѣлъ на шлюпку; на руль сталъ графъ Л. Л. Гейденъ (одинъ изъ наваринскихъ героевъ, впослѣдствіи извѣстный адмиралъ). Легкая шлюпка, заливаемая волнами, понеслась къ пристани*). Государь высадился на берегъ, поздоровался съ карауломъ и направился къ комендатскому дому. Послѣ непродолжительнаго отдыха и послѣдовавшаго затѣмъ пріема командующаго войсками на Кавказской линіи г.-л. А. А. Вельямина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ Государь отправился къ г.-м Штейбену, смертельно раненому въ бывшей наканунѣ экспедиціи. Выразивъ искреннее участіе умирающему, Государь пожаловалъ ему 3 тысячи червонцевъ; затѣмъ при посѣщеніи баталіонныхъ лазаретовъ нѣкоторымъ раненымъ нижнимъ чинамъ лично возложилъ георгіевскіе кресты.

*) Прекрасная картина „Высадка въ Геленджикѣ“, написанная извѣстнымъ маринистомъ Айвазовскимъ, находится въ Кавказскомъ Военно-Историческомъ Музеѣ (Храмѣ Славы) въ Тифлисѣ.

Утромъ слѣдующаго дня вдругъ вспыхнулъ пожаръ: загорѣлись интендантскіе бунты провіантскаго магазина, при чемъ огонь началъ угрожать пороховому погребу. Государь стоялъ на балконѣ и любовался смѣлостью и отвагою нижнихъ чиновъ, которые, ободряемые присутствіемъ Царя и руководимые его указаніями, вытаскивали изъ погреба бочки съ порохомъ и ящики съ патронами. Къ 11 часамъ пожаръ удалось затушить, и Государь отправился въ лагерь, расположенный въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія. Подъѣхавъ къ войскамъ, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ по линіи фронта, имѣя по правую руку Наслѣдника. Порывистый вѣтеръ въ это время дулъ съ такою силою, что солдаты съ трудомъ удерживались на ногахъ и ни о какомъ парадѣ нельзя было и думать. Обойдя войска, Государь направился къ палаткѣ, которую едва удерживала цѣлая сотня казаковъ. Послѣ завтрака Государь благодарилъ солдатъ за усердную службу, со многими офицерами вступалъ въ разговоры, а генерала Вельяминова обнялъ и поцѣловалъ. Вечеромъ Императоръ занимался дѣлами, а 22-го числа простился съ войсками и на лодкѣ азовскихъ казаковъ отправился на ожидавшій его пароходъ.

23-го сентября „Полярная звѣзда“ подошла къ Анапской бухтѣ. Утромъ слѣдующаго дня Императоръ прибылъ на шлюпкѣ къ пристани, гдѣ былъ встрѣченъ комендантомъ графомъ Цукато и направился къ комендатскому дому. По принятіи ординарцевъ

и назначивъ 4-хъ нижнихъ чиновъ въ гвардію, принялъ докладъ коменданта и подробно спрашивалъ о военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами; затѣмъ отправился пѣшкомъ осматривать крѣпость. Начавъ съ посѣщенія госпиталя и крѣпостныхъ стѣнъ, Государь вышелъ на большую площадь, гдѣ приготовлены были для осмотра войска Анапскаго гарнизона. Войска прекрасно прошли скорымъ церемоніальнымъ маршемъ и удостоились Царской благодарности: Пожаловавъ ординарцамъ и вѣстовымъ по 5 рублей ассигнаціями, Государь отправился на пароходъ и прослѣдовалъ въ Крымъ, гдѣ, распрощавшись съ Наслѣдникомъ, 25-го сентября направился на „Полярной звѣздѣ“ обратно на Кавказъ, въ Редутъ-кале.

Въ Грузіи о предполагаемомъ путешествіи Императора говорили давно, а 18 марта военный министръ графъ Чернышевъ увѣдомилъ барона Розена, что Государь посѣтитъ Кавказъ въ сентябрѣ. Въ Тифлисѣ немедленно была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ г.-л. Фролова съ обязанностью изыскать средства къ безостановочному проѣзду Государя. Закипѣла горячая и спѣшная работа; лихорадочная суета охватила всѣ учрежденія. Самъ баронъ Розенъ въ первой половинѣ сентября выѣхалъ для осмотра пунктовъ предполагаемаго маршрута и прибылъ въ Редутъ-кале.

27 сентября на горизонтѣ бушевавшаго моря показалась „Полярная звѣзда“. Пароходъ быстро приближался и въ виду города бросилъ якорь. Баронъ Розенъ стоялъ на берегу.

— Честь имѣю явиться! — произнесъ Государь, — вступивъ на берегъ и держа подъ козырекъ; и тутъ же протянулъ барону руку.

Свиту Государя составляли: генераль-адъютантъ графъ Орловъ, графъ Адельбергъ, лейбъ-медикъ Арендъ, флигель-адъютантъ подполковникъ Львовъ, прусской службы полковникъ Раухъ, три фельдъегерскихъ офицера.

Изъ Редутъ-кале Императоръ отправился въ Зугдиды, резиденцію владѣтеля Мингрелии, князя Левана Дадіани, затѣмъ прослѣдовалъ черезъ Кутаисъ, Сурамъ, Боржомское ущелье въ Закавказскій край.

13-го апрѣля 1838 года эскадра контръ-адмирала Артюкова съ десантнымъ отрядомъ подошла къ устью р. Сочи и первая часть десанта, посаженная на гребныя суда, высадилась на берегъ и овладѣла близлежащими высотами. Горцы скрывавшіеся въ ущельѣ начали показываться на противоположной высотѣ. 3-я карабинерная рота Мингрельскаго полка успѣла внести на гору одно горное орудіе; 7-я и 8-я роты, составляя переднюю цѣпь, соединились съ 3-ю ротою и, подкрѣпленныя Имеретинской и Гурійской милиціями, подъ начальствомъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитана Плацьбекъ-Кокума, вели горячую перестрѣлку съ черкесами.

Видя опасное положеніе пѣхоты, генераль Симборскій подкрѣпилъ ее еще двумя ротами Мингрельцевъ и артиллеріей. Мингрельцы прочно утвердились на горѣ и заняли деревню Сочи. Прибывшія затѣмъ двѣ роты Эриванскаго полка и два легкихъ орудія

3-й легкой батареи окончательно упрочили за нами гору, и неприятель былъ отброшенъ.

На другой день вершины ближайшихъ горъ были устьяны толпами пѣшихъ и конныхъ горцевъ. Оказалось, что у Сочи была только одна половина убуховъ, другая же ожидала высадку около Мамая. Перестрѣлки продолжались и въ слѣдующіе дни. 17 числа прибылъ въ лагерь князь Керендукъ-Берзекъ, племянникъ извѣстнаго Хаджи-Берзека. Керендукъ былъ присланъ просить убрать тѣла убитыхъ, на что и получилъ разрѣшеніе; онъ подтвердилъ, что убухи собираются со всѣхъ сторонъ и что назначено совѣщаніе для рѣшенія вопроса бороться съ ними соединенными силами, хотя лично Керендукъ заявилъ, что съ семействомъ и родными онъ собирается въ Абхазію, къ своему свойственнику, князю Михаилу. Генераль Симборскій предложилъ Берзеку взять и прочитать воззваніе, въ которомъ указывались условія на какихъ убухи могли бы подчиниться русской власти. Берзекъ согласился.

Между тѣмъ войска подготавливали матеріалъ для постройки укрѣпленія и 21 числа послѣдовала закладка укрѣпленія, названнаго Александріей, а затѣмъ самая постройка производилась Кавказскимъ сапернымъ баталіономъ подъ руководствомъ капитана Гернета.

9-го мая, когда работы уже близились къ концу, по лагерю съ близлежащей возвышенности раздался пушечный выстрѣлъ и шестифунтовое ядро почти долетѣло до устраиваемаго люнета. Наши ар-

тиллеристы открыли изъ 6-ти орудій огонь. Горцы не отвѣчали въ продолженіе двухъ часовъ, а затѣмъ съ горы, отстоявшей за полъ версты, начали стрѣлять снарядами разной величины.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня было рѣшено отнять у непріятеля орудіе. Это было блестяще выполнено подполковникомъ Тифлискаго егерскаго полка Радкевичемъ. Съ егерской ротой Тифлисецъ, двумя ротами Эриванскаго полка, двумя горными единорогами и сотней милиціи Радкевичъ быстро двинулся на гору, съ которой передъ тѣмъ горцы стрѣляли изъ орудія; но пушку свою черкесы уже увезли на одну версту, что было замѣтно по свѣжимъ слѣдамъ колесъ.

Въ то время, когда Радкевичъ занялъ гору, генераль Симборскій послалъ маіора Эгадзе съ двумя ротами Эриванскаго полка, двумя горными единорогами и сотней милиціонеровъ на подкрѣпленіе, а двѣ роты Мингрельцевъ также съ двумя горными орудіями и сотней милиціонеровъ на сосѣднюю высоту для наблюденія за непріятелемъ и оказанія въ случаѣ надобности помощи егерямъ и карабинерамъ.

Подполковникъ Радкевичъ, усиленный подошедшимъ къ нему подкрѣпленіемъ, бросился по слѣдамъ, куда было увезено орудіе, и несмотря на убійственный огонь горцевъ, стекавшихся во множествѣ со всѣхъ сторонъ и занявшихъ пересѣченную мѣстность, съ боя овладѣлъ орудіемъ. Горцы скрылись въ лѣсистыхъ оврагахъ. Выполнивъ возложенный подвигъ, Радкевичъ съ отнятымъ орудіемъ возвратился крат-

чайшей дорогой, приказавъ предварительно сжечь два большихъ убыхскихъ аула.

Чтобы поддержать возвращающіяся войска, двѣ роты Эриванскаго полка съ двумя легкими орудіями заняли позицію передъ лагеремъ, а рота Мингрельцевъ и 50 милиціонеровъ истребили огнемъ два аула и наблюдали за непріятелемъ до окончанія возвращенія въ лагерь бывшихъ въ бою частей.

Обратное движеніе колонны подполковника Радкевича совершенно было въ полномъ порядкѣ и горцы, дѣлавшіе неоднократно нападенія на арьергардъ, были отражены съ большимъ для нихъ урономъ. Ожесточеніе и смѣлость убыховъ превосходили всякое вѣроятіе: даже въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ они кидались съ шашками въ рукахъ въ середину пѣхоты и погибали отъ штыковъ ея.

Донося объ этомъ дѣлѣ, генераль Симборскій писалъ:

„Успѣхъ этого дня я отношу вполнѣ къ благоумнымъ распоряженіямъ и личной храбрости подполковника Радкевича, равно примѣрному и постоянному мужеству войскъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды и опасности. Громкое „ура“, съ которымъ торжественно встрѣчено непріятельское орудіе въ лагерь, было нѣкоторымъ образомъ одною изъ лестнѣйшихъ наградъ для виновниковъ хорошаго исхода дѣла, которое по смѣлому плану и удачному исполненію произвело на черкесъ весьма выгодное для насъ впечатлѣніе.

При семъ, по свидѣтельству подполковника Радкевича, оказали наиболѣе отличія и заслуживаютъ особенной похвалы: находившійся у него генеральнаго штаба капитанъ Глинка—храбростью и содѣйствіемъ въ размѣщеніи войскъ; артиллеріи поручики Варапаевъ и Ивановъ и подпоручикъ Лагода, успѣшнымъ дѣйствіемъ изъ орудій подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ непріятели; состоящій по кавалеріи корнетъ Кундуховъ и штабсъ-капитаны Эриванскаго карабинернаго полка Савицкій и Тифлискаго егерскаго Четвериковъ, находившіеся въ головѣ войскъ при наступленіи ихъ, а при возвращеніи въ арьергардъ, и явившіе въ обоихъ случаяхъ примѣрную неустрашимость и хладнокровіе“.

12-го же мая генераль Раевскій сдѣлалъ высадку на берегахъ Туапсе.

Въ 10 часовъ утра эскадра Черноморскаго флота, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лазарева, прибыла къ устью рѣки; сухопутные начальники были созваны на пароходъ „Сѣверная звѣзда“, гдѣ на совѣщаніи было рѣшено какой именно пунктъ слѣдуетъ занять.

Съ самага прибытія эскадры на берегъ со всѣхъ сторонъ стекались многочисленныя партіи горцевъ.

По данному съ флагманскаго корабля сигналу гребныя суда двумя отдѣленіями, подъ начальствомъ капитана 1 ранга Серебрякова и капитанъ-лейтенанта Корнилова, направились къ берегу. Съ кораблей открылся огонь, и горцы отступили къ лѣсу.

Особой распорядительности Серебрякова и Корнилова отрядъ былъ обязанъ тому, что войска въ полномъ порядкѣ были высажены на берегѣ. Съ первымъ рейсомъ вышли три баталіона Тенгинскаго, два баталіона Навагинскаго и три роты 4-го Черноморскаго линейнаго баталіона, подъ командою маіора Середина.

2-й баталіонъ Тенгинскаго полка подъ командою полковника фонъ-Бринка, составляя авангардъ и выславъ стрѣлковъ, тронулся построенный въ колонну къ атакѣ. Вслѣдъ за нимъ двинулся 1-й баталіонъ Тенгинцевъ подъ командою начальника штаба отряда полковника Ольшевскаго и 2-й баталіонъ Навагинскаго полка подъ командою своего полкового командира полковника Полтинина. Оба послѣдніе баталіона выслали также стрѣлковъ и прикрыли оба наши фланги. 3-й баталіонъ Тенгинцевъ и 1-й Навагинцевъ, подъ командою генераль-маіора Лингена, составляли главную колонну, остались для выгрузки и прикрытія 6-ти легкихъ орудій и 4-хъ горныхъ единороговъ, по окончаніи чего также двинулись за авангардомъ.

При занятіи ближайшихъ высотъ горцы звели перестрѣлку. Навагинцы и Тенгинцы бросились и овладѣли устроенными непріателемъ завалами. Въ то же время выстроенныя въ линію при самомъ устьѣ Туапсе пять азовскихъ лодокъ, подъ командою подполковника барона Гана, обстрѣливали лѣсъ между заваломъ и рѣкою, не позволяя горцамъ переправиться на правую ея сторону.

Горцы укрѣпились на другой горѣ. Полковникъ Ольшевскій, ударивъ въ барабаны, съ Тенгинцами атаковалъ и опрокинулъ штыками бросившихся въ шашки горцевъ. Атака эта была настолько стремительна, что не дозволила подоспѣть 1-му Навагинскому баталіону, посланному въ подкрѣпленіе съ однимъ легкимъ орудіемъ.

Между тѣмъ высадка продолжалась. Сводный баталіонъ матросовъ съ двумя орудіями посланъ былъ съ капитанъ-лейтенантомъ Путятинымъ усилить авангардъ, а остальные высаженные войска выдвинуты на высоты и составили резервъ. Въ продолженіе всего этого времени три пѣшихъ Черноморскихъ казачьихъ полка дѣлали позади войскъ засѣку по всей окружности лагернаго мѣста.

Было пять часовъ дня, и пораженный двумя атаками неприятель началъ удаляться.

13-го мая войска приступили къ заготовкѣ матеріаловъ для устройства укрѣпленія. Прибывшимъ за разрѣшеніемъ убрать тѣла убитыхъ горцевъ двумъ старшинамъ генералъ Раевскій объявилъ, что не торгуетъ мертвыми тѣлами и потому возвращаетъ ихъ безъ выкупа; затѣмъ онъ ласково говорилъ о тѣхъ выгодахъ, какія они будутъ имѣть подчиняясь Русскому Императору; обѣщалъ завести близъ каждой крѣпости базары, изъявилъ полное уваженіе къ ихъ храбрости. На всѣ эти благія пожеланія горцы отвѣтили, что не уполномочены рѣшать такого важнаго вопроса.

На слѣдующій день толпы абадзеховъ подошли на ружейный выстрѣлъ къ нашему лагерю и начали обстрѣливать его. Полковнику Полтнину поручено было отодвинуть засѣку къ самому почти руслу рѣки Туапсе. Обстрѣлявъ картечью это мѣсто, полковникъ Полтнинъ двинулъ туда 1-й и 2-й баталіоны своего Навагинскаго полка и Сводный морской баталіонъ. „Весьма примѣчательно, — писалъ въ донесеніи генераль Раевскій, — что матросы, находясь впервые въ сухопутномъ сраженіи и въ стрѣлкахъ, переняли у своихъ сосѣдей Навагинцевъ все искусство стрѣлковаго дѣла, пользовались мѣстностью, ловко скрывались за пнями и въ кустарникахъ, словомъ, дѣйствовали опытными застрѣльщиками. Все сіе должно приписать примѣрному вниманію и распорядительности капитанъ-лейтенанта Путятина“.

Послѣ этихъ дѣйствій Навагинцевъ и моряковъ наши войска прочно заняли все пространство до р. Туапсе, при чемъ отъ непрекращавшейся перестрѣлки былъ контуженъ Навагинскаго полка поручикъ Тимченко, ранено 6 матросовъ, одинъ казакъ и одинъ артиллеристъ.

„Дѣятельности, храбрости и распорядительности полковника Полтнина и капитанъ-лейтенанта Путятина, — такъ заканчиваетъ генераль Раевскій донесеніе, — мы обязаны успѣхомъ дѣла и сохраненіемъ людей. При семъ случаѣ, равно и во время десанта, военныя достоинства и примѣрное усердіе полковника Полтнина заслуживаютъ особеннаго вниманія; почему я покорнѣйше прошу о награжденіи его зо-

лотою полусаблею съ надписью „за храбрость“. Достоинства, храбрость и услуги, оказанныя капитанъ-лейтенантомъ Путятинымъ, весьма заслуживаютъ поощренія, почему считаю долгомъ ходатайствовать для него производства въ слѣдующій чинъ“.

Согласно Высочайшей воли, въ 1839 г. отрядъ въ составѣ 8 баталіоновъ (по 4 баталіона Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ, 2-хъ ротъ саперъ, 2-хъ полковъ Черноморскихъ казаковъ при 24-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Раевского, долженъ былъ на судахъ Черноморскаго флота высадиться въ Субаши и построить тамъ фортъ. Эскадра подъ предводительствомъ адмирала Лазарева прибыла въ устье Керченскаго пролива и, выйдя 28-го апрѣля при попутномъ вѣтрѣ, 2-го мая прибыла къ устью рѣки Субаши. На этотъ разъ Раевскій вносилъ русское оружіе въ землю убуховъ. На другой день корабли спустили гребныя суда съ посаженными на нихъ Навагинцами и Тенгинцами. Пѣшія толпы убуховъ все больше и больше увеличивались; до 30-ти начальниковъ разѣзжали верхомъ. На равнинѣ подъ вѣковыми деревьями челоуѣкъ 500 стояли на колѣняхъ и передъ ними мулла въ бѣлой чалмѣ; это указывало, что черкесы рѣшились защищаться до крайности и что намъ не дешево достанется ихъ „святое“ мѣсто.

Адмиралъ поднялъ сигналъ „начать бой“, и корабли открыли канонаду. Гребныя суда, подъ командою капитана 2-го ранга Корнилова, двумя линіями стройно двинулись къ берегу и высадили туда вой-

ска Въ числѣ первыхъ вышелъ на берегъ Раевскій. Несмотря на близость эскадры, убухи встрѣтили десантъ въ 50-ти саженьяхъ отъ берега. Дѣйствіе морской артиллеріи заставило горцевъ оставить прибрежные окопы, которыми они укрѣпили все пространство между устьями Субаши и Шахе, и нашли безопасное убѣжище за лѣсистыми возвышеніями и въ оврагахъ.

Едва войска успѣли выйти на берегъ, едва успѣли выгрузить два горныхъ орудія и выслать передовыя цѣпи, какъ толпа болѣе тысячи горцевъ хлынула на равнину и молча, безъ выстрѣла понеслась на передовое прикрытіе. Впереди всѣхъ бѣжало нѣскольکو муллъ въ бѣлыхъ чалмахъ и съ страшнымъ гикомъ кинулись на передовую цѣпь. „Мнѣ кажется, — говоритъ въ своихъ запискахъ очевидецъ этого боя Лореръ, — что я никогда не забуду страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этой неожиданной атакой. Два предводителя горцевъ верхами на бѣлыхъ коняхъ отважно неслись впереди толпы“. Генераль Башутинъ бросился съ баталіономъ Тенгинскаго полка, но горцы, выхвативъ шашки, дерзко шли впередъ. Въ это самое мгновеніе 3-й баталіонъ Навагинскаго полка подполковника Танскаго появился на равнинѣ изъ чащи лѣса, ударивъ въ штыки во флангъ непріятелю съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура“. По приказанію командира Навагинскаго полка полковника Подтанина майоръ Германсъ съ третьей Навагинской мушкетерской ротой, составлявшей резервъ праваго прикрытія, бросился вмѣстѣ съ полковникомъ Танскимъ. Черкесы приостановились, начали стрѣлять и

подались назадъ. Но было поздно—охваченные съ двухъ сторонъ Навагинцами они бились отчаянно въ рукопашной свалкѣ, отступая въ то же время шагъ за шагомъ.

Нѣскольکو матросовѣ съ гребныхъ судовъ, горя желаніемъ участвовать въ этомъ блестящемъ дѣлѣ, бросились въ ряды Навагинцевъ вслѣдъ за капитаномъ 2-го ранга Корниловымъ, капитанами-лейтенантами Панфиловымъ и Ивановымъ, флигель-адъютантомъ Глазенапомъ и другими офицерами. 5-го флотскаго экипажа мичманъ Фредериксъ, увлеченный порывомъ юной храбрости, бросился въ свалку и былъ пораженъ пистолетнымъ выстрѣломъ въ животъ на вылетъ. 41-го экипажа матросъ Александръ Селезневъ обратилъ на себя общее вниманіе примѣрною храбростью: онъ въ глазахъ цѣлаго баталіона Навагинскаго полка закололъ штыкомъ двухъ черкесъ, бросившихся на него съ шашками.

Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ ожидало насъ не менѣе важное дѣло. Такая же большая партія горцевъ спускалась съ высокой горы, раздѣляющей Шахе и Субаши. Они хотѣли занять выдающееся въ море возвышеніе, на которомъ были ихъ главные завалы и древній надгробный памятникъ. Начальникъ лѣваго прикрытія генераль Ольшевскій предупредилъ ихъ движеніе на высоты и съ баталіономъ Тенгинцевъ подполковника Хлюпина быстро повелъ ихъ на покрытый лѣсомъ утесъ горы. Завязалась сильная перестрѣлка, но выгодная позиція позволила не только остановить съ этой стороны напоръ непріятеля, но

обратить еще оттуда два легкія орудія на толпу, тѣснимую передовымъ прикрытіемъ. Поражаемые съ трехъ сторонъ горцы, однако, не бѣжали, но медленно начали отступать по равнинѣ, прикрываясь двойною цѣпью; новыя толпы ихъ, выходя изъ лѣсистаго ущелья, уносили или замѣняли убитыхъ и раненыхъ.

Въ это время высаженный вторымъ рейсомъ сводный баталіонъ Навагинцевъ и Тенгинцевъ, артиллерія и Сводный морской баталіонъ присоединились къ отряду. Сводный баталіонъ Навагинцевъ и Тенгинцевъ, подъ командою подполковника Данзаса (изъ-за ссоры переведеннаго въ Тенгинскій полкъ) посланъ былъ для усиленія авангадра.

Данзасъ былъ другомъ и товарищемъ по лицу съ великимъ поэтомъ Пушкинымъ, секундантомъ на его трагической дуэли и свидѣтель послѣднихъ минутъ его жизни. Рѣдко можно было встрѣтиться съ подобною храбростью и хладнокровіемъ, коими обладалъ онъ. Прибывъ къ авангарду, Данзасъ проявлялъ чудеса храбрости; съ подвязанною рукою впереди своего баталіона стоялъ онъ на возвышеніи. „Пули, какъ шмели, жужжали и прыгали возлѣ него,—писаль очевидецъ,—а онъ говоритъ остроты и сыплетъ каламбуры. Ему кто то замѣтилъ, что напрасно стоитъ на самомъ опасномъ мѣстѣ“, а онъ отвѣтилъ: „Я самъ это вижу, но лѣнь сойти.“ „Нижніе чины его баталіона въ немъ души не чаяли“. И для чего это нашего полковника зовутъ Данзасъ?“ спросилъ одинъ солдатикъ другого. „Вѣстимо, отчего,—отвѣчалъ тотъ,—родился

на Дону и приходится съ родни генералу Зассу; ну, вотъ, и вышло Донъ-Зассъ.“ Самому Данзасу, случайно услышавшаго этотъ разговоръ, такъ понравилась шутка, что онъ тутъ же подарилъ солдату краснобаю серебряный рубль.

Генераль Кашутинъ съ вторымъ баталіономъ Тенгинцевъ и третьимъ Навагинцевъ сталъ сильнѣе тѣснить непріятеля. Подходя къ подножію горы, раздѣляющей Субаши отъ Шахе, онъ двинулъ подполковника Лебединскаго съ двумя ротами на высокій и крутой уступъ, на который отступили горцы.

Лебединскій съ барабаннымъ боемъ взобрался на утесъ и расположился на немъ, обстрѣливаемый съ трехъ сторонъ. Между Лебединскимъ и лѣвымъ прикрытіемъ оставалось на горѣ большое пустое пространство. Занятіе этого мѣста Раевскій предоставилъ генералу Ольшевскому, которому былъ присланъ Сводный морской баталіонъ подъ командою капитана 2-го ранга Путятинъ; онъ раздѣлил баталіонъ на двѣ части: двѣ роты поручилъ флигель-адъютанту Глазенапу, а другія—капитану 2-го ранга Метлину. Обѣ колонны направлены были на гору по обрывамъ горы. Моряки въ полномъ порядкѣ взлетѣли на гору и штыками выбили непріятеля съ выгодной позиціи въ лѣсу. Горцы, отступая, вели сильную перестрѣлку; число ихъ безпрестанно увеличивалось.

Капитанъ 2-го ранга Путятинъ занялъ позицію и держался, не уступая ни шагу. Храбрость его служила примѣромъ всему баталіону. Хладнокровно распоряжаясь въ цѣпи, онъ былъ осыпаемъ градомъ

Нуль и, раненый въ руку легко, а въ ляжку на вылетъ, принужденъ былъ оставить командованіе. Его мѣсто занялъ капитанъ 2-го ранга Метлинъ.

Изъ войскъ второго рейса 2-й баталіонъ Навагинцевъ и рота саперъ были посланы на подкрѣпленіе лѣваго прикрытія; генераль Ольшевскій отдалъ ихъ также въ распоряженіе Метлина. Тогда флигель-адъютантъ Глазенапъ вступилъ въ командованіе Своднымъ морскимъ баталіономъ. Навагинцы и саперы съ величайшимъ трудомъ внесли на гору, на плечахъ, два горныхъ единорога. Метлинъ подъ сильнымъ огнемъ началъ устраивать засѣку. Работа шла успѣшно—въ два часа все мѣсто было покрыто высокою засѣкою.

На равнинѣ же генераль Кашутинъ и полковникъ Полтининъ съ авангардомъ и головою праваго прикрытія продолжали отважно насѣдять на непріятеля, отступавшаго чрезвычайно медленно, съ большимъ спокойствіемъ. Каждый картечный выстрѣлъ былъ дѣйствителенъ на такомъ близкомъ разстояніи. Къ своимъ убитымъ и раненымъ горцы сбѣгались и дрались послѣ этого еще съ большимъ ожесточеніемъ, которое и намъ стало много крови. Кромѣ нижнихъ чиновъ были убиты при этомъ Навагинскаго полка подпоручикъ Колодка и прапорщикъ Бракеръ и Колыванскаго полка поручикъ Павловъ; ранены Тенгинскаго полка прапорщикъ Лушковскій и Оренбургскаго линейнаго № 5 баталіона подпоручикъ Овсяниковъ.

Дойдя до горы, генераль Кашушинъ и Полтининъ съ Навагинцами и Тенгинцами овладѣли ею и тѣмъ довершили занятіе предназначеннаго пространства.

Преслѣдованіе прекратилось послѣ двухчасоваго упорнаго боя. Горцы сдѣлали послѣднее усиліе. Продолжая горячую перестрѣлку, они внезапно бросились на резервъ Тенгинскаго полка, прикрывавшій орудія. 20-й артиллерійской бригады ш.-к. Щербина, допустивъ ихъ на близкое разстояніе, открылъ огонь картечью; поручики Рыковъ и Мажаровъ смѣло ударили въ штыки и отбросили горцевъ; при этомъ оба офицера были тяжело ранены. Въ продолженіе боя два Черноморскихъ пѣшихъ баталіона, подъ огнемъ противника, устраивали засѣку, которая къ 6 часамъ вечера была готова и за нею отрядъ расположился лагеремъ.

Въ этотъ день наши потери заключались: убитыми три офицера, ранеными—шесть; убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ 128.

Описывая выдающуюся храбрость и славныя дѣяствія отряда, генераль Раевскій писалъ:

„Я уже отдалъ должную справедливость нашимъ сотрудикамъ морякамъ довольствуясь перечестъ имена генераль-маіоровъ Кашутина и Ольшевскаго, полковника Полтинина, подполковникъ Танскаго и Лебединскаго и маіора Германса. Достоинства и прежнія ихъ заслуги давно извѣстны; нынѣ же, какъ всегда прежде, они заслуживаютъ полнаго вниманія начальства. Но по сіе время я еще не говорилъ объ

оберъ-квартирмейстеръ отряда генеральнаго штаба подполковникъ Филипсонъ. Считаю непремѣннымъ долгомъ упомянуть здѣсь объ его достоинствахъ и заслугахъ; за порядокъ въ движеніи стрѣлковъ, направленіи всѣхъ колоннъ къ общей цѣли и сохраненіи единства согласно плана дѣйствій я вполне обязанъ одному ему. Словомъ сей штабъ-офицеръ, необходимый въ службѣ, всегда будетъ примѣромъ блестящей храбрости, благоразумной распорядительности и неутомимаго усердія.

Я еще не говорилъ о потерѣ, понесенной торцами. По прекращеніи натисковъ неприятеля, но еще во время сильной перестрѣлки, ко мнѣ явились горские старшины, прося о выкупѣ своихъ убитыхъ оставшихся въ нашихъ рукахъ. Между старшинами былъ Біарсланъ Берзекъ, извѣстный какъ происхожденіемъ, такъ и храбростію; то и другое даетъ ему важное вліяніе надъ соплеменниками. Съ нимъ былъ еще убыхскій дворянинъ Тюльпаръ, человекъ тоже уважаемой фамилии и тотъ самый, который съ предводительствуемой имъ галерою былъ захваченъ на Сочи Азовскими казаками. Какъ и въ прошломъ году, я объявилъ имъ, что не торгую мертвыми, но возвращаю ихъ безвыкупно. Возвращеніе тѣлъ не есть бесполезное снисхожденіе: идя на бой горецъ даетъ своему брату по оружію клятву умереть вмѣстѣ или вынести тѣло павшаго товарища; неисполненіе обѣта влечетъ за собою посрамленіе, и клятвopреступникъ обязанъ содержать все семейство уби-

таго. Поэтому отдача тѣлъ безвыкупно внушаетъ горцамъ благодарность и довѣріе.

Я приказалъ собрать тѣла горцевъ оставшіяся на полѣ битвы; ихъ сложили въ двѣ кучи, числомъ 48; между ними нашелся одинъ живой еще, но смертельно израненный. Старшины съ живою горестью узнали между убитыми двухъ изъ главныхъ своихъ соплеменниковъ. Они пожелали взять ихъ немедленно, а за остальными хотѣли на другой день прислать арбы. Я дозволилъ то и другое, обласкалъ старшинъ, хвалилъ ихъ храбрость. Какъ и въ прошломъ году, я говорилъ имъ о милостяхъ, которыя ихъ ожидаютъ, если они покорятся волѣ Государя Императора, объ карѣ, которая постигнетъ строптивыхъ и наконецъ объ ничтожествѣ ихъ средствъ къ сопротивленію нашей силѣ. Ободренные, можетъ быть, тронутые моимъ поступкомъ и ласкою, они стали откровеннѣе; Говорили объ огромной потерѣ своей, но не могли сказать ничего положительнаго о числѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ; говорили о причинахъ, которыя заставили ихъ съ такимъ ожесточеніемъ защищать Шахе. Прибрежная роща была издревле Тагапкъ, т. е. священный лѣсъ, куда они стекались для языческихъ обрядовъ и народныхъ совѣщаній. Потому то въ виду флота они произнесли торжественную клятву умереть до послѣдняго, но не допустить невѣрныхъ до оскверненія святыни.

Кромѣ того долина Шахе, привольная и болѣе другихъ населенная, была издавна главнымъ пунктомъ

приморской торговли горцевъ, въ особенности женщинами“.

Войска расположились лагеремъ на берегу моря и приступили къ постройкѣ укрѣпленія, которое было названо Головинскимъ. Въ продолженіе работъ горцы постоянно тревожили войска. Приходилось высылать отряды для рубки лѣса, вязанія фашинъ. Эти движенія не обходились безъ перестрѣлокъ. Въ особенности Навагинцамъ и Тенгинцамъ памятно дѣло 27-го мая, когда горцы отчаянно бросались въ шашки пришлось отразить 13 отчаянныхъ атакъ.

5-го іюля всѣ работы были закончены; на слѣдующій день началась посадка войскъ на суда, которыя направились къ устью р. Псезуапсѣ. Здѣсь былъ заложенъ фортъ „Лазаревъ“. Между Анапою и Новороссійскомъ былъ построенъ фортъ „Раевскій“.

Постройкой этихъ трехъ укрѣпленій закончилось устройство Черноморской береговой линіи, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ Раевскій.

Взятіе черкесами Михайловскаго укрѣпленія и подвигъ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова. Геройская защита Навагинцами Абинскаго укрѣпленія. Путешествіе Цесаревича Александра Николаевича по Кавказу въ 1850 году.

Хотя Черноморская береговая линия была окончена и на всѣхъ главныхъ пунктахъ построены укрѣпленія, но по недостатку войскъ пришлось занять ихъ очень слабыми гарнизонами.

Климатическія условія побережья того времени настолько пагубно отражались на войскахъ, что не имѣлось подъ ружьемъ необходимаго числа людей для обороны. Къ этому присоединилось еще, что осенью и зимою 1839—1840 г. среди черкесскихъ племенъ наступилъ ужасный голодъ, и черкесы предпочитали лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ обрекать себя на голодную смерть. Зная недостатки только что возведенныхъ укрѣпленій и слабые въ нихъ гарнизоны, черкесы соединились, рѣшили напасть на нихъ, чтобы воспользоваться продовольственными и огнестрѣльными припасами.

Воодушевленные знаменитымъ убыхскимъ предводителемъ Хаджи-Берзекомъ, славившагося своимъ умомъ и беспредѣльною храбростью, горцы сплотились въ одно цѣлое и проявили отчаянный героизмъ.

7-го февраля 1840 года громадныя толпы ихъ окружили фортъ Лазарева. Въ гарнизонѣ находилась лишь одна рота Тенгинскаго полка. Рано утромъ вышедшій бить зорю барабанщикъ первый замѣтилъ почти у самага форта скопища непріятеля; барабан-

щикъ вмѣсто зори ударилъ тревогу, но черкесы ворвались уже въ укрѣпленіе и прежде всего бросились на офицерскій флигель, перебили почти всѣхъ офицеровъ и затѣмъ въ казармахъ неуспѣвшихъ проснуться солдатъ.

Взятіе форта Лазарева очень ободрило черкесовъ; вслѣдъ затѣмъ они захватили укрѣпленіе Вельяминовское, а 17-го марта лазутчикъ далъ знать, что скопище горцевъ увеличилось до 11-ти тысячъ человѣкъ и они намѣрены напасть на укрѣпленіе Михайловское.

Въ этомъ укрѣпленіи находилось гарнизона: рота Тенгинскаго полка подъ начальствомъ подпоручика Краумзгольда и прапорщика Гаевского, шестая рота Навагинскаго полка съ командиромъ поручикомъ Тимченко и его помощниками прапорщиками Смирновымъ и Земборскимъ; двѣ роты Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лико и подпоручика Безсонова; при орудіяхъ состоятъ 11 гарнизонной артиллерійской бригады прапорщикъ Ермолаевъ; всего 8 офицеровъ, лѣкарь Сомовичъ, іеромонахъ Августинъ и 480 нижнихъ чиновъ. Штабсъ-капитанъ Лико, старшій въ чинѣ, былъ начальникомъ гарнизона.

По словамъ современниковъ, Лико, грекъ по происхожденію, былъ замѣчательно энергичный офицеръ съ непреклонною волею; онъ умѣлъ внушать къ себѣ довѣріе и пользовался всеобщою любовью. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ начальникамъ, про которыхъ кавказскій солдатъ выразился: „Ты не гляди, что онъ

смотритъ такимъ бюрокромъ—душа у него какъ есть солдатская“.

Получивъ извѣстіе о паденіи форта Лазаревари зная, что гарнизонъ съ большимъ числомъ больныхъ не въ состояніи занять все протяжаніе линій огня, штабъ капитанъ Лико раздѣлилъ укрѣпленіе на двѣ части и занялъ ту изъ нихъ, на которую можно было ожидать нападенія. Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и въ присутствіи нижнихъ чиновъ объявилъ имъ объ угрожающей опасности; при этомъ напомнилъ о долгѣ воинской присяги и общаніи данномъ начальнику береговой линіи генералу Раевскому не сдаваться живыми и биться до послѣдняго человѣка и въ случаѣ крайности взорвать погребъ. Всѣ офицеры горячо отозвались на слова Лико, а единодушное «ура» солдатъ служило доказательствомъ насколько предложеніе начальника гарнизона совпадало съ общимъ настроеніемъ. Всѣ стали готовиться къ смертному бою.

Особенное впечатлѣніе это рѣшеніе произвело на рядового Генгинскаго полка Архипа Осипова, происходившаго изъ крестьянъ Киевской губерніи, Липецкаго уѣзда, села Каменки. Подъ вліяніемъ воопоминаній о прежнихъ примѣрахъ геройскихъ подвиговъ кавказскаго солдата у Архипа Осипова явилась мысль и самому совершить выдающійся подвигъ, который указалъ гарнизону ихъ начальникъ.

Одинъ изъ участниковъ славной защиты Михайловскаго укрѣпленія, рядовой Иосифъ Мирославскій такъ рассказываетъ объ этомъ.

Въ день полученія извѣстія, 17-го марта, о намѣ-

реніяхъ горцевъ штабсъ-капитанъ Лико приказалъ, чтобы съ захожденіемъ солнца былъ сдѣланъ расчетъ гарнизону, данъ ужинъ, и приказано нижнимъ чинамъ лечь спать, а въ 12 часовъ ночи встать, расположиться по своимъ мѣстамъ въ укрѣпленіи и стоять очень осторожно.

На другой день послѣ обѣда солдатъ нашей роты Архипъ Осиповъ, прохаживая въ задумчивости по казармѣ, говорилъ:

— Ну, если будетъ нападеніе, то для Россіи память великую сдѣлаю.

— Ты солдатъ, замѣтили ему товарищи: что ты можешь сдѣлать?

Осиповъ не отвѣчалъ; но, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что онъ хочетъ сдѣлать для Россіи память въ случаѣ нашей неустойки.

— Я себя обрекаю на смерть и зажгу порохъ въ погребѣ; душевно желаю, чтобы непріятель бросился бы на грабежъ.

— А если ты преждевременно зажжешь?

— О! этого не будетъ. Архипъ Осиповъ на этотъ предметъ присягнулъ и свято исполнить присягу.

— Подожди, мой любезный, я доложу о томъ военному начальнику.

Штабсъ-капитанъ Лико потребовалъ къ себѣ Архипа Осипова и, уговорившись съ нимъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, досталъ изъ стола крестъ и далъ поцѣловать. Осиповъ перекрестился и присягнулъ, что только тогда подожжетъ порохъ, когда черкесы будутъ возлѣ догребѣ. О намѣреніи Осипова Лико объ

явилъ тогда же всему гарнизону“. Таковъ разсказъ участника обороны.

Въ ожиданіи нападенія ежедневно въ полночь гарнизонъ выходилъ занимать назначенныя по фасамъ укрѣпленія мѣста. Такъ наступила роковая ночь съ 21 на 22 марта 1840 г. Сторожевыя собаки, выпущенныя изъ укрѣпленія, всю ночь лаяли къ нагорной сторонѣ, откуда должны были явиться горцы. Гарнизонъ стоялъ наготовѣ. Ночь выдалась особенно темная. Море бушевало. Лико еще разъ напомнилъ всѣмъ о святости данной присяги. Едва стало свѣтать, какъ вдали обозначились темныя толпы черкесовъ; ихъ было, какъ потомъ оказалось, до 11 тысячъ человѣкъ. Приблизившись, они, несмотря на картечные выстрѣлы изъ пяти орудій и стрѣльбу залпами изъ ружей, бросились въ укрѣпленіе, гдѣ завязался упорный, рукопашный бой. Штабсъ-капитанъ Лико, руководившій обороной, былъ тяжело раненъ; почти всѣ офицеры были перебиты, и солдаты, отступая шагъ за шагомъ, бросились на проломъ, чтобы штыками проложить себѣ путь къ послѣднему убѣжищу на южной морской батарее.

Тотъ же Мирославскій, описывая эти послѣднія минуты боя, говоритъ:

„Мы отбивались выстрѣлами и штыками; мѣсто битвы было завалено трупами; мы наскоро очищали ихъ, чтобы можно было стрѣлять изъ орудій. Прапорщикъ артиллеріи Ермолаевъ, не могшій дѣйствовать изъ орудій по недостатку снарядовъ и людей, началъ стрѣ-

лять изъ ружей. Тутъ же на моихъ глазахъ выстрѣлъ горца прямо въ грудь сразилъ его.

Собравши со всего гарнизона около сорока человекъ, я приказалъ имъ идти за собою на морскую батарею. На пути я услышалъ голосъ поручика Навагинскаго полка Тимченко. Онъ лежалъ весь въ крови на бастионѣ—былъ тяжело раненъ—и, подозвавши меня, говоритъ: „юнкеръ Мирославскій, распорядитесь занять это мѣсто; при этомъ показалъ мнѣ рукою: „заступите мое мѣсто,—прибавилъ онъ,—и мѣсто военнаго начальника, ибо уже всѣхъ офицеровъ перебили“:

— Готовъ исполнить порученіе ваше, отвѣчалъ я, но людей нѣтъ.

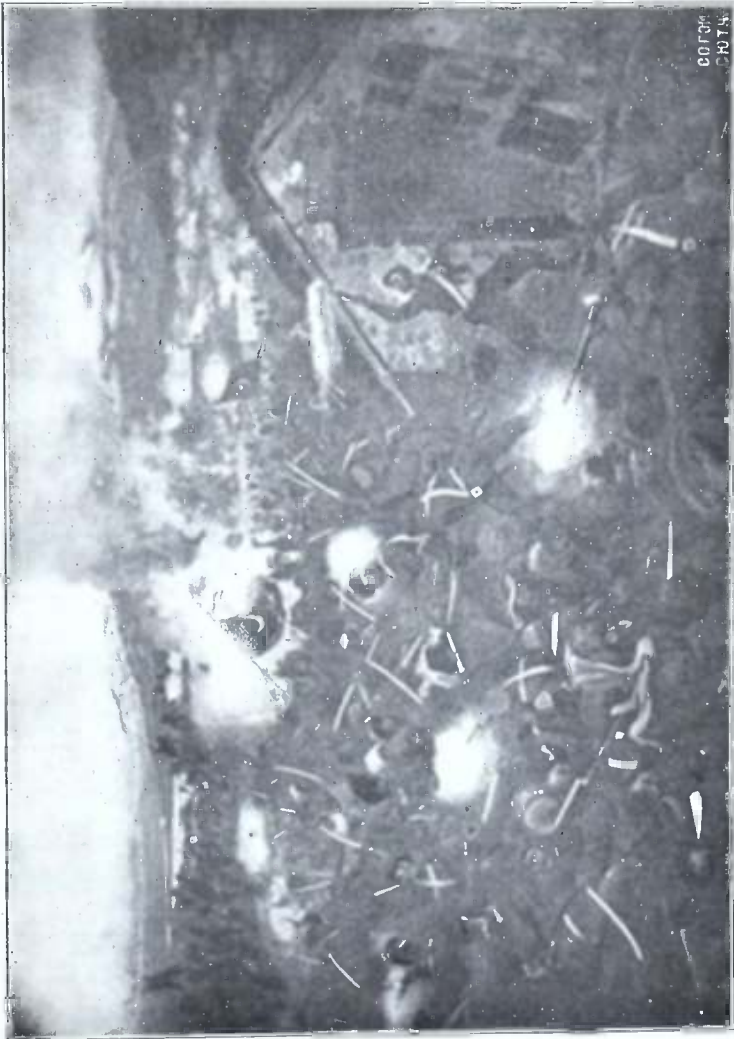
Онъ махнулъ рукой и сказалъ: „распоряжайтесь, какъ знаете“:

Собравъ уцѣлѣвшихъ, я повелъ ихъ на морскую батарею въ надеждѣ, что тамъ найду ящикъ съ патронами. Мы шли мимо офицерскаго флигеля. Здѣсь я услышалъ голосъ капитана Лико; онъ былъ раненъ въ голову; его держали подъ руки денщикъ и цирюльникъ.

— Юнкеръ Мирославскій,—сказалъ мнѣ Лико,—заступите мое мѣсто, ибо я не имѣю силъ; защищайтесь, какъ только можете“:

На морской батареѣ пока все было въ цѣлости, но не успѣли солдаты вынуть снарядовъ изъ ящиковъ, какъ въ одну секунду человекъ около 25-ти пали мертвыми отъ черкесскихъ пуль.

Укрѣпленіе уже пылало; вездѣ развѣвались уже красные значки горцевъ. Тогда Архипъ Осиповъ рѣ-

Подвигъ рядового 77 пѣх. Тенгинскаго полка Архипа Осипова. Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія 22-го марта 1840 года. Съ картины Гриневича.

шился привести свой планъ въ исполненіе; онъ крикнулъ товарищамъ: „пора, братцы! Кто останется живъ, помни мое дѣло!“ и съ палящимъ факеломъ

побѣжалъ въ пороховой погребъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался страшный взрывъ; все содрогнулось, и цѣлый столбъ дыма съ пламенемъ, съ человѣческими трупами, съ камнями взвился на воздухъ. Гарнизонъ почти весь погибъ, но вмѣстѣ съ нимъ погибли и тысячи горцевъ. Взошло солнце и освѣтило кровавую картину смерти и разрушенія. Офицеры всѣ погибли, за исключеніемъ тяжело раненыхъ Лико и подпоручика Безсонова и іероманаха Августина; ихъ, а также 80 нижнихъ чиновъ, черкесы взяли въ плѣнъ; Лико и Безсоновъ вскорѣ умерли тамъ отъ ранъ.

Такимъ образомъ, цѣль горцевъ получить богатую добычу не удалась. Правда, Михайловское укрѣпленіе было уничтожено, но самими же защитниками. Изъ имущества, провіанта и огнестрѣльныхъ припасовъ горцамъ также нечего было уносить послѣ ужасной катастрофы.

Геройская защита укрѣпленій Черноморской береговой линіи обратила на себя вниманіе Императора Николая I. Въ воздаяніе отлично усердной службы и особенныхъ трудовъ, съ примѣрною твердостью и постоянствомъ переносимыхъ Тенгинскимъ и Навагинскимъ полками и десятью Черноморскими линейными баталіонами, Высочайше повелѣно было штабъ и оберъ-офицерамъ этихъ войскъ убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія*), а всѣмъ нижнимъ чинамъ уменьшить одинъ годъ службы.

*) Въ то время орденъ св. Георгія давали какъ за геройскіе подвиги, такъ и за выслугу 25-ти лѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ по Военному вѣдомству отъ 8-го ноября 1840 года военный министръ писалъ:

„Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами, и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіе зимы и начала весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія по чрезвычайной трудности сообщенія ниткуда не могли получить помощи, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами. Но въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ они встрѣчали вездѣ мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшимость—пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою. Изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія... Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядового Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ переключ-

кахъ, при спросѣ его имени, первому отвѣчать: „*Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи*“.

Нынѣ, на мѣстѣ взорваннаго укрѣпленія, красуется чугунный рѣзной крестъ, высотой въ 15 аршинъ, установленный на правильно обстесанномъ пьедесталѣ изъ мѣстнаго камня. На металлической доскѣ сдѣлана соответствующая надпись. Этотъ крестъ былъ сооруженъ въ 1876 году по распоряженію бывшаго Главнокомандующаго Великаго князя Михаила Николаевича на такомъ мѣстѣ, чтобы онъ былъ виденъ съ судовъ, проходящихъ мимо берега.

Другой памятникъ, болѣе грандіозный, штабсъ-капитану Лико и Архипу Осипову поставленъ въ Владикавказѣ.

Въ „Храмѣ Славы“ въ Тифлисѣ, въ лѣвомъ залѣ, имѣется особый „Михайловскій отдѣлъ“, гдѣ собрано, что можно было, о геройской оборонѣ укрѣпленія, а также и рельефный планъ и самаго укрѣпленія сдѣланный В. А. Самоновымъ.

По взятіи Михайловскаго черкесы цытались разграбить фортъ Головинскій, но, отброшенные штыковой атакой 2-й роты Навагинскаго полка, они направились во внутрь страны, къ сторонѣ Кубани и подошли къ Абинску. Укрѣпленіе это оборонялось 12-ю орудіями, 3-мя ротами Навагинскаго, одной ротой Тенгинскаго полковъ, двумя ротами Черноморскаго линейнаго № 1 баталіона. Командовавшій Черноморскими ротами подполковникъ Веселовскій былъ начальникомъ укрѣпленія.

25-го мая, въ 2 часа ночи, горцы, подъ предводительствомъ натухайскаго узденя Мансыра-Супако, не производя ни малѣйшаго шума, почти вплотную подползли къ стѣнамъ укрѣпленія и бросились на штурмъ. Но солдаты стояли наготовѣ и штурмующіе были встрѣчены градомъ пуль и картечи. Горцы съ шашками наголо и обнаженными кинжалами въ зубахъ вскочили на валы, но тотчасъ же были отброшены штыками гарнизона, а многіе легли тамъ же. Первая неудача еще больше подбодрила горцевъ; многіе изъ нихъ были одѣты въ стальные панцири; они, надѣясь на свою неязвимость, съ явнымъ пренебреженіемъ къ смерти лезли вновь на брустверь, но крѣпкій штыкъ въ рукахъ сильнаго русскаго солдата пронизывалъ ихъ насквозь; подбодряемые своими предводителями, они сдѣлали послѣднюю попытку, но храбрый гарнизонъ встрѣчалъ ихъ штыками. Наконецъ горцы не выдержали и бросились въ бѣгство. Насколько ожесточенно дрались противники видно изъ того, что во рву укрѣпленія оказалось 685 убитыхъ и лишь 10 раненыхъ; изъ двухъ значковъ отбитыхъ Навагинцами одинъ былъ пробитъ штыкомъ въ трехъ мѣстахъ, а панцирь, подаренный Навагинцами своему командиру полка, имѣлъ 5 дыръ отъ штыковъ и пуль.

Не успѣли горцы еще скрыться изъ виду, какъ въ укрѣпленіи было совершено торжественное молебствіе по случаю блестящаго отбитія штурма. По окончаніи богослуженія подполковникъ Веселовскій горячо благодарилъ своихъ соподвижниковъ и указалъ имъ рядового Навагинскаго полка Макара Чернова и бара-

банщика Черноморской роты Ивана Задорожнаго, которые, будучи тяжело ранены, не оставляли своих мѣсть и подбадривали товарищей; а Задорожный, бросивъ ненужный ему болѣе барабанъ, съ ружьемъ въ рукахъ показалъ примѣръ для другихъ. Схватили ружья также писаря и денщики, а священникъ Черноморскаго баталіона отецъ Александръ въ продолженіе всего боя съ крестомъ въ рукахъ благословлялъ защитниковъ.

Императоръ Николай I щедро наградилъ защитниковъ Абинскаго укрѣпленія. Всѣ безъ исключенія офицеры получили слѣдующіе чины и ордена и годовой окладъ жалованья; всѣмъ нижнимъ чинамъ годовые оклады жалованья и 32 знака отличія Военнаго ордена.

Такое милостивое вниманіе показало насколько Государь Императоръ вѣрно оцѣнилъ значеніе совершившагося событія. Дѣйствительно, пораженіе горцевъ послужило имъ хорошимъ урокомъ, охладило въ нихъ воинственный пылъ и заставило ихъ не такъ легко смотрѣть на заманчивыя предложенія предводителей нападать и уничтожать наши укрѣпленія.

Въ 1850 году Кавказъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Наслѣдника Цесаревича Великаго князя Николая Александровича.

Слухъ о путешествіи Наслѣдника Цесаревича ходилъ по Кавказу еще въ 1840 году, но онъ перешелъ въ дѣйствительное, волнующее всѣхъ ожиданіе 4-го іюля 1850 г., когда Намѣстникъ князь М. С. Воронцовъ получилъ письмо графа Чернышева съ

увѣдомленіемъ, что Государь разрѣшилъ Цесаревичу поѣздку на Кавказъ. Сообщая объ этомъ, Чернышевъ писалъ, что маршрутъ путешествія будетъ сообщенъ дополнительно. До полученія этихъ свѣдѣній никакихъ распоряженій сдѣлать было нельзя, а время, между тѣмъ, уходило, и являлось безпокойство—успѣютъ ли въ короткое время приготовить все, что нужно для удобнаго и безопаснаго слѣдованія въ районъ, охватывающемъ собою тысячеверстныя пространства, при отсутствіи тогда телеграфовъ и при тѣхъ первобытныхъ путяхъ сообщеній, какія существовали въ то время на Кавказѣ. Ожидаемая свѣдѣнія были получены, наконецъ, 24-го іюля. Походная канцелярія Цесаревича увѣдомила, что въ свитѣ состоятъ: полковники графъ Адлербергъ и графъ Ламбертъ, капитанъ-лейтенантъ князь Голицынъ и лейбъ-хирургъ Енохинъ; что на каждой станціи по присланному маршруту слѣдуетъ заготовить по 60 лошадей.

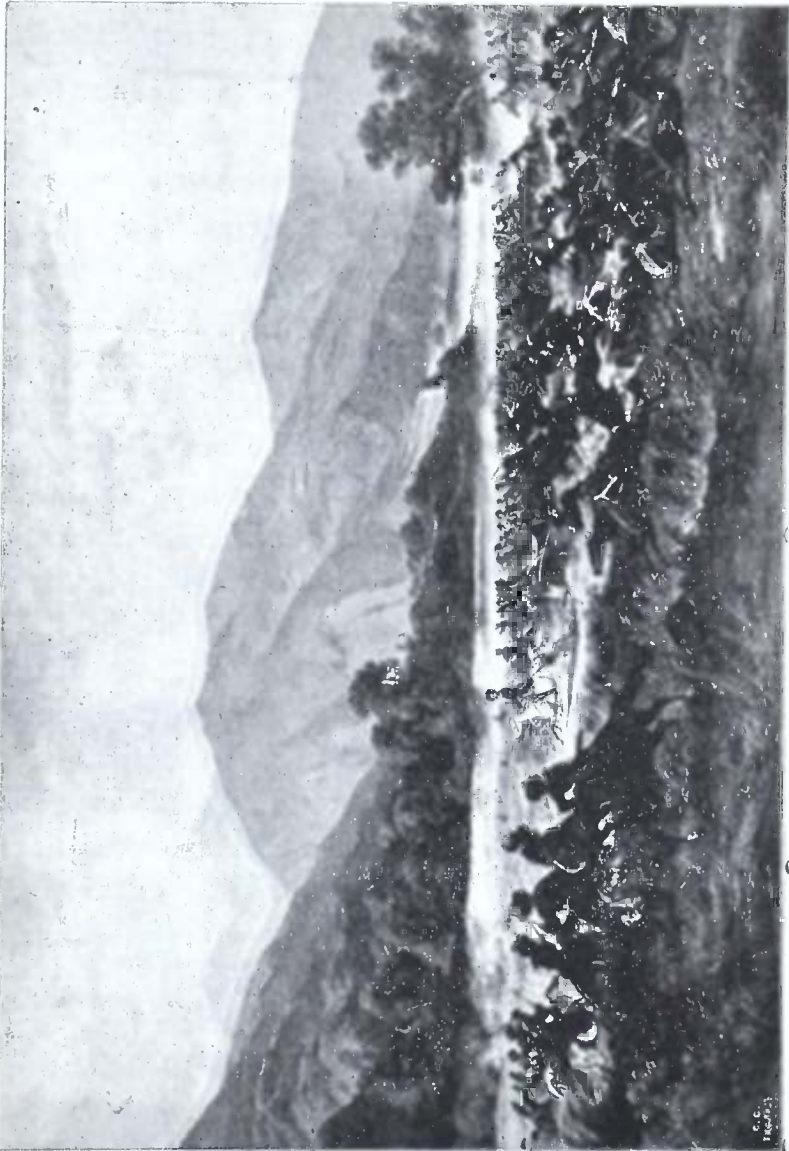
Князь Воронцовъ, представивъ нѣкоторыя измѣненія въ маршрутѣ, составилъ особый комитетъ для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся предстоящаго путешествія. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о громадномъ количествѣ лошадей: ихъ нужно было заготовить свыше пяти тысячъ. На всѣхъ станціяхъ дѣлались запасы фуража; непривычныхъ лошадей приучали къ дышловой запряжкѣ, къ пальбѣ, музыкѣ и даже огню, на случай, если при ночной поѣздкѣ пришлось бы освѣщать путь факелами. Повсюду исправлялись дороги, мосты и гати, приводились въ при-

личный видъ станціи и деревни; особые чиновники осматривали и приготавливали помѣщенія для ночлеговъ. Въ городахъ и укрѣпленіяхъ Наслѣдника приказано было встрѣчать съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Князь Воронцовъ писалъ всѣмъ высшимъ представителямъ власти, что, согласно полученному имъ Высочайшему повелѣнію, при поднесеніи депутаціями хлѣба-соли отнюдь не употреблять серебряныхъ и золотыхъ блюдъ. Наконецъ, назначеніе кавалерійскихъ конвоевъ съ конною артиллерію и распределеніе пути пѣхотныхъ эшелоновъ было непосредственно возложено на начальниковъ военныхъ отдѣловъ, которымъ только и могла быть извѣстна степень опасности пути.

Цесаревичъ выѣхалъ изъ Ялты 2-го сентября на пароходъ „Владиміръ“ и долженъ былъ пристать къ Кавказскимъ берегамъ въ Новороссійскѣ, но страшная бора (сѣверо-восточный вѣтеръ) застигла въ пути, и пароходъ долженъ былъ бросить якорь у Тузлусской косы, верстахъ въ десяти отъ Тамани, на мѣстности совершенно пустынной и дикой. Такъ какъ войти въ Новороссійскую бухту не представлялось никакой возможности, то Цесаревичъ 14-го сентября вышелъ на берегъ, и здѣсь, на грани земли Черноморскаго войска, встрѣченъ былъ наказнымъ атаманомъ и командующимъ войсками на Кавказской линіи генераломъ Завадовскимъ съ конною Черноморскою сотнею; сюда же во время поспѣли и экипажи.

Наслѣдникъ вмѣстѣ съ княземъ А. И. Барятинскимъ отправился въ Тамань, осмотрѣлъ вблизи ея

Фанагорійскую крѣпость, посѣтилъ военный госпиталь

Путешествіе Цесаревича Александра Николаевича по Черноморской кордонной линіи въ 1850 году.

и прибылъ въ станицу Темрюкскую. Тамань и Темрюкъ только своими названіями и напоминали о томъ

значеніи; какимъ они пользовались въ глубокой древности, когда окружающіе ихъ глубокіе пески исчезали подъ культурой виноградныхъ лозъ, фруктовыхъ садовъ и полей, орошенныхъ грандіозными водопроводами. Теперь это были бѣдныя станицы, которымъ, однако, выпала высокая честь первымъ принять Царственнаго гостя. На слѣдующій день Цесаревичъ проѣхалъ по Черноморской кордонной линіи, берегомъ Кубани, видѣлъ сторожевыя станицы и вышки, съ стоящими на нихъ казаками въ вѣчной предосторожности отъ близкаго сосѣдства непріятеля. Хотя горцы и были оттѣснены уже отъ Кубани, но прорывы еще случались не рѣдко, и путь до Екатеринодара на протяженіи 228 верстъ былъ опасенъ, потому, кромѣ сопровождавшаго конвоя, вездѣ въ опасныхъ мѣстахъ были раставлены войска.

Въ 8 ч. веч. Цесаревичъ прибылъ въ Екатеринодаръ и остановился въ домѣ наказнаго атамана. Вся главная улица и передній фасадъ крѣпостной стѣны были иллюминированы площадками. Екатеринодаръ былъ тогда совсѣмъ не тотъ, какимъ мы его знаемъ теперь: вмѣсто красивыхъ зданій, мощеныхъ улицъ съ широкими тротуарами, электрическаго свѣта и другихъ удобствъ, какими городъ пользуется въ настоящее время, Цесаревичъ увидѣлъ большое село, ничѣмъ не отличавшееся отъ другихъ селъ или „куреней“, какъ называли ихъ казаки. Единственнымъ въ городѣ двухэтажнымъ каменнымъ зданіемъ была войсковая богадѣльня, а всѣ остальные дома, не исключая дома атамана, были одноэтажные. Но что въ Екатеринодарѣ

было замѣчательно, такъ это его шестиглавый соборъ, находившійся въ крѣпости, построенной, какъ сказано въ указѣ объ его основаніи, „къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ“. Соборъ этотъ хотя и деревянный, но по сложности и громадности его сооруженій производилъ сильное впечатлѣніе и кто-то справедливо назвалъ его „дерзостью архитектуры“. Внутренность собора вполне соответствовала наружному виду. Здѣсь Черноморцы хранили свои драгоценнѣйшія сокровища: знамена, регалии и другіе памятники доблестныхъ войсковыхъ заслугъ.

16-го сентября въ залѣ атаманскаго дома Цесаревичъ принималъ всѣхъ должностныхъ лицъ и почетныхъ представителей Черноморскаго войска; онъ вышелъ къ нимъ въ мундирѣ гвардейскаго дивизіона въ синемъ бешметѣ и красной черкескѣ съ откидными назадъ рукавами—костюмъ, въ которомъ соединялись для казака все его прошлое и все настоящее—кунтушъ гетманской Украины и боевой нарядъ кавказскаго горца. Выразивъ удовольствіе храбримъ Черноморцамъ и передавъ имъ отъ Государя благодарность „за ихъ добрую порубежную службу“, Цесаревичъ вышелъ на площадь, заполненную народомъ, и направился въ соборъ, осмотрѣлъ богатую ризницу, сохранившуюся еще отъ временъ Запорожья, старинныя казачія знамена, клейноды и хартии войска; затѣмъ былъ парадъ, по окончаніи котораго Цесаревичъ благодарилъ казаковъ за тѣ доблестныя качества, которыя они унаслѣдовали отъ своихъ знаменитыхъ пред-

ковъ. Послѣ парада Цесаревичъ посѣтилъ всѣ войсковыя учрежденія. День закончился параднымъ обѣдомъ, во время котораго Черноморцы пѣли свои малороссійскія пѣсни и славили въ нихъ отвагу старыхъ стѣचेвиновъ, своихъ атамановъ и гетмановъ.

17-го сентября Цесаревичъ выѣхалъ изъ Екатеринодара и, миновавъ предѣлы Черноморскаго войска, остановился на посту Изрядномъ, откуда начиналась уже Кавказская линія. Здѣсь встрѣтилъ его наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска г.-м. Круковскій.

Въ то время, какъ Екатеринодаръ готовился къ приему высокаго гостя, Намѣстникъ, князь Воронцовъ, 15-го сентября прибылъ въ Усть-Лабинскую станицу. Намѣстника сопровождали: начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, помощникъ его г.-м. Вольфъ, директоръ канцеляріи Сафоновъ, адъютанты: полковникъ кн. Орбеліани, майоръ Моренцъ, капитанъ кн. Шаховскій и три чиновника: Соколовъ, Александровскій и Золотаревъ.

Лабинская линія, по которой предстояло Цесаревичу ѣхать отъ Усть-Лабы, находилась весьма близко отъ р. Бѣлой, гдѣ жили абадзехи, и она чаще другихъ подвергалась набѣгамъ. Князь Воронцовъ, предупредая графа Адлерберга, писалъ, чтобы Цесаревичъ прибылъ въ Усть-Лабу пораньше, чтобы еще засвѣтло переѣхать въ Темиргоевское укрѣпленіе. Курьеръ, посланный съ этимъ письмомъ, еще находился въ пути, какъ Намѣстникъ одновременно съ двухъ разныхъ сторонъ получилъ самыя тревожныя

извѣстія. Генераль Евдокимовъ писалъ, что огромное сборище горцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ Магометъ-Амина, прибыло на Бѣлую и готовится напасть на Линію, когда по ней будетъ проѣзжать Цесаревичъ. Евдокимовъ настаивалъ на необходимости измѣнить маршрутъ путешествія. Командующій Черноморскою кордонною линіею генераль Ращпиль сообщалъ, что Магометъ-Аминъ выѣхалъ на Бѣлую съ значительными партіями горцевъ.

Встрѣченный въ Усть-Лабѣ княземъ Воронцовымъ и выслушавъ его докладъ, Цесаревичъ изъявилъ согласіе перемѣнить маршрутъ, и 18-го числа отправился въ дальнѣйшій путь по Кубани. Въ этотъ самый день Магометъ-Аминъ со всѣмъ своимъ скопищемъ двинулся къ станицѣ Вознесенской, но, узнавъ о перемѣнѣ маршрута, остановился за Лабой, у Длиннаго лѣса, не успѣвъ исполнить своего плана. Между тѣмъ, Цесаревичъ продолжалъ свой путь. Отъ Усть-Лабы начинался уже старый, боевой Кавказъ. Здѣсь, что ни шагъ, то историческія воспоминанія. Здѣсь, въ этихъ именно станицахъ, крѣпло и развивалось линейное казачество съ цѣлою лѣтописью молодецкихъ подвиговъ. Многое въ этомъ войскѣ поражало своею оригинальностью, начиная отъ одежды и снаряженія, взятаго имъ у черкесовъ, и кончая бытовою стороною жизни. Цесаревичъ все время любовался ловкостью и джигитовкой казаковъ.

Много проѣхалъ Цесаревичъ на своемъ пути мѣстъ занесенныхъ на страницы исторіи, много слышалъ именъ достойныхъ представителей казацкаго

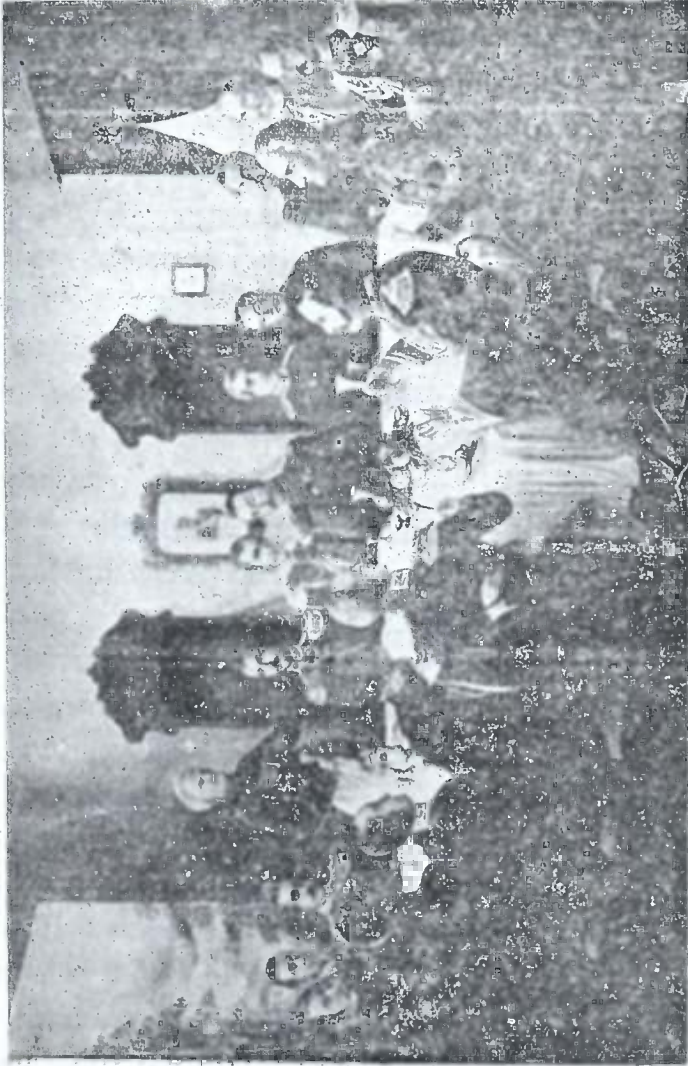
эпоса, много встрѣчалъ по дорогѣ станичныхъ некрополисовъ и безыменныхъ могилъ въ тѣхъ балкахъ, изъ которыхъ почти каждая хранила какое нибудь кровавое преданіе. Такъ проѣхалъ онъ станицы Ладожскую, Тифлисскую, Казанскую, Кавказскую, Темижбекъ, Николаевскую, Бѣломечетскую, Баталпашинскъ, Суворовскую. Здѣсь развѣртывалась уже великолѣпная панорама Пятигорской долины. Эти окрестности были полны уже иныхъ воспоминаній, чѣмъ оставленныя позади станицы: здѣсь не было битвъ, но здѣсь дышало геніемъ и славой Лермонтовск-сй поэзіи. Изъ Суворовской Цесаревичъ проѣхалъ черезъ Ессентуки въ Кисловодскъ, гдѣ тогда еще существовала крѣпость. Нынѣшняя великолѣпная галерея Нарзана только что начинала еще строиться, и Наслѣдникъ видѣлъ кипящій источникъ почти въ первобытной его обстановкѣ.

Памятникомъ пребыванія Цесаревича въ Кисловодскѣ осталась замѣчательная картина, изображающая парадный обѣдъ, данный 21-го сентября въ домѣ статскаго совѣтника А. Ф. Реброва. Эта картина драгоценна тѣмъ, что передаетъ намъ современные портреты какъ самого Цесаревича, такъ и всѣхъ сопровождавшихъ его тогда лицъ. Фотографическій снимокъ съ этой картины находится въ Кавказскомъ Военно-Историческомъ Музеѣ (Храмъ Славы) въ Тифлисѣ.

Изъ Кисловодска Цесаревичъ прибылъ на ночлегъ въ Пятигорскъ, а на слѣдующій день, осмотрѣвъ всѣ минеральные источники, выѣхалъ въ Нальчикъ. Перѣздъ былъ большой, въ 75 верстъ; съ двумя пере-

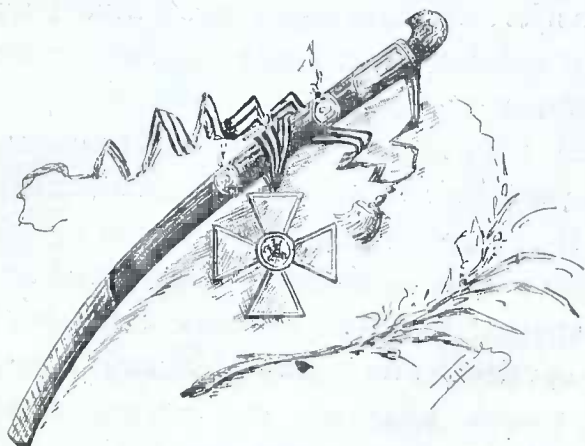
правами черезъ бурныя рѣки, которыя находились въ разливѣ. Волжскій полкъ, составлявшій конвой, окружилъ коляску и, можно сказать, на рукахъ перенесъ ее черезъ бушующую Малку. На противоположномъ берегу Цесаревича встрѣтилъ новый, блестящій эскортъ изъ кабардинскихъ князей. За Малкой началась уже Кабарда. Степь съ послѣднимъ казачьимъ поселкомъ осталась позади и передъ глазами путешественниковъ развернулась дивная панорама горъ съ ихъ мрачными ущельями, изъ которыхъ съ гуломъ вырывались горныя рѣки Баксанъ, Чегемъ, Урухъ и другія. Кругомъ роскошныя пастбища, зелень, остатки лѣсовъ и среди нихъ, здѣсь и тамъ, разбросанные кабардинскіе аулы. Въ памяти Цесаревича еще были живы тѣ подвиги, которыми ознаменовала себя черкесская конница въ Венгерскую кампанію 1849 года, и онъ съ любопытствомъ наблюдалъ теперь этихъ всадниковъ, бѣшенно мчавшихся по ихъ роднымъ полямъ, въ самомъ сердцѣ Кабардинской земли. Дѣйствительно, одѣтые въ легкія стальные кольчуги, сверкая дорогимъ оружіемъ, на легкіхъ воздушныхъ коняхъ, кабардинцы представляли собою такое зрѣлище, какое не могла представить ни одна европейская конница.

Въ Нальчикъ прибыли поздно вечеромъ. На слѣдующее утро, 23-го сентября, Цесаревичъ принималъ князей, старшинъ и почетныхъ жителей Кабарды, Карачая и другихъ сосѣднихъ племенъ; отъ имени Государя онъ передалъ имъ благодарность за ихъ вѣрную и честную службу Россіи. Въ числѣ депу-

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и Намѣстникъ Кавказскій князь М. С. Воронцовъ
въ Кисловодскѣ на обѣдѣ у помѣщика Реброва.

тащи находился житель Бабукова аула Тукумъ-Буговъ, который за четыре года передъ тѣмъ былъ отчаяннымъ абрекомъ, а въ 1843 году не далеко отъ Пятигорска захватилъ въ плѣнъ жену батарейнаго командира полковника Махина, держалъ у себя ее три года, пока не получилъ выкупа, но обращался съ ней съ такой утонченно рыцарскою вѣжливостію, что князь Воронцовъ простилъ ему все прошлое и разрѣшилъ поселиться опять въ Бабуковскомъ аулѣ. Передъ самымъ пріѣздомъ Цесаревича Тукумъ-Буговъ отправился въ горы, выкралъ изъ немирныхъ ауловъ двухъ плѣнныхъ казаковъ и въ Нальчикѣ представилъ ихъ Намѣстнику. Отсюда Цесаревичъ направился черезъ Владикавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ для осмотра Закавказскаго края.

Магометъ - Аминъ и Сеферъ - бей — руководители черкесскихъ племенъ. Изъявленіе покорности бжедухами и абадзехами. Смерть командира Сѣверскаго драгунскаго полка кн. Багратіона. Набѣгъ Новотроицкой сотни поручика графа Воронцова-Дашкова и князя Амилахвари съ Нижегородцами на шапсугскіе аулы.

Еще въ 1848 году въ Закубанскомъ краѣ появился Магометъ-Аминъ, посланный Шамилемъ въ званіи наиба. Хорошій провѣдникъ и умный Магометъ-Аминъ быстро воспользовался настроеніемъ абадзеховъ. Таинственность, которою окружилъ себя Магометъ-Аминъ, увлекательная рѣчь, гордый повелительный тонъ съ окружавшими его старшинами, привѣтливое, ласковое обращеніе съ народомъ, обѣщаніе лучшей будущности — все это производило на абадзеховъ сильное впечатлѣніе. Народъ избралъ его своимъ владыкою. Успѣхи проповѣди Магометъ-Амина были такъ быстры, что въ февралѣ 1849 года онъ уже издаетъ законы, организуетъ управленіе въ народѣ, создаетъ постоянное войско. И всѣ другія черкескія племена Закубанья постепенно начали признавать власть Магометъ-Амина, такъ что они въ концѣ концовъ сдѣлались послушнымъ орудіемъ этого замѣчательнаго горца. Пользуясь такимъ вліяніемъ, онъ предпринималъ болѣе или менѣе удачныя набѣги на Линію. Не довольствуясь подчиненіемъ племенъ Закубанья, Магометъ-

Аминъ явился къ убыхамъ и шапсугамъ; не безъ борьбы съ вліятельными князьями Магомету все-таки удалось распространить свое вліяніе и среди народовъ по-

Магометъ-Аминъ — предводитель черкесскихъ племенъ съ 1848 по 1859 годъ.

бережья Чернаго моря. Но убыхи, шапсуги и натухайцы тяготились этимъ вліяніемъ и окончательно порвали сношенія съ наибомъ передъ Восточной войной

1853—1856 г.-г., когда среди нихъ появился природный черкесскій князь Сеферъ-бей-Занъ, находившійся до тѣхъ поръ въ Турціи.

Во время Восточной войны почти вся Черноморская береговая линія была оставлена нашими войсками, такъ какъ громадное протяженіе ее не позволяло защищать ее и отъ горцевъ, и отъ турокъ и отъ союзниковъ. По окончаніи войны Императоръ Александръ II прежде всего приказалъ занять Анапу, гдѣ въ то время находился Сеферъ-бей-Занъ, присвоившій себѣ громкій титулъ „главнокомандующаго всѣми горскими народами и начальника турецкихъ силъ въ Анапѣ“.

Сеферъ-бей, бывший когда то Ришельевскій лицеистъ и юнкеръ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, бѣжавшій затѣмъ въ горы, въ 30-хъ годахъ очутился въ Константинополѣ, гдѣ онъ находился на иждивеніи турецкаго правительства. Въ 1854 году онъ былъ присланъ въ Абхазію, чтобы склонить всѣ прибрежныя племена на сторону Турціи. По оставленіи нами Анапы Сеферъ-бей явился туда, сталъ именовать себя анапскимъ пашой. Пріѣзжавшіе въ Анапу французскіе, англійскіе и турецкіе офицеры, чтобы возбудить горцевъ къ общему возстанію, относились къ Сеферъ-бею какъ уполномоченному начальнику. Это увеличивало его значеніе среди горцевъ. Натухайцы подчинились его вліянію и, конечно, притворно, чтобы противопоставить его Магометъ-Амину. Къ этому послѣднему также ѣздили европейскіе офицеры,

но не могли склонить его къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Сеферъ-беемъ.

Между двумя руководителями горскихъ племенъ возникли враждебныя отношенія. Впрочемъ, это было и понятно: Магометъ-Аминъ, по духу мюридизма, издавна проповѣдывалъ равенство всѣхъ мусульманъ, а Сеферъ-бей, природный князь, подавалъ надежды князьямъ и дворянамъ на восстановленіе утраченныхъ ими древнихъ правъ среди Закубанскихъ племенъ. Вражда между Магометомъ и Сеферъ-беемъ перешла даже въ открытое столкновение.

Передъ занятіемъ нашими войсками Анапы Сеферъ-бей бѣжалъ сначала въ Новороссійскъ, а затѣмъ поселился среди шапсуговъ и натухайцевъ, гдѣ попрежнему игралъ главную роль руководителя всѣхъ враждебныхъ противъ насъ предпріятій; въ этомъ ему содѣйствовалъ и знаменитый сынъ его Карабатырь.

Какъ Магометъ-Аминъ, такъ и Сеферъ-бей съ сыномъ отчаянно воевали съ нами въ послѣдній періодъ борьбы на Западномъ Кавказѣ.

Съ паденіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля Восточный Кавказъ былъ покоренъ. Все вниманіе князь Барятинскій обратилъ на Западный Кавказъ. Враж-

Генераль-адъютантъ кн. Барятинскій. Намѣстникъ Кавказскій и Главнокомандующій съ 1856 по 1862 годъ.

дебныя племена, стѣсненныя устроенными въ 1856—1859 году Адагумскою и Бѣлорѣченскою линіями, постепенно начали изъяслять покорность или высе-

латься въ Турцію. Первый примѣръ подали бжедухи послѣ нанесеннаго имъ сильнаго удара полковникомъ Бабычемъ. Въ маѣ 1859 года старшины бжедуховъ въ числѣ 38 человекъ, по одному отъ каждаго аула, явились къ замѣстителю наказнаго атамана генералу Кусакову и заявили, что народъ покорится русскому Царю безусловно. Такая же депутация отъ всѣхъ бжедуховскихъ племенъ въ началѣ іюня явилась въ Екатеринодаръ къ генералъ-лейтенанту Филипсону. Кромѣ безусловной покорности, поголовной присяги и выдачи аманатовъ, отъ нихъ потребовано, чтобы народъ поселился къ осени въ большихъ аулахъ на указанныхъ мѣстахъ. Въ первой половинѣ іюля присяга была принесена на сборныхъ пунктахъ за Кубанью.

Примѣру бжедуховъ послѣдовали жившія между Лабой и Бѣлой племена: темиргоевцы, махошевцы, егерукаевцы, бесленеевцы, шахъ-гирейцы и закубанскіе кабардинцы.

Появленіе значительнаго отряда генерала Филипсона въ верховьяхъ р. Фарса и Псефира и устройство на урочищѣ Хамкеты укрѣпленія заставило и абадзеховъ серьезно подумать о своемъ положеніи; они приступили къ переговорамъ, и 20 ноября въ лагерѣ депутаты отъ всѣхъ сословіи абадзеховъ въ числѣ отъ 1500 до 2000 человекъ принесли присягу. Первый присягнулъ самъ Магометъ-Аминъ, который, какъ главное духовное лицо, много содѣйствовалъ этому, объяснивъ народу, что законъ Магомета не препятствуетъ мусульманамъ быть подданными христіанска-

го Государя. По просьбѣ абадзехскихъ старшинъ, генераль Филипсонъ дозволилъ Магометъ-Амину оставаться между ними какъ духовной особѣ, но безъ всякаго званія наиба. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выяснилось, однако, какъ непрочна была покорность, принесенная абадзехами. Въ нашихъ предѣлахъ стали появляться партіи изъ-за р. Бѣлой, Магометъ-Аминъ, при всемъ желаніи предотвратить эти набѣги, ничего не могъ сдѣлать, и онъ, видя, что абадзехи его не слушаютъ и нарушаютъ принесенную присягу, скрытно отъ всѣхъ уѣхалъ въ Турцію.

Къ концу 1859 года изъ другихъ племенъ не признававшихъ нашей власти оставались шапсуги и натухайцы; часть этихъ послѣднихъ, именно жившіе между Анапою, Суджукомъ и Адагумомъ, въ числѣ 40 тысячъ душъ, послѣ пораженія нанесеннаго имъ полковникомъ Бабычемъ и смерти ихъ предводителя Сеферъ-бея Зана, 12-го января 1860 года также принесли присягу на вѣрноподданство. Остальные поселились между шапсугами или выѣхали въ Турцію.

Настало время, когда князь Барятинскій рѣшилъ усилить военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ. Умиротворенные Дагестанъ и Чечня позволили направить въ Закубанскій край закаленные въ бояхъ полки. Съ этою цѣлью войска находившіяся въ этомъ краѣ были усилены тремя драгунскими полками (Нижегородскимъ, Сѣверскимъ и Переяславскимъ; Тверской находился тамъ съ 1857 года), четырьмя стрѣлковыми баталіонами—Гренадерскимъ, 19, 20 и 21-мъ и двѣнадцатью сводно-стрѣлковыми баталіонами изъ

стрѣлковыхъ ротъ Кавказской гренадерской, 20 и 21-й дивизіи. Части эти выступили на Кубань въ началѣ февраля 1860 года.

Прибывшія на Кубань части тотчасъ же были привлечены къ военнымъ дѣйствіямъ и работамъ по устройству станицъ и просѣкъ. Отмѣтимъ нѣсколько боевыхъ эпизодовъ и блестящихъ дѣлъ Сѣверскаго, Нижегородскаго драгунскихъ полковъ и Кубанскаго казачьяго полка Новотроицкой сотни, которою командовалъ поручикъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Въ 1860 году погибъ командиръ Сѣверскаго драгунскаго полка, полковникъ князь Багратіонъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

7-го іюня князь въ сопровожденіи семи драгунъ, посаженныхъ въ повозку, выѣхалъ изъ укрѣпленія Адагумскаго въ станицу Крымскую для осмотра частей полка. вмѣстѣ съ княземъ, но по кратчайшей дорогѣ, выѣхалъ и полковой квартирмейстеръ поручикъ Леонтовичъ. Князь ѣхалъ довольно шибко, не обративъ вниманія на то, что телѣга не поспѣвала за нимъ и отстала. Уже проѣхали половину пути, какъ изъ лѣсу раздался ружейный залпъ, и партія горцевъ до ста человекъ выскочила на дорогу и окружила коляску. Горцы съ ожесточеніемъ накинулись на князя и двухъ его спутниковъ. Началась борьба: кучеръ и слуга были убиты, самъ князь тяжело раненъ. Горцы начали выпрягать лошадей и грабить экипажъ. Конвойные драгуны, услышавъ выстрѣлы, бросили свою усталую тройку и побѣжали на выручку Леонтовича; но, увидѣвъ происходившее,

онъ помчался въ укрѣпленіе и доложилъ начальнику гарнизона маіору Маняти о случившемся. Роковое извѣстіе быстро облетѣло весь гарнизонъ, и поручикъ графъ Граббе съ нѣсколькими Сѣверцами также устремился на выручку. По тревогѣ выступили изъ Крымской станицы и двѣ роты пѣхоты; но было поздно — горцы увлекли раненаго командира въ плѣнъ.

Графъ Граббе пустился съ драгунами въ погоню; по дорогѣ они послѣдовательно находили то одну, то другую вещь принадлежавшія командиру, который бросалъ ихъ съ цѣлью указать слѣды. Впослѣдствіи лазутчики донесли, что дѣйствительно горцы взяли въ плѣнъ князя, чтобы получить за него большой выкупъ; услышавъ тревогу, они помчались такъ быстро, что раненому князю это причиняло невыносимыя страданія и онъ упрашивалъ своихъ мучителей ѣхать медленнѣе; конечно, горцы не обратили вниманія на просьбы; тогда, доведенный до крайности князь, собравъ послѣдніе усилія, схватилъ обѣими руками своего жоака за горло и, свалившись вмѣстѣ съ нимъ на землю, тутъ же задушилъ его. Горцы ускакали къ себѣ въ аулъ. Трупъ командира Сѣверцы перевезли въ станицу Крымскую, гдѣ и предали землѣ.

Въ глухую августовскую ночь 1860 г. изъ Григорьевскаго укрѣпленія выступила Новотроицкая сотня графа И. И. Воронцова-Дашкова, тогда еще молодого поручика — теперь Царскаго Намѣстника и Главнокомандующаго тѣми самыми Кавказскими войсками, которыми началъ свою первую боевую службу. За этой сот-

Бивакъ Шацускаго отряда на р. Пшехъ въ 1860 году. Группа офицеровъ: поручикъ графъ Воронцовъ-Данковъ, рядовой князь Долгорукий, художникъ Горшельдтъ, флигель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ, князь Долгорукий, полковникъ Тришатный, графъ Чернышовъ-Кругликовъ, полковникъ Позенъ, инженеръ капитанъ Лакруа, казакъ Бунаковъ, юнкеръ Вольфъ, поручикъ Бутуракинъ и ротмистръ Витгенштейнъ,

нею двигались два эскадрона Нижегородскихъ драгунъ подъ командою князя Ивана Гивича Амилахвари, въ то время еще капитана, въ послѣдствіи памятнаго всѣмъ старымъ кавказцамъ боевого генерала.

Это былъ летучій авангардъ, высланный для набѣга на одинъ изъ значительнѣйшихъ шапсугскихъ ауловъ; за авангардомъ, въ видѣ резерва, держались поодаль три баталіона пѣхоты съ артиллеріею. Одни извѣстные въ лѣтописи Кавказской войны охотники Кабардинскаго полка слѣдовали непосредственно съ кавалеріею и не отставали отъ нея. Удивительные ходоки были эти люди. Не даромъ Императоръ Александръ II, шутя, называлъ ихъ „Кабардинскою кавалеріею“. Въстѣ съ казаками находился и художникъ Горшельдтъ*).

„Намъ отданъ былъ приказъ, — говоритъ Горшельдтъ въ своихъ воспоминаніяхъ. — сохранять величайшую тишину, и линейцы, привычные къ ночнымъ движеніямъ, двигались беззвучно, какъ ночныя привидѣнія. Ночь дышала прохладой; звѣзды горѣли на чистомъ безоблачномъ небѣ, но было такъ темно, что едва можно было различать силуэтъ нашего отряда, слѣдовавшаго среди густого кустарника. Изрѣдка только крикнетъ, вспугнутый съ своего ночного гнѣзда, старый воронъ, или куропатка безшумно пронесется надъ нашими головами. Такой ночной маршъ имѣетъ всегда что-то таинственное, и въ высшей

*) Нѣмецъ по происхожденію, Теодоръ Горшельдтъ всю свою художественную дѣятельность принадлежалъ Россіи и преимущественно Кавказу. Кавказскія картны, рисунки, типы солдата, дивейнаго казака и горца пользуются общею и заслуженною извѣстностью во всей Европѣ,

степени полонъ поэзіи. Тишина ночи, глухіе шаги, полушопотомъ отдаваемые команды возбуждаютъ фантазію, и воображеніе рисуетъ картины далеко превосходящія самую дѣйствительность. Вдругъ справа отъ насъ сверкнулъ огонекъ, и пули съ свистомъ прорѣзали воздухъ. Это былъ непріятельскій пикетъ, замѣтившій наше движеніе, и вслѣдъ за его выстрѣломъ на всѣхъ окрестныхъ пригоркахъ зажглись сигнальные маяки. Мы были открыты, и абсолютная тишина становилась излишнею. „Слава Богу“, теперь, по крайности, можно высморкаться, громко проговорилъ стоявшій возлѣ меня бородастый казакъ“.

Въ это время начинало уже свѣтать. Спустившись въ долину Афипса, показался огромный въ тысячу домовъ аулъ Сухуноякъ, за которымъ тотчасъ же начинались густые лѣса. Повсюду росла высокая кукуруза, а фруктовые сады огорожены плетневыми заборами—вѣчная преграда для дѣйствій кавалеріи. Послышалась команда: „Казакъ и драгуны впередъ рысью“.

„Нагнувшись впередъ и высоко держа надъ головами винтовки,—говоритъ Горшельдтъ,—катила наша ватага впередъ. Мы перемѣшались съ драгунами и неслись во весь опоръ съ единственнымъ желаніемъ обогнать сосѣда. Офицеры напрасно старались умѣрить эту безумную скачку, опасаясь, что лошади не выдержатъ. Въ это время на полугорѣ, гдѣ стоялъ аулъ, показались шапсуги, и пули стали посвистывать мимо ушей все чаще и чаще. Намъ было видно, что въ аулъ идетъ суматоха, и жители вотъ, вотъ укроютъ“.

ся въ сосѣднемъ лѣсу. Это зрѣлище еще болѣе возбуждало насъ и даже офицеры только и кричали теперь: „пошелъ-пошелъ“. Мы вскочили въ аулъ и, къ общей досадѣ, сразу наткнулись на заборы. Казаки спѣшились, разметали ихъ и неслись по улицамъ все дальше и дальше. Въ это время съ другой стороны ворвались кабардинскіе охотники, и аулъ зажженъ былъ разомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ“.

Однако, почти все населеніе успѣло выбраться въ лѣсъ, гдѣ подъ защитою вѣковыхъ чинаръ и орѣховъ, стоявшихъ сплошной, непроницаемой стѣной, оно было уже въ безопасности. Казаки, рыскавшіе по улицамъ и переулкамъ, нашли тѣмъ не менѣе много распряженныхъ арбъ, нагруженныхъ до верху еще несмолотымъ хлѣбомъ. Раздались звуки трубы: Казаки со всѣхъ сторонъ, очертя головы, летѣли къ своему командиру. Оказалось, что за горою шапсуги укрыли большое стадо. Казаки понеслись туда; небольшое прикрытіе, охранявшее стадо, дало залпъ и разсыпалось. Стадо, шарахнувшее съ испуга въ сторону, было моментально оцѣплено казаками. Въ это время показалась значительная шапсугская конница, скакавшая во всѣ повода. Чтобы прикрыть захваченную добычу, князь Амилахвари спѣшилъ 3 эскадронъ Нижегородцевъ и приказалъ ему держаться, пока остальные драгуны и казаки не отойдутъ на значительное разстояніе. Завязалось горячее дѣло.

Когда казаки отогнали скоть на большое разстояніе, князь Амилахвари послалъ поручика Махатадзе съ приказаніемъ 3-му эскадрону отступить.

Махатадзе пришлось скакать черезъ покрытую кустарникомъ лошину. Вдругъ изъ кустовъ выскочили двое шапсуговъ—одинъ кинулся съ обнаженной шашкой; другой выстрѣлилъ почти въ упоръ. Махатадзе, уцѣлѣвшій какимъ то чудомъ, срубилъ ихъ обоихъ и поскакалъ дальше передавать приказаніе. На обратномъ пути онъ увидѣлъ маленькую дѣвочку, сидѣвшую на дорогѣ возлѣ одного изъ убитыхъ и, схвативъ ее на сѣдло, привезъ къ отряду, „Издали,—разсказываетъ Горшельдтъ,—я принялъ этого ребенка за обезьяну, такъ грязна и худа была маленькая дѣвочка. Сначала она горько плакала, однако громадный усатый драгунъ, которому ее поручили, скоро утѣшилъ и успокоилъ ее, точно онъ всю свою жизнь былъ нянькой“. Эта плѣнница и была та пятилѣтняя Афизе, которая сдѣлалась балованною дочкою Нижегородскаго полка.

3-й эскадронъ, между тѣмъ, отступалъ, преслѣдуемый шапсугами. Дѣло становилось горячее. Прибыли на помощь самъ Амилахвири и казаки съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Къ шпсугамъ тоже прибывали подкрѣпленія. Драгуны и казаки отступали медленно, спѣшиваясь поочередно; но горцы дѣйствовали съ такимъ упорствомъ, что пришлось потребовать наконецъ цѣлый баталіонъ, который и смѣнилъ усталую конницу. Казаки и драгуны потянулись въ лагерь.

Другой такой набѣгъ тѣ же линейные казаки и тотъ же дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ совершили 2-го сентября, когда они изъ укрѣпленія Григо-

рѣвскаго сопровождали въ Екатеринодаръ оказію. Черкесы, давно привыкшіе къ проходившимъ мимо нихъ почти ежедневно войскамъ, проводили выступившую колонну нѣсколько верстъ, и затѣмъ оставили въ покоѣ, не замѣтивъ, какъ князь Амилахвари скрытно перешелъ черезъ рѣку Шешъ и бросился въ дремучій лѣсъ, чтобы захватить стада ходившія на полянѣ около двухъ большихъ ауловъ. Драгуны и казаки понеслись въ карьеръ. Пока драгуны возились около стада, казаки ворвались въ аулъ и все, что не успѣло бѣжать, легло подъ ихъ ударами или было захвачено въ плѣнъ. Посреди этой сумятицы убитыми оказались дѣти и женщины. Князь Амилахвари послалъ поручика Махатадзе остановить кровопролитіе. Махатадзе пустился напрямикъ и наткнулся въ лѣсу на 18 черкесскихъ дѣвушекъ, объятыхъ ужасомъ при видѣ русскаго всадника. Махатадзе, говорившій по черкесски, успокоилъ ихъ и приказалъ трубачу проводить къ отряду. На пути имъ встрѣтились казаки, возвращавшіеся изъ аула съ богатой добычей. Драгуны прикрывали отступленіе. Набѣгъ удался вполне и отрядъ миновалъ опасный лѣсъ прежде чѣмъ горцы собрались по тревогѣ.

Возвращеніе съ этого набѣга художникъ Горшельдтъ и нарисовалъ въ замѣчательной своей картинѣ. Она представляетъ ранній часъ утра. Вдали обрисовывается фигура казачьяго офицера съ накинутой на плечи буркой. Это командиръ сотни графъ Воронцовъ-Дашковъ. Рядомъ съ нимъ полковникъ Щереметевъ; они уже переѣхали черезъ рѣку Шешъ.

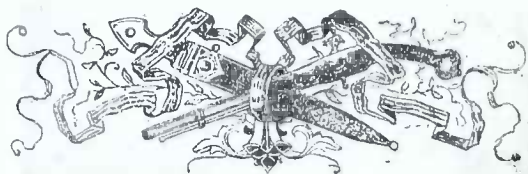

Возвращеніе казаковъ Новотроицкой сотни поручика графа И. И. Воронцова-Дашкова съ набѣга на шапсутскіе аулы за р. Шибшъ.

Съ картины Герисельдта.

и съ высокаго берега наблюдали за переправой казаковъ, которые гонятъ отбитый скоть и везуть убитыхъ, плѣнныхъ и плѣнницъ.

Такіе набѣги имѣли рѣшающее значеніе въ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ. Безъ нихъ мы не могли бы утвердиться въ плодородныхъ долинахъ, которыя были житницей для горцевъ; имъ приходилось волей-неволей покидать эти мѣста и бѣжать въ горы, гдѣ они не могли долго существовать. Это ускоряло дѣло покоренія.

Графъ Евдокимовъ и предложенный имъ планъ окончательнаго покоренія Кавказа. Союзъ встѣхъ черкесскихъ племенъ. Пребываніе Императора Александра II въ районѣ военныхъ дѣйствій Кубанской области въ 1861 году.

Въ 1860 же году послѣдовало новое раздѣленіе Сѣвернаго Кавказа: Лѣвое крыло Кавказской линіи было переименовано въ Терскую область, а Правое крыло вмѣстѣ съ Черноморіей вошло въ составъ Кубанской области; изъ шести бригадъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и Черноморскаго войска образовано одно Кубанское казачье войско. Послѣдовали перемѣны также и въ личномъ составѣ: начальникъ Главнаго штаба Кавказской арміи г.-ад. Милютинъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра; на его мѣсто г.-л. Филипсонъ; а командующимъ войсками Кубанской области и наказнымъ атаманомъ генералъ-адютантъ графъ Евдокимовъ.

Объѣхавъ обширный край, графъ Евдокимовъ въ ноябрѣ представилъ свои предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ для окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, при чемъ главнымъ средствомъ для этого должны были послужить заселеніе казачьими станицами всего пространства между рѣками Бѣлой и Лабой и восточнымъ берегомъ Чернаго моря и предложеніе горцамъ выселиться на равнины или же удалиться въ Турцію. Предположенія графа Евдокимова

были одобрены, и сформированные Адагумскій, Шапсугскій и Абадзехскій отряды способствовали къ прочному утверждению русской власти и устройству новыхъ станицъ. Башильбеевцы, казильбековы, тамор-

Генераль-адъютантъ графъ
Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

цы и часть шахгиреевцевъ въ указанный имъ срокъ оставили свои мѣста и переселились въ Турцію. Одни бесленеевцы упорствовали въ исполненіи требо-

ваній. 20 іюня 1860 года бесленевцы были внезапно окружены и они въ числѣ четырехъ тысячъ семействъ подъ прикрытіемъ войскъ силою были переведены на р. Урупъ, а оттуда уже, получивъ разрѣшеніе, переселились въ Турцію.

Въ этотъ послѣдній періодъ борьбы черкесы рѣшили отстоять свою независимость не только оружіемъ, но еще внутренними преобразованіями. Этому много способствовали появившіеся среди нихъ иностранцы, которые убѣждали горцевъ продолжать воевать съ Россіей и говорили, что Англія, Франція и Турція принимаютъ ихъ подъ свое покровительство и объявятъ Россіи войну. Такими обѣщаніями горцы были чрезвычайно воодушевлены, и главнѣйшія племена ихъ—абадзехи, шапсуги и убыхи, послали своихъ выборныхъ старшинъ въ Сочи, гдѣ 13-го іюня они сговорились дѣйствовать объединенными силами.

На этомъ совѣщаніи черкесы единогласно рѣшили учредить чрезвычайный союзъ и сохранять въ странѣ внутренней порядокъ. Для управленія союзомъ былъ учрежденъ меджлисъ изъ 15-ти улемовъ и свѣдущихъ лицъ; этотъ меджлисъ они назвали „Великимъ свободнымъ засѣданіемъ“. Весь край былъ раздѣленъ на 12 округовъ, въ каждомъ изъ нихъ назначили отвѣтственныхъ лицъ. Не довольствуясь этими преобразованіями, убыхи искали помощи у Турціи и Англіи; они обратились къ англійскому консулу въ Сухумѣ Диксону, прося довести до свѣдѣнія англійскаго правительства о посягательствѣ на ихъ независимость со стороны русскихъ войскъ; они жаловались, что для

покоренія черкесь генераль Евдокимовъ окружилъ ихъ край со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти усилія черкесь, однако, не могли измѣнить задуманнаго систематическаго плана покоренія. Со стороны Абхазіи ген. Колобакинъ прежде всего рѣшилъ нанести нравственный ударъ: высадившіяся у Сочи войска истребили огнемъ постройки „свободнаго меджлиса“. Тщетно черкесы сбѣжались со всѣхъ сторонъ и старались спасти свое священное зданіе: всё было напрасно!

Но самый главный ударъ былъ нанесенъ черкесамъ въ Закубанскомъ краѣ. 20 іюля, по окончаніи работъ для устройства новыхъ станицъ, около укрѣпленія Хамкеты былъ собранъ Верхне-Абдзехскій отрядъ предназначенный для занятія верховьевъ р. Фарса и упроченія владѣнія этой рѣкой.

Появленіе русскихъ станицъ на Фарсѣ вызвало общее возбужденіе среди черкесскихъ племенъ. Въ Хамкетскій лагерь къ графу Евдокимову явились абдзехскіе старшины съ просьбою, чтобы онъ не шель въ ихъ землю и не прокладывалъ у нихъ дорогъ и просѣкъ, такъ какъ они принесли уже покорность Государю и желаютъ жить въ мирѣ. Графъ Евдокимовъ, не обративъ вниманія на ихъ слова, двинулся къ Фарсу и расположился въ урочищѣ Мамрюкъ-огой и здѣсь вновь прибывшимъ абдзехскимъ старшинамъ объявилъ, что они сами первые нарушили покорность заключеніемъ союза съ шапсугами и убыхами, разбоями, укравательствомъ бѣглыхъ и что если они хотятъ дѣйствительно принести покорность Русскому Царю,

то должны принять то управленіе и то начальство, какое будетъ назначено. Абадзехи просили разрѣшить послать депутацію отъ всего союза въ Петербургъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли къ нимъ предъявляются требованія по волѣ Государя. Когда имъ въ этомъ было отказано, то они попросили послать съ таксю же цѣлью представителей въ Тифлисъ къ Намѣстнику. Графъ согласился на эту просьбу, имѣя въ виду, что эта поѣздка отсрочить враждебныя дѣйствія абадзеховъ.

Въ Тифлисъ князя Барятинскаго тогда уже не было и депутаты отъ абадзеховъ—Гассанъ Бидхевъ, отъ убуховъ—Хаджи-Керендукъ-Берзекъ и отъ шапсуговъ—Исламъ-Тхаушевъ, въ сопровожденіи полк. князя Мамать-Лоова, явились къ командиру арміей, генералъ-адъютанту князю Орбеліани, который подтвердилъ всѣ требованія Евдокимова и объявилъ, что Государь Императоръ въ скоромъ времени самъ пріѣдетъ въ Кубанскую область и если пожелаетъ, то можетъ выслушать ихъ просьбы. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Орбеліани письменно обратился къ народамъ убухскому, шапсугскому и абадзехскому. Онъ, между прочимъ, писалъ: „Государь Императоръ не желаетъ проливать кровь вашу, не желаетъ нарушать ни вашей религіи, ни правъ вашей собственности. Онъ желаетъ мира и благоденствія вамъ, какъ и всѣмъ своимъ вѣрноподаннымъ. Вы нарушаете этотъ миръ. Государь каждому изъ васъ, кто изъявитъ покорность, приказалъ: дать землю для поселенія, дозволить исповѣдывать мусульманскую вѣру безъ стѣсненія и въ селе

ніяхъ вашихъ строить мечети, не брать васъ въ солдаты и не записывать въ казаки, предоставить каждому селенію и округу выбирать изъ среды своей судей и старшинъ для разбора всѣхъ вашихъ дѣлъ. Для того, чтобы рѣшеніе судей исполнялось и чтобы никто изъ васъ не обижалъ другого, будутъ поставлены гачальники.

Между тѣмъ какъ происходили эти переговоры, войска успѣли прорѣзать дорогами и просѣками все пространство, которое населяли племена по рѣкамъ Псефиру, Фарсу, Губсу и по правую сторону Бѣлой.

Осенью 1861 года Императоръ Александръ II лично хотѣлъ убѣдиться въ достигнутыхъ успѣхахъ на Западномъ Кавказѣ и посѣтилъ Кубанскую область.

11 сентября 1861 г. Государь высадился въ Тамани, на границѣ Кавказскаго намѣстничества; въ свитѣ находились генералы-адъютантъ князь Долгорукій, графъ Адлербергъ, графъ Ламбертъ, Глазенапъ и лейбъ-медикъ Енохинъ. На пристани ожидали командующій Кавказской арміей генераль-адъютантъ князь Орбеліани съ высшими начальствующими лицами. Между прочимъ, въ Тамань къ этому времени прибыли болѣе 500 мирныхъ и не мирныхъ черкесовъ съ намѣреніемъ просить Государя не выселять ихъ съ Кавказа. Императоръ сразу обратилъ вниманіе на эту толпу черкесъ, безмолвно стоящую невдалекѣ; спросивъ у князя Орбеліани—кто они такіе, онъ быстро направился къ нимъ. Тутъ произошла одна изъ глубокопотрясающихъ сценъ: при приближеніи Монарха черкесы всѣ, какъ одинъ,

схватились за оружіе и, положивъ его на землю, благоговѣнно склонили свои головы; затѣмъ старѣйшій изъ нихъ, выступивъ немного впередъ, произнесъ слѣдующее привѣтствіе;

„Великій Государь! Мы счастливы, что вы обратили на насъ свое милостивое вниманіе; еще болѣе мы счастливы тѣмъ, что, несмотря на недавнюю войну съ войсками вашими, вы такъ великодушно довѣрились намъ. Мы это очень цѣнимъ, нашъ Великій Государь, и клянемся отнынѣ быть вашими истинными и вѣрными подданными. Мы знаемъ что вы—Царь великой земли, что могущественнѣе васъ никого нѣтъ на свѣтѣ, мы знаемъ также, что у васъ много, очень много подданныхъ, такъ что мы среди нихъ все равно какъ капля воды при большомъ дождѣ, но мы все-таки просимъ не оставить насъ и смотрѣть на насъ, какъ и на остальныхъ подданныхъ. Правда, что до сихъ поръ мы воевали съ войсками вашими, но клянемся, что впредь мы будемъ лучшими и самыми вѣрными рабами вашими. Прикажите, Государь, и мы всѣ готовы свято исполнять всякія ваши повелѣнія. Мы будемъ строить дороги, укрѣпленія, казармы для войскъ вашихъ и клянемся, что будемъ жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Только лишь не выселяйте насъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились и жили наши отцы и дѣды. Отнынѣ мы эти мѣста, наравнѣ съ войсками вашими, будемъ защищать отъ враговъ до послѣдней капли крови, нашей... Не выселяйте только насъ и смотрите на насъ, какъ и на остальныхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ...“

Въ продолженіе этой рѣчи и потомъ, когда ее переводили, среди толпы царилъ глубочайшее молчаніе, — никто даже не шевельнулся. Государь со вниманіемъ выслушалъ слова старѣйшаго черкеса и обѣщаль сдѣлать все возможное. Какъ только эти слова были переведены, между черкесами послышались радостныя восклицанія, и вся толпа двинулась провожать Царя съ громкими пожеланіями счастья и благополучія.

Впечатленіе, произведенное черкесами на Государя, было самое благопріятное, и онъ потомъ неоднократно спрашивалъ о нихъ князя Орбелиани.

Государь имѣлъ ночлегъ во вновь открытомъ городѣ Темрюкѣ. 12 сентября прибылъ въ Екатеринодаръ, гдѣ былъ встрѣченъ генералами кн. Меликовымъ, кн. Мирскимъ и Ивановымъ. Отслушавъ молебствіе въ старинномъ соборѣ, куда первые Черноморцы перенесли все внутреннее убранство главнаго храма Запорожской Сѣчи, принялъ отъ войска хлѣбъ-соль. Черноморцы цѣлый вечеръ не переставали присутствовать своего высокаго гостя.

13 и 14 сентября Государь осмотрѣлъ войска Шапсугскаго и Нижне-Абдзехскаго отрядовъ, проѣхавъ черезъ укрѣпленія Григорьевское, Усть-Лабинское въ Майкопѣ, а 15-го числа, по возвращеніи изъ рекогносцировки за р. Бѣлую, выѣхалъ черезъ Нижне-Фарскую станицу въ укрѣпленіе Хамкеты, гдѣ въ то время находился лагерь Верхне-Абдзехскаго отряда.

На половинѣ дороги разразилась страшная гроза съ порывистымъ вѣтромъ, сильнымъ дождемъ. Наступили сумерки, а густыя черныя тучи и высокорастущій

лѣсъ, которымъ нужно было проѣзжать, сдѣлали темноту непроницаемою. Путь освѣщали только факелы, заблаговременно розданные казакамъ Конвоя. Только въ 8 часовъ вечера безмолвный, волнуемый ожиданіями лагерь, мгновенно оживился и принялъ торжественно-воинственный видъ. Звуки музыки и барабановъ, громкое „ура“ войскъ, пальба орудій привѣтствовали въѣздъ Русскаго Царя въ лагерь и огласили окрестные горы и лѣса.

Къ полуночи лагерь безмолствовалъ; бодрствовали одни только усиленные караулы, бодрствовалъ и самъ начальникъ отряда генераль Ольшевскій. Съ восходомъ солнца Государь вышелъ изъ своей ставки. Полюбовавшись съ нагорнаго берега Фарса на Кавказскій хребетъ, обойдя лагерь съ юго-западной стороны по линіи лейбъ-Эриванскаго, Грузинскаго резервныхъ, 20 стрѣлковаго баталіоновъ, дивизіона казачьей артиллеріи и Нижегородскихъ драгунъ, конвоировавшихъ наканунѣ въ пути, Государь возвратился въ ставку.

Въ полдень, одновременно съ тѣмъ, какъ войска выстраивались въ колоннахъ, отъ Царской ставки до урочища Маврюкъ-чая, лѣсистыя предгорья верховьевъ Фарса начали наполняться сотнями конныхъ абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ. Въ то время, когда войска громкимъ „ура“ и звуками музыки и барабановъ привѣтствовали Монарха, въ верховьяхъ Фарса раздавались бранные и раздражительные крики тѣхъ горцевъ, которые желали ѣхать вмѣстѣ съ депутатами въ нашъ лагерь, чего старшины не могли дозволить потому, что это было бы нарушеніемъ объ-

Пріємъ Императоромъ Александромъ II депутацій черкесскихъ племенъ въ лагерѣ Абадзехскаго отряда въ 1861 году.

Съ картины Горшельдта.

влеченныхъ графомъ Евдокимовымъ условій. Отъ собранія горцевъ отдѣлилось 50 всадниковъ депутатовъ, которыхъ Государь пожелалъ принять.

Представитель убыховъ Хаджи-Берзекъ отъ имени всѣхъ просилъ Императора принять ихъ въ русское подданство; на это Государь отвѣтилъ, что ему пріятно видѣть горскіе народы своими подданными, но для этого они прежде всего должны бросить свои набѣги, повиноваться и исполнять всѣ требованія русской власти, а чтобы доказать свою готовность на это, они теперь же должны выдать плѣнныхъ и бѣглыхъ. Молчаніе было отвѣтомъ на слова Государя. Сдѣлалось очевиднымъ, что явившіеся въ лагерь старшины и депутаты были представителями не цѣлаго народа, а только одной части, дѣйствительно желавшихъ прекращенія войны. Когда Государь спросилъ: „что же они молчатъ?“ Берзекъ отвѣтилъ, что у нихъ есть письменная просьба. Государь приказалъ принять эту просьбу и объявить горцамъ, что разсмотрѣніе прошенія и вообще устройство ихъ быта онъ поручаетъ кавказскому начальству. Въ прошеніи депутатовъ горцы просили неприкосновенности земель своихъ, чтобы тамъ не строить крѣпостей, станицъ, не проводить дорогъ. Несомнѣнно, что подобная условная покорность должна была продлить на долгіе годы дѣло умиротворенія края. Государь сказалъ: „Я даю мѣсячный срокъ — абадзехи должны рѣшить: желаютъ ли они переселиться на Кубань, гдѣ получать земли въ вѣчное владѣніе и сохранять свое народное устройство и судъ, или же пусть пе-

реселяются въ Турцію. Отпустивъ депутатовъ, Государь объѣхалъ лагерь съ окрестностями и въ особенности долго пробылъ на передовой позиціи и въ вагенбургѣ.

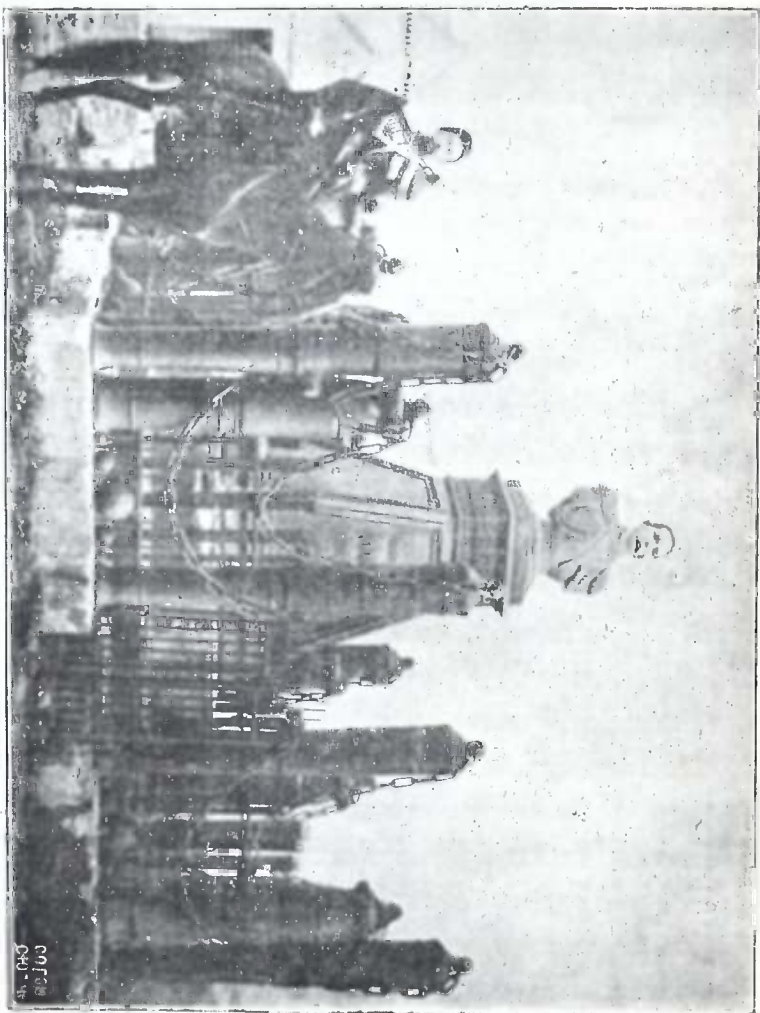
Первая находилась на Фарсѣ, правый берегъ котораго былъ покрытъ густымъ лѣсомъ. Занимавшій эту позицію Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ громкимъ „ура“ привѣтствовалъ проѣзжавшаго Царя. Еще болѣе громкіе крики огласили горы и лѣса, когда Государь, томимый жаждой, выпилъ стаканъ вина за здоровье храбрыхъ стрѣлковъ. Такое же „ура“ раздалось на противоположной сторонѣ лагерь въ то время, когда Государь объѣзжалъ семь стрѣлковыхъ ротъ линейныхъ баталіоновъ, охранявшихъ обозы.

Въ 6 часовъ къ Царскому столу были приглашены, кромѣ Государевой свиты и главныхъ начальствующихъ лицъ, командиры отдѣльныхъ частей. Командующій Кавказскою арміею князь Орбеліани послѣ краткой, прочувствованной рѣчи провозгласилъ тостъ за Августѣйшаго гостя. Наступила минута высокаго торжества, когда воздухъ потрясъ тысячами голосовъ солдатъ, кричавшихъ „ура“, смѣшанными съ боевыми выстрѣлами изъ орудій и залпами изъ ружей. Въ то время, когда эти воинственные крики и громъ орудій разносились по лѣсамъ и горамъ, лагерь освѣтился тысячами плошекъ, шкаликовъ и китайскихъ разноцвѣтныхъ фонарей, между которыми горѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ транспорты. Одновременно съ этимъ запылали десятки

огромныхъ костровъ, расположенныхъ на возвышенностяхъ вокругъ лагеря. При такой, можно сказать, феерической батальной картинѣ, по окончаніи обѣда, всѣ вышли на террасу, устроенную на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лагерной позиціи. Пребываніе на этой террасѣ закончилось вечерней зарей съ церемоніею, послѣ чего Государь стправился въ свою ставку.

„И вотъ въ то время,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ М. Ольшевскій,—когда Русскій Царь среди умолкшаго, но еще пылавшаго огнями лагеря игралъ въ вистъ съ своими приближенными, въ верховьяхъ Фарса происходили трагическія сцены, столь присущія горцамъ при возбужденномъ состояніи. А намъ извѣстно, что они находились въ такомъ ненормальномъ настроеніи еще до отправленія депутаціи. Когда же о Царскомъ отвѣтѣ узнано было въ неприятельскомъ станѣ, то одновременно съ тѣмъ, какъ абадзехи, въ особенности ближніе, пришли въ уныніе, шапсуги съ убыхами явились подстрекателями. Много было употреблено усилій и убѣжденій со стороны стариковъ, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи. Не разъ обнажались кинжалы и шашки и даже дошло до незначительной кровавой схватки“.

19 сентября Государь, простившись съ войсками, выѣхалъ изъ лагеря. Проѣхавъ Маврюкъ-чайское урочище съ его знаменитой священной рощею, гдѣ жилъ когда-то Магометъ-Аминъ и гдѣ подъ ея столѣтними дубами и чинарами собирались абадзехи для рѣшенія своихъ народныхъ дѣлъ, Государь выразилъ

Памятникъ въ станицѣ Парской въ честь пребыванія въ Кубанской области
Императора Александра II. Станица возведена на мѣстѣ лавры Абдзехскаго
отряда на урочищѣ Мамрюкъ-чай.

благодарность генералу Ольшевскому и, пожелавъ успѣха въ военныхъ дѣйствіяхъ, закончилъ, указывая на верховья Фарса, слѣдующими словами: „Постарайся до времени не раздражать твоихъ разгнѣванныхъ сосѣдей“. Раздавшіеся послѣдовательно орудійные выстрѣлы въ укрѣпленіи Хамкеты и станицахъ Губской и Переправной возвѣщали проѣздъ черезъ эти мѣста. Послѣ ночлеговъ въ станицѣ Темигроевской, штабъ-квартирѣ Тверскаго драгунскаго полка, и городѣ Екатеринодарѣ, послѣ переправы черезъ Кубань у Псебедаха, Государь совершилъ переѣздъ по землѣ натухайцевъ въ укрѣпленіе Константиновское, на берегу Чернаго моря, гдѣ не только часто рыскали партіи шапсуговъ, но и появлялись горцы въ большихъ массахъ, какъ, на примѣръ, случилось при нападеніи на постъ Георгіевскій и станицу Ново-Бажанскую.

Въ Константиновскомъ Государь былъ встрѣченъ Кутаисскимъ генераль-губернаторомъ Колобакинымъ и Тифлискимъ губернскимъ предводителемъ дворянства флигель-адъютантомъ Орбеліани. 21 сентября Императорская яхта направилась къ Сухуму. Здѣсь Государю представлялся владѣтель Абхазіи князь Шервашидзе. Осмотрѣвъ госпиталь, войска, поблагодаривъ ихъ за службу и за труды, понесенные въ экспедиціяхъ, Государь продолжалъ путь къ Потіи; здѣсь, по заранѣе отданному распоряженію, долженъ былъ ожидать рѣчной пароходъ для дальнѣйшаго путешествія по Риону до Чаладиди къ Кутаису; но каково же было удивленіе всѣхъ, когда въ назначенный часъ въ Потійскомъ рейдѣ парохода не оказалось.

Была темная, безлунная ночь. Вдали едва виднѣлся дремучій лѣсъ и погруженный въ мглу городъ. Государь не высказалъ ни ропота, ни гнѣва и терпѣливо ждалъ, облокотясь на бортъ яхты. Проходить часъ, другой, третій, а злосчастнаго парохода все нѣтъ да нѣтъ. Находившійся въ свитѣ контръ-адмиралъ Сколковъ и командиръ Черноморскаго флота Глазенапъ болѣе всѣхъ, конечно, были возмущены такою преступною небрежностью и болѣе всѣхъ чувствовали себя какъ бы виновными въ томъ мучительномъ ожиданіи, которое такъ кротко переносилъ Русскій Императоръ. — „А что ваше превосходительство, чтобы было съ нами, если бы вонъ тамъ, у борта, теперь стоялъ покойный Императоръ Николай?“ — „Что бы было, — отвѣчалъ Глазенапъ, — да то, что мы съ вами давно бы были за бортомъ“.

Наконецъ, около 4 часовъ ночи несчастный пароходъ подошелъ. Капитанъ Потійскаго порта Кутаевъ, старичекъ 60 лѣтъ, взошелъ на палубу яхты и по морскому уставу отрапортовалъ Государю. Ни одного слова неудовольствія Царь не произнесъ; но зато досталось этому старому моряку отъ начальства. На грозный вопросъ Глазенапа — почему онъ такъ долго не являлся съ пароходомъ, капитанъ съ приложенною, трепещущею къ шляпѣ рукою объяснилъ опозданіе тѣмъ, что на пароходѣ не были разведены пары. Надо было видѣть въ это время адмирала. „Какъ, капитанъ, да вы знали еще 14 сентября 1860 г., что Государь Императоръ 14 сентября 1861 г., въ 12 час. ночи будетъ на Потійскомъ рейдѣ, вы долж-

Путешествіе Императора Александра II въ 1861 году отъ Цогти по Ріону
до Чагаджи въ Мингреліи.

ны были распорядиться, чтобы вашъ несчастный пароходъ былъ цѣлый годъ подъ парами, ожидая Его Величество—и это оправданіе моряка“.

Переночевавъ въ Шоти, Государь на рѣчномъ пароходѣ поѣхалъ по Ріону.

Въ с Марани Государь принялъ князей и дворянъ Мингрелин, спрашивалъ многихъ изъ нихъ о ихъ положеніи, благодарилъ за преданность и службу во время турецкой кампаніи и принялъ устроенный ими завтракъ. Завтракъ весь состоялъ изъ туземныхъ блюдъ и особенно поразилъ всѣхъ шашлыкъ-монстръ. Дѣйствительно было чему удивляться; четыре рслыхъ мингрельца подносятъ Царю зажареннаго на вертелѣ цѣлаго быка, раз ѣзывая его, вынимаютъ изъ него теленка, изъ теленка—барашка, изъ этого индѣйку, изъ индѣйки—цыпленка; и все это приготовлено артистически. Изъ серебряной азарпеша Царь выпилъ за благоденствіе и процвѣтаніе Мингрелии, и азарпеша заходила между присутствовавшими.

Пшехскій и Абадзехскій отряды въ 1862 году. Подвиги Апшеронцевъ, Кабардинцевъ и Нижегородцевъ. Назначеніе Главнокомандующимъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Обѣздъ дѣйствующихъ отрядовъ. Отличная боевая служба Сѣверцевъ, Кубанскихъ казаковъ и 19-го стрѣлковаго баталіона.

Абадзехи, видя готовность нашу перенести военныя дѣйствія въ горы, пришли въ сильное волненіе. Значительныя партіи убыховъ и ахчипсхувцевъ, прибывшія съ побережья, усердно поддерживали ихъ воинственное настроеніе. Нужно было ожидать, что абадзехи не ограничатся обороной своихъ ущелій, а будутъ нападать на наши новыя поселенія.

Для дѣйствій противъ абадзеховъ въ февралѣ 1862 года изъ состава обоихъ Абадзехскихъ отрядовъ былъ сформированъ Пшехскій отрядъ; онъ долженъ былъ открыть работы по проложенію просѣкъ отъ Ханской станицы на р. Пшеху; это и было началомъ вторженія въ горныя мѣста.

2-го марта стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка и одна сотня Кубанскихъ казаковъ подъ командою маіора Шиманскаго были посланы изъ Майкопа къ вновь устроеннымъ постамъ при устьѣ Фюнфта, что бы доставить гарнизонамъ ихъ продовольственные припасы. Сдавъ продукты, колонна выступила обратно. Отойдя нѣсколько верстъ и поднимаясь на такъ называемую Семиколѣнную гору, маіоръ Шиманскій замѣ-

тилъ, что окружающія балки и. высоты заняты густыми массами горцевъ, а на самой дорогѣ устроены ими завалы. Въ то же время значительныя партіи непріятеля показались въ тылу колонны.

Разсчитавъ, что отряду, противъ котораго находился противникъ въ десять разъ превосходящій числомъ, остается все-таки только одно—пробиться штыками, маіоръ Шиманскій съ цѣлю ввести въ заблужденіе непріятеля направилъ одну роту Апшеронцевъ и полъ сотни казаковъ къ р. Бѣлой какъ будто для отысканія брода. Горцы вдались въ обманъ и большинство ихъ бросилось туда. Пользуясь этимъ моментомъ, Шиманскій съ тремя ротами и остальными казаками стремительно двинулся на высоты. Загорѣлся страшно неравный бой. Штыкъ и шашка работали до тѣхъ поръ, пока противникъ уступилъ горсти храбрецовъ, остатки которыхъ пошли дальше. Горцы, понеся потерю до двухсотъ убитыхъ и раненыхъ, не рѣшились больше тревожить геройски храбрыхъ Апшеронцевъ, тѣмъ болѣе, что на выстрѣлы быстро явился на помощь отрядъ войскъ.

Этотъ блестящій подвигъ стоилъ Апшеронцамъ убитыми капитана Яковлева и 21 нижнихъ чиновъ; ранеными—7 офицеровъ и 89 нижнихъ чиновъ.

Счастливый исходъ неравнаго боя нужно было приписать храбрости закаленнымъ въ сраженіяхъ Апшеронцамъ и распорядительности ихъ командира, маіора Шиманскаго, который въ минуту большой опасности для колонны рѣшился штыками проложить себѣ путь, или погибнуть во славу своей родной части.

Маіоръ Шиманскій за этотъ подвигъ былъ награжденъ ордеиомъ св. Георгія 4-го класса.

Дѣло 2-го марта выяснило, что въ немъ участвовали и горцы уже принесшіе покорность; потому всѣмъ туземцамъ, жившимъ между верховьями рѣкъ Лабы и Бѣлой, было предъявлено требованіе немедленно очистить занимаемыя ими мѣста и переселиться на Кубань; въ противномъ случаѣ имъ угрожали силою. Ни верхніе абадзехи, ни мохошевцы, ни егерукаевцы, ни баракаевцы не послушались этой угрозы, потому была назначена экспедиція для уничтоженія жилищъ, хлѣбовъ и запасовъ. Къ 27-му марта войска вытѣснили горцевъ, принудили удалиться за р. Бѣлую и занялись устройствомъ постовъ и станицъ.

Оставалось незанятымъ одно Даховское общество, и въ апрѣлѣ 1862 года Верхне-Абадзехскій отрядъ занялъ съ бою долину р. Дахо и, открывъ свои дѣйствія, получилъ названіе Даховскаго отряда. Проникнувъ до р. Бѣлой, онъ занялся устройствомъ Даховской станицы и проложеніемъ дорогъ. По временамъ эта мирная работа нарушалась покушеніями непріятельскихъ партій. Одинъ изъ такихъ случаевъ особенно памятенъ въ боевой жизни Кабардинскаго полка. Вотъ подробности этаго дѣла и выдающагося подвига Кабардинскихъ охотниковъ.

6-го іюня одинъ баталіонъ Севастопольскаго полка былъ наряженъ для сопровожденія воловьяго транспорта, отправлявшагося въ станицу Царскую; для охраненія лагеря оставался одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка съ своей охотничьей командой въ

числѣ 70-ти человекѣкъ подѣ начальствомѣ капитана Щелкачева. Транспортѣ выступилѣ по назначенію. Черезѣ нѣкоторое время въ томѣ направленіи послышался залпѣ изѣ ружей, а затѣмѣ гикѣ сотенѣ голосовѣ. Очевидно, что завязалось жаркое дѣло.

Кѣ капитану Щелкачеву прибѣжалѣ фельдфебель Баженюкѣ и доложилѣ, что, молѣ, приказано охотникамѣ съ двумя ротами Сводно-стрѣлковаго линейнаго № 3 баталіона, подѣ командою маіора Клюки-фонѣ-Клугенау, идти на помощь. Команда бѣгомѣ пустилась на выстрѣлы и обошла горцевѣ, которые въ числѣ шестисотѣ человекѣкъ усиленно обстрѣливали транспортѣ. Щелкачевѣ, занявѣ сѣверную часть аула, расположилѣ цѣпь впереди. Лишь только цѣпь стала на свои мѣста, какѣ, откуда не возмись, появились наши казаки. Желая знать, кто прислалѣ эту неожиданную помощь, капитанѣ Щелкачевѣ послалѣ кѣ нимѣ унтерѣ-офицера Зайцева, который, возвращаясь, доложилѣ, что казаковѣ двѣ сотни и начальника изѣ офицеровѣ среди нихѣ нѣтъ.

Вѣ это время отѣ р. Бѣлой показались до 1700 человекѣкъ горцевѣ, спѣшившихѣ соединиться съ первою партіей въ лѣсной балкѣ. Какѣ казаки, такѣ и Кабардинская охотничья команда очутились въ крайне опасномѣ положеніи. Хотя въ это время кѣ охотникамѣ присоединились еще 90 человекѣкъ Кабардинскаго же полка, подѣ командою поручика Ничо, но это подкрѣпленіе было слабое. Щелкачевѣ приказалѣ поручику Ничо слѣдовать съ приведенными имѣ Кабардинцами на помощь кѣ казакамѣ

и ожидать присоединенія охотниковъ, чтобы общими усиліями обороняться отъ противника, или же, въ крайнемъ случаѣ, вмѣстѣ отступить. Не успѣли Кабардинцы пробѣжать нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ въ той балкѣ, гдѣ стояли казаки, загорѣлась жаркая перестрѣлка. Щелкачевъ съ охотниками поспѣшилъ къ балкѣ. Горцы тамъ уже окружили казаковъ со всѣхъ сторонъ, но охотники бросились въ шашки и дали возможность казакамъ въ порядкѣ отступить. Щелкачевъ съ командой также началъ отходить, переводя цѣпь отъ сакли въ саклю и другія закрытія. Принявъ это отступленіе за упадокъ мужества, горцы въ числѣ пятисотъ человекъ съ гикомъ ринулись въ шашки. Къ счастью Кабардинцевъ, они въ это время находились у одного изъ дворовъ, обнесеннаго честсколомъ, и это препятствіе немного задержало горцевъ и ослабило ударъ. Пользуясь этимъ, Кабардинцы, отстрѣливаясь и отбиваясь, въ разсыпную пробрались черезъ аулъ. Щелкачевъ отступалъ въ числѣ послѣднихъ, имѣя возлѣ себя нѣсколько человекъ и въ томъ числѣ рядового Давидова. У одного изъ домиковъ Давидовъ остановился и сталъ заряжать ружье. Откуда не возьмись, подбѣжалъ горецъ и, что то такое пробормотавъ, усѣлся почти рядомъ съ нимъ и началъ заряжать винтовку. Вдругъ онъ увидѣлъ у Давидова двустволку и совершенно растерялся. Давидовъ же, окончивъ прехладнокровно свое дѣло, приставилъ дуло ружья къ груди горца и выстрѣлилъ; послѣ этого онъ снялъ съ убитаго вин-

товку, кинжалъ и папаху, подошелъ къ капитану Щелкачеву и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Позвольте выстрѣлить изъ татарскаго ружья вонъ въ того гололобаго, что за плетнемъ.

— Стрѣляй въ любого, былъ ему отвѣтъ. Раздался выстрѣлъ и гололобаго, на котораго указалъ Давидовъ, какъ не бывало на свѣтѣ.

— Вотъ тебѣ гостинецъ изъ твоего же добра,— сказалъ Давидовъ.

Съ каждой минутой число охотниковъ уменьшалось. При дальнѣйшемъ движеніи самъ Щелкачевъ служилъ попрежнему примѣромъ самоотверженія; его охотники съ такою же храбростью на каждомъ шагу отбивались отъ преслѣдовавшихъ горцевъ. Только благодаря тому, что горцы эти направились къ парти, которая хотѣла отбить транспортъ, Щелкачеву удалось привести свою команду къ колоннѣ маіора Клугенау.

Если бы въ знаменитой схваткѣ Кабардинскихъ охотниковъ люди были бы менѣе отважные и опытные въ боевомъ дѣлѣ, то ни одинъ изъ нихъ не вышелъ бы, конечно, живымъ изъ этой бойни.

Въ концѣ 1862 года Кавказъ получилъ новаго Главнокомандующаго и Намѣстника, Великаго князя Михаила Николаевича. Ему предстояло упрочить только что сдѣланныя завоеванія и довершить покореніе Западной части Кавказа. Прибывъ въ началѣ 1863 года на Кавказъ, Его Высочествомъ въ Ставрополѣ

быль отданъ слѣдующій приказъ по Кавказской арміи
отъ 14-го февраля:

„Храбрыя войска Кавказской арміи! Привѣтствую

Генераль-фельдмаршалъ Великій князь Михаилъ Нико-
лаевичъ — Намѣстникъ Кавказскій и Главнокомандующій
съ 1862 по 1881 годъ.

вась поклономъ отъ Государя Императора и Цар-
скимъ спасибо за вашу молодецкую и многотрудаую
службу. Привѣтствую вась отъ имени бывшего вождя

вашего, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, который душевно скорбитъ, что тяжкая болѣзнь вынудила его разстаться съ вами и черезъ меня искренно благодарить васъ, своихъ сподвижниковъ, за примѣрное служеніе Царю и Отечеству. Почитаю себя счастливымъ, что поставленъ во главѣ Кавказской арміи, и горжусь этимъ мѣстомъ, прославленнымъ моими знаменитыми предшественниками.

Призываю Бога на помощь; да благословитъ онъ оружіе наше, да увѣнчаетъ скорымъ успѣхомъ усилія наши къ водворенію мира и спокойствія въ остающейся еще непокоренною части Кавказа“.

Изъ Ставрополя Великій князь совершилъ поѣздку по Кубанской области и посѣтилъ войска на боевой линіи.

28-го февраля Великій князь съ отрядомъ двинулся изъ позиціи на р. Усенубать къ р. Псекупсу. Въ головѣ отряда шли 1-й и 2-й эскадроны Сѣверскаго драгунскаго полка. Уже прошли половину перехода и отрядъ приблизился къ глубокой балкѣ, заросшей дубовымъ лѣсомъ. Авангардъ перешелъ эту балку безпрепятственно, но по правой цѣпи главныхъ силъ неожиданно раздался залпъ, и партія абадзеховъ кинулась на нее въ шашки. Цѣпь подалась, резервы открыли огонь и недопустили непріятеля до рукопашной схватки. Тогда горцы обратились на арьергардъ—три раза они бросались въ атаку и вновь были отбиваемы. Сѣверскіе драгуны съ дивизионеромъ своимъ полковникомъ Петровымъ маршъ-маршемъ понеслись въ тылъ непріятельской засады; вслѣдъ за

ними были посланы: сотня 10-го Кубанскаго коннаго казачьяго полка и Учебный дивизионъ казачьяго войска, а съ другой стороны—стрѣлковыя роты Мингрельскаго и охотничьи команды Эриванскаго, Грузинскаго и Крымскаго полковъ.

При движеніи Сѣверцевъ они въ сторонѣ услышали ружейный залпъ. Драгуны поскакали по тому направленію и очутились въ котловинѣ, гдѣ находилась партія горцевъ; большая часть ихъ была спѣшена, лошади же сбатованы. Сѣверцы бросались въ атаку въ шашки. Оживленная перестрѣлка поднялась и тамъ, гдѣ дѣйствовала пѣхота.

Великій князь все время находился на возвышенномъ пунктѣ и въ бинокль слѣдилъ за ходомъ этого дѣла. Оказалось, что самый залпъ, по которому Сѣверцы узнали гдѣ находится засада, былъ произведенъ по случайно отъѣхавшему въ стороны поручику Теръ-Асатурову съ трубачемъ. Теръ-Асатуровъ замѣтилъ двухъ бѣгущихъ горцевъ, погнался за ними и одного изрубилъ, а другой исчезъ въ густой кустарникъ; желая настичь его, Теръ-Асатуровъ неожиданно очутился въ обширной котловинѣ наполненной горцами, которые и открыли по немъ залпъ. Онъ былъ раненъ четырьмя пулями; горцы подбѣжали къ нему и начали стаскивать съ лошади, но въ это время наскочили Сѣверцы и горцы, оставивъ свою жертву, скрылись въ лѣсъ.

Послѣ этой стычки Великій князь подѣхалъ къ Сѣверцамъ, благодарилъ дивизионъ за молодецкое дѣло и особенно благодарилъ Теръ-Асатурова.

Вторую половину перехода отрядъ прошелъ безпрепятственно и прибылъ на р. Псекупсъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ отрядъ полковника Офрейна, явившагося сюда со стороны р. Пшехи.

Во время дальнѣйшаго объѣзда Великаго князя, при движеніи 1-го марта отъ рѣки Псекупса къ Пшишу, конныя партіи горцевъ виднѣлись кругомъ: то мелькали онѣ между кустарниками, то гарцовали на открытыхъ равнинахъ. Начальникъ Бжедуховскаго округа, полковникъ Крымъ-Гирей-Гусаровъ съ своей милиціей понесся карьеромъ на неприятеля; онъ не замѣтилъ впереди себя небольшого ровика, въ которомъ нѣсколько горцевъ выжидали приближенія увлекшагося начальника, скакавшаго съ восьмью всадниками далеко впереди своей команды. Раздался залпъ, сразившій какъ Крымъ-Гирей-Гусарова, такъ и пручика милиціи Кимчерева съ тремя милиціонерами.

Двѣ сотни Кубанскихъ казаковъ, дивизионъ Тверцовъ, съ двумя орудіями конно-казачьей № 13 батареи и тремя ракетными станками, а также Абдурахманъ съ Кабардинской милиціей полетѣли на выручку. Не выждавъ атаки, горцы скрылись въ лѣсу: Тверцы и казаки продолжали наступленіе и, дойдя до обширной поляны, они неожиданно опять встрѣтились съ конною партіей. Казаки немедленно спѣшились, потому что густой кустарникъ мѣшалъ дѣйствіямъ въ конномъ строю; ракетные станки и конныя орудія открыли огонь. Въ это время подошли три роты 19-го стрѣлковаго баталіона (2-й Кавказскій стрѣлковый полкъ) и Ширванскій стрѣлковый бата-

ліонь. Лѣсъ былъ густой, но такія отчаянныя головы, какъ горцы, рѣшились проскакать по опушкѣ, мимо огня нашей пѣхоты, и одинъ за другимъ начали проноситься во весь духъ шагахъ въ пятистахъ передъ нашей цѣпью. Артельныя собаки не могли вынести такой дерзости горцевъ: подзадориваемыя быстро несущимися всадниками, онѣ начали кидаться на лошадей хватая ихъ за хвосты. Солдаты съ большимъ любопытствомъ наблюдали эту картину и балагурили. Въ цѣпи слышался смѣхъ и ускоренная пальба по наѣздникамъ, которымъ собаки не давали полного хода. Горцы въ этотъ день уже не оказывали сопротивленія движенію отряда.

Стычка съ горцами на слѣдующій день памятна въ исторіи 19-го стрѣлковаго баталіона. Между нашими разѣздами и горскими наѣздниками завязалась перестрѣлка. Взводъ Кубанской казачьей № 13 батареи открылъ картечный огонь; но горцы не смутились. Подошли два стрѣлковыхъ баталіона: Гренадерскій и Самурскій; этотъ послѣдній былъ посланъ занять лѣсъ и заваль. Самурцы заняли часть лѣса. Въ это время приближался 19-й стрѣлковый баталіонъ, командиръ котораго полковникъ Экельнъ послалъ 1-ю роту для овладѣнія заваломъ. Разсыпавъ роту, ротный командиръ указалъ нижнимъ чинамъ только мѣсто, куда слѣдовало имъ сбѣгаться. Дружно и увѣренно тронулись молодцы-стрѣлки; несмотря на сыпавшіяся на нихъ пули, они бросились на заваль. Подскакалъ взводный офицеръ на лошади; двѣ пули свалили лошадь, нругія двѣ пули пробороzдили сюртукъ сѣдока. Стрѣл-

ки навалили и дружно ползли. Завязалась короткая штыковая схватка, и заваль остался за стрѣлками.

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился стрѣлокъ 1-й роты Алексѣевъ. Онъ былъ родомъ бѣлоруссъ, солдатъ бѣдный; закалившись въ своихъ родныхъ лѣсахъ, Алексѣевъ одаренъ былъ желѣзнымъ здоровьемъ и во время дѣйствій баталіона въ лѣсахъ онъ чувствовалъ себя какъ у себя дома: при наступленіи всегда былъ впереди, при отступленіи всегда изъ послѣднихъ показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примѣрная служба всѣмъ въ баталіонѣ была извѣстна, и вотъ когда прислали командиру одинъ георгіевскій крестъ за недавнее дѣло, то командиръ наградилъ имъ Алексѣева.

По кавказскому обычаю раздачу крестовъ поручали выбору самой роты; обыкновенно выборъ этотъ падалъ на отличившагося солдата изъ старослужащихъ, которые обязаны были послѣ оказанной имъ чести устроить ротѣ магарычъ—угостить водкой. Такъ какъ Алексѣевъ былъ очень бѣдный, то рота не была довольна назначеніемъ ему креста и встрѣтила новаго кавалера не дружелюбно. Алексѣевъ терпѣлъ и ждалъ только случая показать несправедливость товарищей.

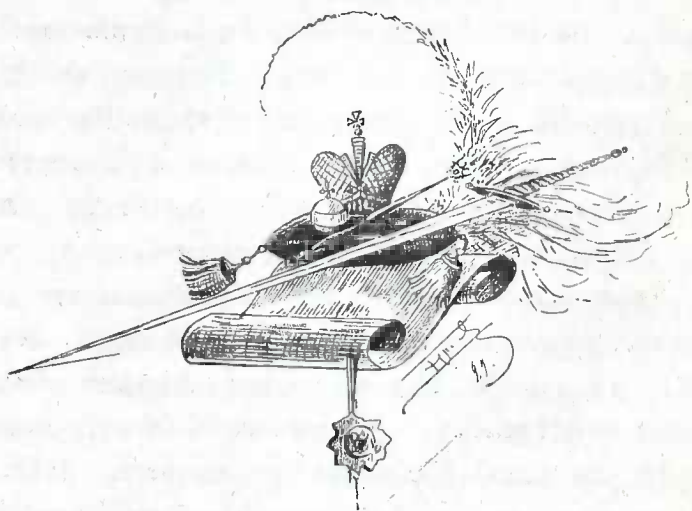
Вотъ этотъ случай представился во время движенія 1-й роты на заваль. Какъ только цѣпь тронулась, онъ, несмотря на предупрежденіе товарищей, все шелъ впереди; первый же онъ бросился на заваль; трое горцевъ въ это время перетаскивали раненаго товарища за заваль. Къ счастью, ружья у

двухъ изъ нихъ были разряжены; третій далъ по смѣльчаку выстрѣль въ упоръ, но пробилъ ему только шинель и ранецъ. Алексѣевъ смѣло бросился на троихъ: одного застрѣлилъ, другого закололъ, а третій поторопился самъ убраться. Подбѣжавшая рота застала Алексѣева у своихъ трофеевъ, а затѣмъ онъ первый же полѣзъ на заваль. Когда Алексѣева спросили почему онъ не попользовался оружіемъ съ убитыхъ имъ горцевъ, онъ отвѣтилъ: „ваше дѣло рвать, а мнѣ стыдно — я кавалеръ“. Послѣ этого геройскаго подвига Алексѣевъ пользовался общимъ уваженіемъ баталіона.

Обозрѣніе мѣста военныхъ дѣйствій произвело на Великаго князя благопріятное впечатлѣніе. По этому поводу въ приказѣ по Кавказской арміи отъ 11 марта было сказано:

„Употребивъ три недѣли на объѣздъ Кубанской области, я въ теченіе этого времени имѣлъ случай видѣть почти всѣ войска въ ней дѣйствующія, большую часть новыхъ поселеній и работъ, произведенныхъ въ прошломъ году. Войска найдены мною въ превосходномъ состояніи: ихъ бодрый видъ, неутомимость въ походѣ, ихъ мужество, котораго я былъ личнымъ свидѣтелемъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Военные госпитали и лазареты найдены мною въ полномъ порядкѣ; медики обратили особенное вниманіе мое своею попечительностью о больныхъ и самоотверженіемъ, съ которымъ подавали помощь раненымъ во время боя. Новыя станицы большею частью хорошо обстроены; дороги между ними про-

ложены весьма хорошо. Все это налагаетъ на меня пріятный долгъ объявить искреннюю признательность командующему войсками Кубанской области генералъ-адъютанту графу Евдокимову и благодарить ближайшихъ помощниковъ его, и особенно начальниковъ отрядовъ, и всѣ войска этой области, за ихъ неутомимые труды, которыми достигнуты въ теченіе года результаты едва вѣроятныя“.

Пшехскій отрядъ. 19-й и Гренадерскій стрѣлковые баталіоны. Выдающійся подвигъ Кубанскихъ казаковъ № 26 коннаго полка съ сотникомъ Дугинимъ противъ горцевъ Тубинскаго общества. Князь Амилахвари съ Нижегородцами.

Послѣ отъѣзда Великаго князя войска еще съ большимъ рвеніемъ занялись устройствомъ станицъ проложеніемъ просѣкъ. Въ апрѣля 1863 года войска Пшехскаго отряда успѣли выстроить станицы: Пшехскую, Кубанскую, Бжедуховскую, Бабукаевскую и Апшеронскую, и все это обширное пространство окружить постами и очистить отъ горскаго населенія.

Въ серединѣ апрѣля графъ Евдокимовъ приказалъ Пшехскому отряду начать постройку дороги вверхъ по Пшехѣ на Аминовскій аулъ, а оттуда открыть сообщеніе съ Даховскимъ отрядомъ, который находился вблизи Самурской станицы.

Пшехскій отрядъ*) 27-го апрѣля въ шесть часовъ утра выступилъ изъ станицы Апшеронской. При движеніи Тверцы, Кубанскіе казаки, Ширванцы и стрѣлки 19-го баталіона направлены были для разоренія ауловъ, которые виднѣлись среди лѣсовъ. Тревога, поднятая нашими войсками, заставила озлобленныхъ

*) Кавказскій гренадерскій, 19-й и Ширванскій стрѣлковые баталіоны, 3-й и 4-й баталіоны Кубанскаго полка, Некрасовская и Петропавловская казачьи сотни, артиллерійскіе взводы конно-казачьей № 13, горной и облеженной № 4 батареи.

горцевъ сбѣжаться въ огромномъ количествѣ, и когда отрядъ приблизился на ружейный выстрѣлъ къ гористому берегу Дынь-Шекодзь, то изъ-за кургановъ раздался залпъ. Полковникъ Экельнъ крикнулъ „ура“, и его 19-й стрѣлковый баталіонъ, составлявшій съ Ширванцами авангардъ, побѣжали по крутому скату и начали карабкаться на высоту. Ширванцы, находившіеся въ правой цѣпи, ударили съ фланга на непріятеля, когда онъ занимался перестрѣлкою съ появившимися передъ нимъ стрѣлками. Обезкураженные горцы подались назадъ и начали стрѣлять по аръберггарду и обозу. Какъ только загорѣлось дѣло, взводъ облегченной № 4 батареи принялъ самое живое участіе; но горцевъ не смущали ни гранаты, ни картечь, и взводъ порядочно поплатился за свою молодецкую службу. Наконецъ двѣ роты сомкнулись и, дружно бросившись на противника, сбили его съ бугровъ.

Едва кончилось дѣло въ аръберггардѣ, какъ новое завязалось въ правой цѣпи. Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, шедшій впереди, замѣтилъ, какъ на 3-ю роту Кубанскаго полка: напала партія горцевъ. Ротѣ приходилось отбиваться съ двухъ сторонъ. Кубанцы съ большимъ мужествомъ сопротивлялись на кидавшихся на нихъ горцевъ. Солдаты Гренадерскаго баталіона съ поручикомъ графомъ Менгденомъ бросились на выручку. Графъ былъ убитъ выстрѣломъ въ упоръ съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ. Кубанская рота къ этому времени заставила горцевъ отступить. Кромѣ убитаго графа Менгдена и 29 сол-

дать Кубанской роты, въ отрядѣ ранены 6-й бригады Кубанскаго казачьяго войска есауль Лагода и Кубанскаго поручикъ Коробка и во всемъ отрядѣ 86 нижнихъ чиновъ.

28-го апрѣля отрядъ выступилъ къ Самурской станицѣ, но былъ остановленъ глубокимъ, лѣсистымъ оврагомъ. Начальникъ отряда не рѣшилъ продолжить движеніе. Однако, чтобы въ точности исполнить предписаніе, завѣдывавшій штабомъ отряда генеральнаго штаба подполковникъ Скобельцынъ взялъ, съ согласія начальника отряда, Тверцовъ и казаковъ и перебрался съ ними черезъ глубокій оврагъ, а затѣмъ вышелъ на открытое мѣсто, гдѣ должна была возведена Самурская станица. Разузнавъ все, что нужно было, Скобельцынъ послалъ къ начальнику казаковъ съ извѣстіемъ, что броды черезъ рѣку Пшеху очень глубоки, что на мѣстѣ Самурской станицы стоитъ пока небольшой редутъ и что Даховскій отрядъ находится въ 12-ти верстахъ, у Маратуковскаго поста и занимается рубкой лѣса. Получивъ эти свѣдѣнія, генераль Преображенскій повелъ войска въ обратный путь, а подполковнику Скобельцыну послалъ приказаніе вернуться къ отряду.

Послѣ этой рекогносцировки Пшехскій отрядъ продолжалъ прежнія занятія по устройству станицъ.

Между тѣмъ и Адагумскій отрядъ, подѣ начальствомъ генерала Бабыча, выдѣливъ отъ себя Джубскій отрядъ, продолжалъ начатыя предпріятія на южномъ склонѣ съ цѣлью прочнаго занятія и утвержденія на Пшадѣ.

Вся дѣятельность Адагумскаго отряда тѣснѣйшимъ образомъ связана съ именемъ Бабыча, руководившаго имъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, отъ сформированія до окончательнаго роспуска въ 1864 году. Воспитавшійся въ боевыхъ дѣлахъ, Бабычъ представлялъ благопріятное сочетаніе талантливаго военачальника и гуманнаго человѣка. Требуя работы отъ солдатъ, онъ въ то же время заботился о нихъ, и подъ его начальствомъ войска были покойны. Собственноручно имъ писанные приказы отличаются обстоятельностью и обдуманностью; въ нихъ всюду проглядываетъ забота о солдатѣ, которые называли его „отцомъ-командиромъ“ или просто „батькой“, и готовы были итти съ нимъ въ огонь и въ воду.

Такимъ образомъ, къ концу 1863 года вся Кубанская область покорилась русскому владычеству, и войска были уже вполне готовыми къ перенесенію военныхъ дѣйствій на южный склонъ Главнаго Кавказскаго хребта.

Получивъ донесенія о достигнутыхъ успѣхахъ, Великій князь 2-го декабря писалъ графу Евдокимову.

„Донесенія ваши объ изъявленіи абадзехами покорности, о занятіи Пшады и Джубы, о пораженіи въ верховьяхъ Туапсе убыхскихъ скопищъ, до глубины души меня порадовали. Все это — плоды вашихъ соображеній, вашей дѣятельности и твердости, плоды неутомимыхъ, могу сказать, непримѣрныхъ трудовъ храбрыхъ войскъ, дѣйствующихъ подъ на-

чальствомъ вашимъ. Сѣверный склонъ Кавказа покорень ими. Близко вѣрвѣя, когда и юго-западный скатъ будетъ очищенъ отъ дикаго, враждебнаго намъ народа, и недоступный доселѣ восточный берегъ Чернаго моря, принявъ русское населеніе, станетъ на самомъ дѣлѣ берегомъ русскимъ. Надѣюсь, что минута эта скоро наступитъ, и мы повергнемъ къ стопамъ Государя Императора весь Западный Кавказъ, умиротворенный и покорный“.

Въ началѣ 1864 года представилась возможность изъ Кубанской области вывести часть войскъ.

По приказанію Великаго князя Сводно-стрѣлковые баталіоны Эриванскаго, Грузинскаго, Тифлисскаго и Мингрельскаго гренадерскихъ полковъ и стрѣлковый Гренадерскій баталіонъ этой дивизіи должны были возвратиться въ свои штабъ-квартиры въ Закавказскій край. Разставаясь съ ними, графъ Евдокимовъ въ приказѣ отъ 20-го января 1864 года такъ отзывался о ихъ боевой дѣятельности:

„Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ моего командованія войсками Кубанской области я видѣлъ всегда впереди храбрыхъ стрѣлковъ Гренадерской дивизіи, которые собою подавали примѣръ мужества и неутомимости и стяжали себѣ отъ всѣхъ завидную, боевую репутацію.

Эти доблестныя войска прошли во всѣхъ направленіяхъ предгорія Западнаго Кавказскаго хребта, очистили отъ туземцевъ почти всю сѣверную и значительную часть южной покатости, исходили всѣ горныя ущелья и заглянули въ такія трущобы, куда

горцы, можно сказать, сами попали въ первый разъ, спасаясь отъ нашего оружія. Но, отдавая гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ должную справедливость въ боевомъ отношеніи, я считаю обязанностью особо высказать еще лучшее ихъ качество: они во все время нахождения своего въ Кубанской области также безкорыстно и беззавѣтно несли, наравнѣ съ прочими войсками, черный трудъ Кавказской войны, т. е. исполненіе всѣхъ отрядныхъ работъ, которыя только прочно и утверждаютъ за нами занятый край. Ихъ труды много способствовали окончательному покоренію Западнаго Кавказа, гдѣ теперь уже почти нѣтъ непріятеля.

Весьма понятно, что послѣ такой дѣятельной и доблестной службы стрѣлковыхъ баталіоновъ Гренадерской дивизіи я съ особою грустью прощаюсь съ этими боевыми моими товарищами; чувства душевной признательности налагаютъ на меня долгъ передать командирамъ, полковникамъ князю Голицыну, Авинову, Гамалею, Сколозубову и Комарову, а также командовавшимъ Кавказскимъ Гренадерскимъ баталіономъ полковнику Вибергу и лейбъ-Эриванскаго подполковнику Трейтеру и всѣмъ г.г. штабъ и оберъ-офицерамъ этихъ баталіоновъ мою искреннюю благодарность, нижнимъ же чинамъ прошу объявить мое душевное „спасибо“.

15-го февраля 1864 года изъ станицы Самурской выступили охотники № 26 коннаго полка Кубанскаго

казачьяго войска въ числѣ 92-хъ пѣшихъ и 30-ти конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ сотника Дугина. Конными казаками завѣдывалъ хорунжій Садлуцкій. Дугину было приказано осмотрѣть мѣстность въ вершинахъ Курджипса и правыхъ притоковъ Пшехи и узнать о путяхъ ведущихъ изъ Тубинскаго общества на Шахе и къ хакучинцамъ. Охотники, перейдя на другой день черезъ хребетъ, вышли въ Тубинское общество. Скалистая мѣстность, недоступная для дѣйствій конницы, заставила сотника Другина отправить конныхъ казаковъ обратно въ станицу Самурскую; съ оставшимся же при немъ пѣшими казаками онъ достигъ береговъ Пшехи и расположился на ночлегъ въ одномъ изъ разоренныхъ Даховскимъ отрядомъ ауловъ.

17-го февраля Дугинъ, раздѣливъ своихъ казаковъ на три партіи, приказалъ спускаться въ долину по разнымъ направлѣніямъ, захватывать и уничтожать что попадется подъ руку и послѣ того отступать на условленный сборный пунктъ. Горцы по всему Тубинскому обществу забили тревогу и казаки, вынужденные отказаться отъ своего намѣренія, начали стягиваться къ сборному пункту. Отступление было чрезвычайно затруднительно, такъ какъ наши партизанскія партіи, отдѣленные другъ отъ друга пересѣченною мѣстностью, не могли оказывать взаимнаго содѣйствія.

Въ первыхъ же схваткахъ съ тубинцами были убиты сотникъ Дугинъ и хорунжій Садлуцкій. Не-

смотря на потерю начальниковъ, казаки, отражая съ геройскою стойкостью атаки превосходнаго въ силахъ непріятеля, успѣли къ концу дня соединиться и, выбравъ изъ среды своей за старшаго казака Евтушенко, рѣшились защищаться до послѣдней крайности на занятой ими крѣпкой позиціи. Цѣлую ночь и весь слѣдующій день продержались они на этомъ мѣстѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами тубинцевъ и отражая ихъ отчаянныя нападенія. Положеніе казаковъ съ каждымъ часомъ дѣлалось болѣе и болѣе затруднительнымъ; число раненыхъ возрастало, а помощи ожидать было невозможно.

Къ вечеру слѣдующаго дня въ одной изъ ближайшихъ скалъ была замѣчена казаками пещера, и они успѣли воспользоваться этимъ счастливымъ открытіемъ. Пользуясь темнотою ночи, они перенесли въ пещеру своихъ раненыхъ и, заваливъ входъ камнями, держались въ этомъ убожищѣ безъ пищи и питья въ продолженіе четырехъ дней, отражая безпрестанно атаки и отвергая неоднократно предложенія о сдачѣ.

Между тѣмъ, Евтушенко посылалъ на линію одного за другимъ казака извѣстить о безвыходномъ положеніи; нѣсколько изъ нихъ сдѣлались жертвами своей отваги, одинъ же изъ нихъ, казакъ Чесноковъ, счастливо проползъ между непріятельскими пикетами и далъ знать командиру № 26 полка маіору Пистелькорсу въ ст. Самурской. На выручку подъ общей командой маіора Пистелькорса первыми двинулись двѣ роты Елисаветпольскаго полка, 2-й эскадронъ

Нижегородцевъ майора Умарова и сотня казаковъ, которые, достигнувъ входа въ узкое ущелье, вынуждены были остановиться, такъ какъ ущелье было занято горцами, и пробиться черезъ него безъ громадной потери было невозможно.

Въ этотъ самый день начальникъ Верхне-пшехской линіи подполковникъ князь Амилахвари вернулся изъ Майкопа и, узнавъ о тревогѣ, тотчасъ отправилъ на помощь Пистелькорсу 1-й эскадронъ Нижегородцевъ, а слѣдомъ за нимъ выступилъ и самъ изъ Самурской станицы со 2-мъ дивизиономъ Нижегородцевъ, ротой Елисаветпольскаго полка и двумя казачьими сотнями. Амилахвари шелъ безъ приваловъ и соединился съ Пистелькорсомъ.

Оставивъ пѣхоту въ засѣкахъ, Амилахвари съ драгунами и казаками вступилъ въ общество Тубу. Розыскивая мѣсто, гдѣ укрывались казаки, наѣздники замѣтили двухъ пробиравшихся людей въ туземной одеждѣ и, кинувшись въ погоню, они узнали въ нихъ посланныхъ Евтушенко казаковъ. „Идите скорѣе, — говорили они явившись къ князю Амилахвари, — Евтушенко велѣлъ сказать, что у казаковъ пятый день какъ нѣтъ хлѣба — ѣдятъ снѣгъ; патроны также наисходѣ: вчера ихъ оставалось по десяти на брата“. Казаки сообщили, что горцы предлагали имъ сдаться, но Евтушенко отвѣчалъ: „Когда перебыютъ всѣхъ, пусть берутъ наши тѣла, а живыми никто изъ пещеры не выйдетъ“.

Забывъ усталость и воодушевленные братскими чувствами оказать помощь героямъ, драгуны и каза-

ки направились на розыски. Князь Амилахвари, собравъ трубачей, приказалъ имъ играть сборъ“ и затѣмъ далъ залпъ. Прошло нѣсколько минутъ, и вдругъ гдѣ-то вдали прогремѣли три отвѣтныхъ выстрѣла. Князь Амилахвари тотчасъ отправилъ туда 200 пѣшихъ драгунъ и казаковъ подъ командою маіора Умарова. Горцы приготовились къ сопротивленію. Охотники, подъ командою штабсъ-капитана Нижегородскаго полка князя Чавчавадзе, первые атаковали непріятеля и, сбросивъ ихъ съ горъ, подошли къ пещерѣ.

Защитники пещеры, однако, слишкомъ недовѣрчиво отнеслись на призывъ открыть входъ; Евтушенко первый выразилъ сомнѣніе въ томъ—нѣтъ ли тутъ какой нибудь хитрости со стороны тубинцевъ. „Чего добраго“, отвѣчали казаки, и въ отвѣтъ на русскую рѣчь курки винтовокъ защелкали. „Живы ли вы?“ раздался незнакомый имъ голосъ. Слава Богу, живы, хотя есть убитые и раненые“. — „Не вѣримъ, что вы наши—сыграй въ трубу“, отвѣчалъ несговорчивый Евтушенко, вспомнивъ вдругъ, что при гибели казаковъ была отбита у нихъ и труба;—„Скажите сначала кто у васъ начальникъ?“—„Амилахвари“, отвѣчали ему. „Знаемъ, а кого вы знаете изъ нашихъ?“—„Ты Евтушенко, и теперъ за старшаго“. Но Евтушенко придумывалъ уже новый вопросъ и неизвѣстно до какихъ поръ продолжался бы этотъ экзамень, если бы наконецъ не появился посланный изъ пещеры казакъ. „Я, братцы, Кубановъ, котораго

вы послали; я привелъ вамъ выручку“. Казаки признали голосъ и кинулись разламывать каменную стѣну, которою загородили пещеру.

Къ утру спасенные казаки были уже въ отрядѣ привѣтствовавшего ихъ громкими криками „ура“.

Изъ 92-хъ охотниковъ, бывшихъ подъ командою сотника Дугина, кромѣ офицеровъ, убито 23 и ранено 16 казаковъ. Въ видахъ поощренія такого героическаго подвига казаковъ, которые въ продолженіе четырехъ дней ничего не ѣли, не пили, не спали, а только бились съ несоразмѣрно превосходившими ихъ числомъ толпами горцевъ, графъ Едокимовъ отправилъ командиру № 26 коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска пять знаковъ отличія Военнаго ордена 4-й степени для возложенія на достойнѣйшихъ по выбору самихъ казаковъ и одинъ знакъ Военнаго ордена 3-й степени для казака Евтушенко, который кромѣ того былъ произведенъ въ урядники.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ генераль Граббе получилъ приказаніе съ Пшехскимъ отрядомъ занять общество Тубу и вытѣснить и истребить все населеніе тубинскихъ трущобъ. Но сами тубинцы считали свое дѣло окончательно проиграннымъ и выселились почти поголовно въ Турцію.

Въ тотъ самый періодъ времени, когда горсть казаковъ № 26 коннаго полка съ такимъ самоотверженіемъ поддерживали славу своей части, наступилъ моментъ, когда всей Кавказской арміи было предуказано совершить подвигъ — довершить покореніе Кавказа.

Военныя дѣйствія Даховскаго отряда въ 1864 году. Пріѣздъ Великаго князя и пріемъ старшинъ черкесскихъ племенъ. Движеніе четырехъ колоннъ для окончательнаго покоренія горцевъ.

Въ январѣ 1864 г. Евдокимовъ представилъ выработанный имъ планъ военныхъ дѣйствій съ предположеніемъ какъ можно раньше совершить походъ на южный склонъ Кавказскаго хребта. Великій князь вполне одобрилъ этотъ планъ и Даховскій отрядъ*) генерала Геймана 8-го февраля выступилъ изъ станицы Ширванской къ Шишскому перевалу. 19-го февраля въ укрѣпленіе Гойтхъ, гдѣ въ то время остановился Даховскій отрядъ, прибылъ графъ Евдокимовъ и съ нимъ Кабардинскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка, три сотни 6-й бригады Кубанскаго казачьяго войска, двѣ сотни Кабардинской милиціи. Вмѣстѣ съ 5-мъ баталіономъ

*) Отрядъ былъ въ составѣ 11½ баталіоновъ и 6-ти горныхъ орудій. Квартирмейстеръ отряда—генеральнаго штаба капитанъ Духовскій; дежурный штабъ-офицеръ—капитанъ Тимофеевъ. 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Севастопольскаго полка—командиры подполковникъ Дове, майоръ Калининъ и подполковникъ Лутохинъ; 1-й баталіонъ Кубанскаго полка майора Эльснера; 21-й стрѣлковый баталіонъ командующій капитанъ Пригара; сводно-линейный стрѣлковый № 3 баталіонъ командиръ подполковникъ Клюки-фонъ-Клугенау; 1-й и 2-й баталіоны Черноморскаго полка командиры майоры Кременецкій и Поповъ-Азотовъ; 1-й и 2-й баталіоны Таманскаго полка командующій штабъ-капитанъ Аристовъ и майоръ Подръзъ; обоими баталіонами командовалъ командиръ полка полковникъ Габаевъ; 1-й баталіонъ Бакинскаго полка командующій капитанъ Меркульевъ; 6 орудій горной батареи 19-й артиллерійской бригады—командиръ полковникъ Казиковъ и 3-я рота Кавказскаго сапернаго № 2 баталіона—командиръ штабъ-капитанъ Бирюковъ.

Кубанскаго полка Даховскій отрядъ увеличился до 13½ баталіоновъ, шести орудій, двухъ эскадроновъ и 5 сотень.

20 февраля Даховскій отрядъ двинулся къ перевалу. Чѣмъ выше поднимались войска, тѣмъ больше встрѣчалось препятствій. Пошелъ густой, мокрый снѣгъ залѣплявшій глаза. Спуски въ нѣкоторыя балки были такъ круты, что по тропамъ надо было вырѣзывать въ снѣгу ступеньки; но многіе солдатики предпочитали сѣсть на снѣгъ и просто скатываться внизъ. Послѣ неимоверно тяжелаго перехода черезъ Гойтхы отрядъ къ вечеру спустился въ долину Туапсе. Въ лагерь явились старшины окрестныхъ шапсуговъ съ изъявленіемъ полной покорности; они просили дозволенія безпрепятственно прибыть къ берегу и выѣхать въ Турцію. 21 числа посылалось нѣсколько колоннъ для фуржировки и сожженія ауловъ; черезъ два дня назначено было выступленіе къ морю.

„Завтрашній день дойдемъ до моря“, было только и разговоровъ въ отрядѣ весь вечеръ 22-го числа. „И что это такое за море?“ спрашивали солдаты своихъ товарищей. „Слыхать то слыхаль, а видѣть никогда не видѣль“, отвѣчали большею частью. „И какъ это воды столько, что конца ей не видно?“ возражали другіе. Да и какъ было не интересоваться моремъ. Большинство, не только солдатъ, но и офицеровъ никогда не бывало на берегу моря. Уже сколько времени Даховскій отрядъ находился въ горахъ. Крутые, суровые вершины, глубокіе обрывы, глухія ущелья, утомительные горные походы—все это надоѣло. И вотъ,

на другой день, дѣйствительно, отрядъ, спустившись по ущелью, вышелъ къ морю. Солдаты подбодрились. Передъ каждой ротой были впереди пѣсельники. Звонкія русскія пѣсни съ бубнами далекимъ эхомъ разносились по горамъ и отражались такимъ же эхомъ въ морѣ. Войска заняли бывшій фортъ Вельяминскій.

Въ этомъ мѣстѣ Даховскій отрядъ простоялъ до 4-го марта. Между тѣмъ, занятый край понемногу очищался. Срокъ, даанный шапсугамъ на выселеніе, исходилъ, и они исполнили свое слово; они сходили къ берегу, а съ сѣверной стороны горъ пришли цѣлыя толпы абадзеховъ. Разсудительные горцы распродали свое имущество заранее, большая же часть все привезла на морской берегъ, гдѣ единственнымъ покупщикомъ были только войска. Цѣны упали до невѣроятнаго. Хорошій быкъ продавался за цѣлковый, баранъ—за четвертакъ. „Просто бѣда,—жаловался черезъ нѣсколько дней артельщикъ ротному командиру, приступу нѣтъ теперь къ мясу: за пару воловъ спросили съ меня два цѣлковыхъ безъ гривны“. Порядочную лошадь съ сѣдломъ и полнымъ уборомъ покупали за пять рублей, а породистую—рублей за двадцать. Солдаты особенно разохотились покупать лошадей. Иной самъ не знаетъ зачѣмъ, а торгуетъ. Горецъ пальцами силится показать, что хочетъ получить за коня рубль или два, а солдатъ ему предлагаетъ абазъ. Вдругъ, къ общему удивленію, продавецъ соглашается. „Ну, куда ты коня купилъ—говоритъ какъ то фельфебель солдату—что ты съ нимъ станешь дѣ-

лати?" — „Да, переѣду черезъ рѣчку и брошу“, отвѣчаетъ тотъ, не задумавшись.

На базарѣ картина была поразительная. Съ ранняго утра до поздняго вечера толпилась масса народа: абадзехи, шапсуги, греки, турки, наши солдаты и офицеры. Главный предметъ торговли было оружіе: горцы знали, что въ Турціи его носить не позволятъ. Дорогія шашки въ богатой оправѣ отдавались за безцѣнокъ—то, что прежде цѣнилось въ 200, 300 рублей, здѣсь можно было купить за 30, 40 рублей. За древній, хорошій клинокъ отдавали десятки рабовъ, сотни барановъ, теперь же все пошло прахомъ. Съ каждымъ днемъ прибывающія турецкія кочеры нагружались переселенцами. Горцы на воздухъ стрѣляли изъ ружей, прощаясь съ родиною, гдѣ находились могилы ихъ отцовъ и дѣдовъ. Нѣкоторые, выстрѣливъ въ послѣдній разъ, съ отчаяніемъ бросали дорогое оружіе въ морскую пучину.

4 марта графъ Евдокимовъ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія, уѣхалъ на пароходѣ въ Новороссійскъ и затѣмъ въ Ставрополь. Съ отѣздомъ графа всѣ казаки, милиція и одинъ эскадронъ Тверскихъ драгунъ отправлены обратно въ штабъ-квартиры. Въ этотъ же день Даховскій отрядъ тремя колоннами двинулся береговою полосою и 5 марта занялъ бывшій фортъ Лазаревъ. Отсюда предстояли дѣйствія противъ сильнѣйшаго племени убыховъ.

Изъ всѣхъ убыхскихъ владѣльцевъ наиболѣе вліятельны въ то время были трое представителей фамилій Берзеконъ: хаджи Керендукъ-Догомуковъ, хад-

жи Алимъ-Гирей-Бабуковъ, Эльбузъ-бекъ-Хапакхъ и представитель фамилии Зэфшъ, Исмаиль Баракай. Всѣ они были люди богатые, а Баракай, имѣвшій много родныхъ въ Турціи, проповѣдывалъ энергично о помощи европейскихъ державъ; это онъ привезъ въ убыхскую землю европейскихъ авантюристовъ: Догумуковъ стоялъ во главѣ воинствующей партіи, часто начальствовалъ надъ соединенными сборищами абадзеховъ, убыховъ и шапсуговъ.

5-го марта, по приходѣ отряда на Псезуапсе, убыхамъ было послано ген. Гейманомъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехскій и шапсугскій безусловно покорились нашему оружію и свободно переселяются въ Турцію; тѣ же, кто пожелалъ, выходятъ къ намъ и получаютъ землю на Лабѣ и Кубани. Теперь, убыхи, вы остаетесь послѣдніе. Если хотите знать наши требованія относительно васъ, то вотъ они: немедленно выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; сейчасъ же, безъ обозначенія срока, тѣ, кто желаютъ идти въ Турцію, должны собраться таборомъ на берегу моря къ устьямъ Шахе, Вардане и Сочи; къ этимъ пунктамъ могутъ приставать турецкіе пароходы и кочермы, на которыхъ вы можете ѣхать въ Турцію. Лишнія вещи можете продать войскамъ—это будетъ дозволено. Тѣ же, кто хочетъ идти къ намъ, должны сейчасъ же выселяться на Кубань, гдѣ имъ будетъ отведена земля. Я знаю, что между вами есть люди умные и вы не допустите себя до разоренія, какъ абадзехи, потому что силою оружія я

освобожу вашихъ холоповъ, закрою путь въ Турцію, и вы будете поселены на берегу Азовскаго моря. Вспомните, что вы подняли противъ насъ абадзеховъ и заставили несчастный народъ дойти до нишеты“.

Это воззваніе достигло цѣли; на другой же день въ лагерь замѣтили какъ подъѣзжали убыхскіе старшины; ихъ было 15 стариковъ во главѣ съ Эльбузъ-Хапакхъ Берзекомъ; съ нимъ пріѣхалъ и другой Берзекъ, Хаджи-Бабуковъ. Гейману заранѣе сообщили, что старшины ѣдутъ не съ изъявленіемъ покорности, а только для переговоровъ, разсчитывая этимъ отсрочить вторженіе въ ихъ землю русскихъ войскъ.

— „Ну что же убыхи? сказалъ Гейманъ, выходя къ старщинамъ.—Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Гдѣ же Войска ваши въ европейскихъ мундирахъ, о которыхъ вы столько кричали? Гдѣ нарѣзные орудія и снаряды? Гдѣ союзники ваши?“

— „Мы уже убѣдились,—отвѣчали старшины,— что всѣ надежды наши на постороннюю помощь—мечта; мы видимъ, что остались одни, и всѣ, кто прежде заискивалъ въ насъ, отворачиваются. Но мы все-таки остаемся убыхами, мы все-таки цѣлый народъ и, кажется, можемъ для своего блага вступать въ сношенія и заявлять свои требованія“.

— „Вамъ ли, убыхамъ, переговоры вести? Побѣдите насъ, прогоните войска. Вѣдь вы сильны, могучи.“

— „Трудно теперъ намъ надѣяться на побѣду. Мы можемъ биться до крайности, можемъ нанести вамъ много вреда, но, конечно, разоримся и сами. Чтобы избавиться отъ подобныхъ невздогъ, мы же-

лади бы покончить дѣло мирнымъ путемъ. Мы хотимъ только срока мѣсяца три; мы всѣ желаемъ выйти въ Турцію; у насъ есть больные, есть имущество; многіе живутъ далеко отъ берега. А до тѣхъ поръ мы просимъ не вводить войскъ въ нашу землю“.

— „Объ участи вашей вы знаете давно отъ шапсуговъ. Кто хотѣлъ, успѣлъ приготовиться къ выселенію. О вредѣ русскимъ я не беспокоюсь: здѣсь вѣдъ намъ не будетъ труднѣе, чѣмъ когда мы покорили абадзеховъ и шапсуговъ. Но о милости и жалости къ вамъ вы и не думаете. Кто, какъ не вы безчеловѣчно, безжалостно поступили съ абадзехами? Кто поджигалъ ихъ на войну съ русскими? Если бы не вы, они спокойно, въ довольствѣ давно уже жили бы въ Турціи. Такъ стоите ли вы хотя какой нибудь милости? Знайте же, что болѣе переговоровъ съ вами я не хочу вести никакихъ. Требованія мои я сказалъ вамъ въ письмѣ, а не хотите исполнить—я съ войсками приду помогать“.

— „Мы знаемъ,—заговорилъ Эльбузь,—что требованія русскихъ мы должны исполнять. Съ тѣми, кто побѣдилъ Шамиля, кто подчинилъ своей власти весь Дагестанъ и Чечню, кто покорили многочисленныхъ абадзеховъ и шапсуговъ, намъ не по силамъ сражаться. Мы и теперь народъ уже упавшій, но, лежа, просимъ у васъ милости. Великодушію и благородству свойственна милость“.

— „Нечего рассказывать сказки! Я знаю васъ насквозь. Вы еще счастливы, что я не сейчасъ иду къ вамъ: еще есть время всѣмъ выйти на берегъ. А кто

не знать, какъ идти къ берегу, пусть спросить у шапсуговъ и абадзеховъ. Уступокъ съ моей стороны нѣтъ и не будетъ впереди“.

Этими словами Гейманъ закончилъ переговоры и старшины поняли, что участь ихъ народа рѣшена безпрекословно.

Замѣчательно красивую картину представляло это пребываніе почетныхъ убыховъ среди русскаго лагеря. Переговоры происходили на виду у всѣхъ. Офицеры и солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали за представителями послѣдняго непокореннаго племени. Въ осанкѣ, во взглядѣ каждаго убыха проглядывало сознаніе полного достоинства; ни капли униженія или боязни. Было, однако, ясно, что такія минуты испытываютъ они въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Видно было, что они задѣты за самую слабую струнку — за самолюбіе. Гордые и богатые, зашитые въ галуны и серебро, убыхи вынуждены были признать себя безсильными.

Потерявъ всякую надежду выпросить срокъ для переселенія, старшины уѣхали; остался одинъ Бабуковъ, который просилъ Геймана переговорить о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Онъ сообщилъ, что убыхи безусловно подчинятся предъявленнымъ требованіямъ, что будетъ содѣйствовать этому и просилъ дозволенія отправить имущество для продажи черезъ Бѣлорѣченскій перевалъ въ станицы, а для себя при выселеніи въ Турцію не внизъ по Шахе, а черезъ центръ убыхской земли — къ побережью общества Вардане. „На Шахе, — говорилъ онъ, — около впаденія Чес-

мая, при большой водѣ, внизъ по рѣкѣ остается доступною одна только тропа по горамъ, столь трудная, что выюковъ провезти невозможно: Свѣдѣніе это, потомъ проверенное на мѣстѣ, было настолько важное, что послужило одною изъ причинъ для измененія въ послѣдствіи общаго плана военныхъ дѣйствій.

Лагерь отряда у бывшаго укрѣпленія Лазаревскаго широко раскинулся на полянѣ. На ровномъ, просторномъ мѣстѣ люди отдохнули. 6-го марта вечеромъ истекать срокъ данный шапсугамъ. Предстояло очистить все пространство между теченіями рѣкъ Туапсе и Псезуапсе. Оставивъ въ гарнизонѣ поста Лазаревскаго 3 баталіона, генераль Гейманъ съ остальными пятью, 4-мя горными орудіями и эскадронамъ Тверскаго драгунскаго полка 7-го марта двинулся во внутрь страны. Войска, раздѣленные на три колонны, въ теченіе трехъ дней выжгли всѣ селенія и вытѣснили жителей къ берегу моря; къ вечеру 9-го отрядъ собрался у поста Вельяминовскаго; здѣсь присоединились войска изъ распушеннаго Джубгскаго отряда. У поста Вельяминовскаго сборъ горцевъ выселяющихся въ Турцію былъ большой.

10 марта отрядъ потянулся вверхъ по р. Туапсе. Начался походъ въ нагорную полосу. Чѣмъ далѣе шли въ гору, тѣмъ было труднѣе. Начавшійся дождь не переставалъ въ теченіе трехъ дней и лилъ какъ изъ ведра. Въ горахъ стало холодно. Солдаты, неся на себѣ шестидневный провіантъ, то взбирались по крутымъ подъемамъ, то спускались по обрывистымъ, узкимъ тропинкамъ. Войска Даховскаго отряда показа-

ли новый примѣръ полной готовности переносить самыя тяжелыя труды, самыя большія лишенія. И такъ это продолжалось девять дней. Во время движенія колоннъ происходили самыя незначительныя перестрѣлки; жители все уходили къ морю. 18-го же марта въ пяти верстахъ отъ Псезуапсе въ каштановой рощѣ у древняго христіанскаго монастыря большія партіи убыховъ и ахчипсхувцевъ предполагали оказать сопротивленіе и открыли перестрѣлку. Генераль Гейманъ приказалъ атаковать лежащій въ балкѣ аулъ. Севастопольскіе и Бакинскіе стрѣлки, подъ командою капитана Козелкова, сбросивъ ранцы, съ крикомъ „ура“ бросились внизъ. Маіоръ Щелкачевъ съ Кабардинцами одновременно атаковалъ горцевъ справа. Аулъ былъ взятъ. Черкесы собрались наверху за завалами и открыли оттуда частый огонь. Севастопольскіе стрѣлки, не останавливаясь ни минуты, полѣзли наверхъ на завалы. Горцы гикали, порывались броситься въ шашки и дѣлали залпъ за залпомъ. Какъ только стрѣлки поднялись, черкесы не выдержали и обратились въ бѣгство. Севастопольцы и Кабардинцы бросились вслѣдъ. Главная часть горцевъ направилась вдоль берега моря, меньшая потянулась къ торамъ. Въ этомъ дѣлѣ было убито 7 нижнихъ чиновъ и Севастопольскаго полка поручикъ Гавронскій, ранено 14 солдатъ и поручикъ стрѣлковой Севастопольской роты Ивановскій.

Отрядъ двинулся дальше и стянулся къ устью береговой рѣчки Чухукхъ. Такимъ образомъ, первая попытка убыховъ задержать наступленіе Даховскаго

отряда кончилась для нихъ весьма неблагопріятно. Нужно отдать справедливость, что переселенцы-шапсуги, собравшіеся у берега моря, во время этого дѣла вели себя честно и держались въ сторонѣ. По прибытіи же въ Чухукхъ къ генералу Гейману явились шапсугскіе старшины съ изъясненіемъ покорности. Здѣсь же было получено письмо отъ Эльбуза-Хапакха, старшины убыховъ, который просилъ Геймана не считать ихъ виновными въ оказанномъ сопротивленіи и сообщилъ, что онъ съ своими убыхами выйдетъ къ морю, какъ только отрядъ появится на Шахе.

„Кто поступаетъ честно и крѣпко держитъ свое слово, тотъ всегда можетъ разсчитывать на все доброе съ моей стороны“, отвѣчалъ Гейманъ.

19-го марта отрядъ занялъ фортъ Головинскій; здѣсь черезъ рѣку Шахе былъ устроенъ мостъ и отрядъ двинулся дальше. Всѣ многочисленныя селенія общества Вардане были сожжены; въ числѣ ихъ уничтоженъ и аулъ Баракая. 24 марта въ лагерь на р. Лоо Хаджи-Догомуковъ выслалъ къ Гейману нѣсколько почетныхъ убыховъ просить позволенія явиться самому. Изъ ущелья вслѣдъ затѣмъ показалась группа убыховъ, всѣ въ буркахъ и башлыкахъ.

—Здравствуй, хаджи,—сказалъ Гейманъ, когда Догомуковъ подѣхалъ и нѣсколько секундъ простоялъ молча,—очень радъ съ тобою познакомиться.

—А я, по правдѣ сказать, очень не радъ знакомству съ тобою, отвѣчалъ тотъ.

—Ты, я слышалъ, хотѣлъ быть у меня; да вѣдь

вы, убыхи, больно спѣсивы: такъ я самъ первый, пріѣхалъ.

—Отъ такихъ гостей намъ очень, очень невесело отвѣчалъ Догомуковъ.

—Что же ты скажешь? съ чѣмъ ты пріѣхалъ теперь? спросилъ генералъ.

—Мы желаемъ оставить нашу родную землю и хотимъ ѣхать въ Турцію; намъ нужно собрать имущество, продать скотъ.

—А чѣмъ же вамъ кормить войска, которыя пріѣдутъ на помощь изъ-за моря? спросилъ генералъ.

—Какія войска теперь! со злостью проговорилъ гордый горецъ.

Затѣмъ Догомуковъ отъ имени убыхскаго народа изъявилъ полную покорность и былъ готовъ исполнить все, что только прикажутъ. Нѣкогда грозный и сильный предводитель, тотъ, передъ которымъ преклонялись цѣлыя племена, вынужденъ былъ теперь просить, какъ милости, нѣсколькихъ дней срока для выселенія.

25-го марта безъ выстрѣла былъ занятъ бывшій фортъ Навагинскій (Сочи). Насколько занятіемъ Дахо было положено начало завосванію самой трудной части Западнаго Кавказа, настолько занятіемъ Сочи завершилось утверждение владычества всей нагорной полосы.

26-го числа къ Гейману пріѣхали депутаты отъ джигетовъ. На вопросъ „зачѣмъ они пріѣхали“, предводитель Гечъ-Решидъ отвѣчалъ:

„Мы джигеты; мы народъ вольный; никогда ни

съ кѣмъ открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видимъ, что все кругомъ насъ покоряется русскимъ, и мы уже считаемъ землю нашу собственностью Россійскаго Императора. Услышавъ, что ты здѣсь, генералъ, мы приѣхали къ тебѣ спросить приказаніе: какъ ты скажешь, такъ и будетъ. Дозволишь оставаться, не скроемъ, это будетъ намъ особенно пріятно; прикажешь выселиться, мы вмѣстѣ съ другими мусульманами уйдемъ въ Турцію.

„Я,—отвѣтилъ Гейманъ,—ни дозволить вамъ оставаться, ни приказать выходить самовольно не могу. Я исполняю распоряженія высшаго моего начальства и могу вамъ только передать желаніе старшихъ. Окончательный отвѣтъ на вопросъ вашъ я сообщу, когда получу на то приказаніе“.

30-го марта показался пароходъ, съ которымъ приѣхалъ графъ Евдокимовъ. Войска боевого отряда выстроились для встрѣчи. На солдатахъ были старыя, давно пожелтѣвшія шинели, въ которыхъ они цѣлую зиму валялись въ снѣгу и по мѣсяцамъ мокли подъ дождемъ; на головахъ поношенныя папахи; загорѣлыя отъ вѣтра и бивачной жизни лица свидѣтельствовали о перенесенныхъ трудахъ и невзгодахъ. Но у каждаго солдата было свѣтло на душѣ: каждый былъ увѣренъ, что услышитъ отъ своего начальника ласковое слово.

При появленіи графа на берегу войска отдали честь.

„Моя сѣдая голова кланяется вамъ, братцы, за вашу молодецкую службу“, былъ первый привѣтъ

командующаго войсками. Единодушное, изъ глубины солдатской души „ура“ заглушило слова закаленного въ бояхъ старика. „Командующему войсками „ура“, произнесъ генер. Гейманъ, когда графъ объѣхалъ войска. Горы и ущелья снова огласились побѣдоносными кликами и все, что было кругомъ графа, обнажило головы. „Вашъ старый командующій войсками одинъ кричитъ „ура“ за славный Даховскій отрядъ и его начальника!“ воскликнулъ графъ, и снова „ура“ потрясло воздухъ и звонкимъ эхомъ прознеслось по горамъ и ущельямъ.

Воодушевленные лаской войска сдѣлались необыкновенно бодрыми, свѣжими и веселыми. Много ли нужно русскому солдату — два, три привѣтливыхъ слова начальника, и онъ доволенъ и счастливъ.

Къ прїѣзду Великаго князя приказано было собраться всѣмъ старщинамъ племень, изъявившихъ покорность Россійскому Императору. Прїѣхали шапсуги, гои, убыхи джигеты и нѣсколько старшинъ ахчипсхувскихъ. Тутъ были Заурбекъ, Догомуковъ, Бабуковъ, Эльбузъ, Гечъ-Решидъ и съ ними цѣлая толпа всадниковъ. 31 го числа прїѣхали начальникъ Натухайскаго округа и распушеннаго Адагумскаго отряда генераль Бабычъ, и атаманъ Кубанскаго казачьяго войска свиты Его Величества г. м. Сумароковъ-Эльстонъ. Войска съ нетерпѣніемъ ждали, когда появится пароходъ подъ Великокняжескимъ флагомъ.

2-го апрѣля Императорская яхта „Тигръ“ бросила якорь противъ лагеря. Великій князь сѣлъ на катеръ и въ сопровожденіи начальника Главнаго штаба арміи, ге-

нерала Карцова, Кутаисскаго г.-губ. князя Святополкъ-Мирскаго, командующаго войсками въ Абхазіи и другихъ лицъ свиты высадили на берегъ. Обѣхавъ войска, Великій князь благодарилъ всѣхъ за службу и подвиги, обнялъ передъ фронтомъ графа Евдокимова и генерала Геймана и затѣмъ пропустилъ всѣ части мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. „Смотря на стройное движеніе колоннъ подъ звуки музыки, — говорить очевидецъ этого торжества, — въ эту минуту трудно было представить, что это были тѣ самые люди, которые совершили въ февралѣ переходъ черезъ Главный Кавказскій хребетъ, а въ теченіе марта прошли почти безостановочно отъ Туапсе до Сочи, то поднимаясь къ снѣговымъ горамъ, то спускаясь къ горамъ по тропинкамъ, считавшимся доселѣ недоступными для регулярныхъ войскъ. Ряды баталіоновъ, правда, были не сильны числомъ; но нельзя было безъ особаго уваженія смотрѣть на нихъ, нельзя было не видѣть, что не въ числѣ ихъ сила, и что если бы передъ этими людьми всталъ новый Кавказъ, они не остановились бы передъ нимъ“.

Осмотрѣвъ войска, Великій князь направился къ собравшимся черкесскимъ старшинамъ. Они были приняты по племенамъ; всѣ они отъ имени своего народа заявили безусловную покорность и готовность подчиниться всѣмъ приказаніямъ, съ единственной просьбой дать имъ возможность переселиться въ Турцію, какъ страну ближе имъ извѣстную, нежели тѣ земли, которыя предназначены были для водворенія ихъ на Кубани. Великій князь отвѣтилъ,

что земли ихъ назначаются для поселеній русскихъ, что согласенъ на ихъ просьбы и даетъ имъ мѣсяць сроку для того, чтобы они могли приготовиться къ переселенію и выйти съ своими семействами, что бѣднѣйшимъ изъ нихъ прикажетъ оказать пособіе для морскаго переѣзда и что по истеченіи срока, если кто не исполнитъ этого требованія, то будетъ поступлено какъ съ военноплѣнными, для чего будутъ присланы еще новыя войска. Старшины обѣщали исполнить данное слдво.

Собственно Кавказскую войну можно было считать оконченною; только жители Ахчипсху и Псху, занимавшіе трудно-доступныя ушелья по верховьямъ рѣкъ Мзымты и Бзыби, не хотѣли разставаться со своею свободою и могли оказать сопротивленіе. Для того, чтобы совершенно очистить край и уничтожить эти слабыя остатки враждебныхъ горцевъ, Великій князь приказалъ войскамъ продолжать предположенныя движенія съ двухъ сторонъ: изъ Кубанской области черезъ Главный хребетъ въ верховья Мзымты и Бзыби и навстрѣчу имъ изъ Кутаисскаго г-губернаторства отъ устій этихъ рѣкъ. Переночевавъ въ лагерѣ, Великій князь выѣхалъ черезъ Поти на Тифлисъ.

14-го апрѣля генераль Гейманъ сосредоточилъ Даховскій отрядъ для движенія въ бассейнъ р. Сочи. Съ движеніемъ отряда аулы опустѣли. Было признано своевременнымъ направить общія усилія для окончанія войны.

Для выполненія окончательнаго плана покоренія

страны войска были раздѣлены на четыре колонны.

Первая колонна *), подъ начальствомъ генераль-маіора Шатилова, двинута была отъ Гагръ въ долину р. Псху; вторая **), подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Святополкъ-Мирскаго, отъ бывшаго укрѣпленія св. Духа вверхъ по р. Мзымтѣ; третья ***) , генераль-маіора Геймана, отъ верховьевъ рѣки Шахе параллельно Главному хребту черезъ земли горныхъ убыховъ и четвертая ****), генераль-маіора Граббе, изъ верховьевъ Малой Лабы черезъ Главный Кавказскій хребетъ.

Всѣ колонны должны были направиться въ Ахчипсху, очищая край отъ оставшагося въ горахъ населенія. Для личнаго направленія колоннъ къ Ахчипсхувскому отряду прибылъ самъ Великій князь.

Изъ числа этихъ колоннъ только колонна Святополкъ-Мирскаго встрѣтила упорное сопротивленіе отъ населенія общества Аибго, обитавшаго въ недоступной котловинѣ рѣки Псху.

*) Кавказскіе линейные баталіоны №№ 32, 33 и 35 и сводно-стрѣлковыя №№ 5, 6, 7 и 8; взводъ 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона; горный дивизионъ Сухумской крѣпостной артиллеріи; сборная сотня Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка; сотня Цебельдинской конной милиціи; 1/4 сотни Сухумской постоянной милиціи.

**) 1-й и 2-й баталіоны 13-го лейбъ-гренадерскаго -Эриванскаго, 1-й и 2-й баталіоны 14-го гренадерскаго Грузинскаго, 1-й баталіонъ 15-го гренадерскаго Тифлисскаго, 2-й и 3-й баталіоны 16-го гренадерскаго Мингрельскаго, Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, взводъ 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, горные взводы №№ 1 и 2 батареи Кавказской гренадерской бригады, полсотни Донскаго № 2 казачьяго полка, полсотни Конвой Главнокомандующаго Арміи, конвой начальца отряда и четыре сотни пѣшей милиціи: Имеретинская, Мингрельская и двѣ Гурійскія.

***) 2-й баталіонъ Крымскаго полка, 5-й баталіонъ и охотничья команда Севастопольскаго полка, 3-й баталіонъ Кубанскаго полка, Самарскій стрѣлковый баталіонъ, взводъ горной батареи 19-й артиллерійской бригады, двѣ сотни казаковъ, команда саперъ и милиціи.

****) Стрѣлковыя баталіоны Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ, сводно-стрѣлковый баталіонъ, сотня милиціи Верхне-Кубанскаго приствальства, двѣ сборныя сотни казаковъ 7-й бригады и взводъ горныхъ орудій облегченнои № 4 батареи.

Надѣясь на неприступность мѣстности и на помощь сосѣднихъ племень, общество это встрѣтило войска въ завалахъ, устроенныхъ на единственной тропинкѣ, по которой наступалъ отрядъ. Великій князь 10 мая направилъ изъ второй колонны отрядъ въ составѣ 1-го баталіона Эриванскаго и 2-хъ баталіоновъ Грузинскаго гренадерскихъ полковъ и двухъ сотенъ милиціи, подъ начальствомъ генераль-маіора Батезатула. Отрядъ началъ подниматься на гору Дзыхру; хотя до нея было всего три версты, но при сильномъ туманѣ и большой крутизнѣ, по которой вилась одна только тропинка, отрядъ взбирался въ теченіе четырехъ часовъ. Спускъ съ вершины Дзыхра къ ущелью р. Псху представлялъ не меньшія затрудненія. Лазутчики дали знать начальнику отряда, что большія скопища айбговцевъ, ахчипсхувцевъ и абрековъ изъ другихъ племень сначала рѣшились защищаться въ завалахъ, а затѣмъ разбѣжались по ауламъ. Генераль Батезатулъ 11-го мая двинулся съ Грузинскими баталіонами и милиціей въ землю айбговъ. Тропинка, по которой двигались войска, шла по очень крутымъ и обрывистымъ скатамъ. Выдающіеся изъ земли камни и корни деревьевъ дѣлали этотъ путь до крайности затруднительнымъ. Здѣсь каждый неловкій шагъ могъ повлечь за собою паденіе въ пропасть, конца которой не было видно на днѣ ея; только слышался шумъ р. Псху, несущейся почти сплошнымъ водопадомъ. Цѣпи нашего авангарда были встрѣчены одиночными выстрѣлами, участившіеся съ движеніемъ всего отряда. Со скалы надъ головами посыпались

огромные камни. Милиція подъ командою штабсъ-ротмистра князя Накашидзе проскочила черезъ оврагъ, по которому преимущественно летѣли камни со скалы; роты Грузинскаго полка были направлены къ нимъ на помощь. Горцы, боясь быть обойденными, бѣжали со скалы; всѣ передовыя войска мгновенно перешли оврагъ и три завала, одинъ за другимъ, были взяты. Во взятіи второго завала приняла участіе и Цебельдинская милиція, прибывшая бѣгомъ изъ колонны генерала Шатилова. Цебельдинцы съ необыкновеннымъ увлеченіемъ бросились впередъ и въ числѣ первыхъ былъ убитъ князь Шаханъ-Гирей-Маршани.

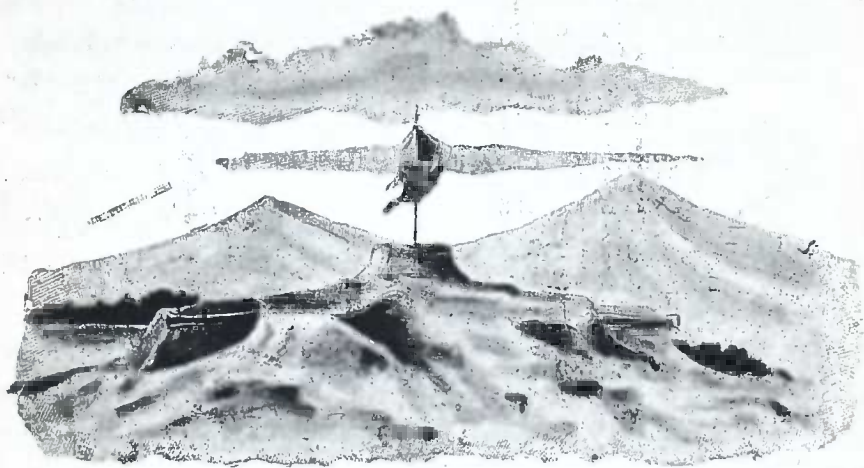
Генералъ Батезатулъ вытребовалъ оставленныхъ въ резервѣ Эриванцевъ. Соревнованіе между гренадерами придало силъ Эриванцамъ, такъ что они еще до заката солнца подошли къ отряду.

Такимъ образомъ движеніе гренадеръ и милиціи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: горцы, убѣдившись, что русскія войска прошли такія трущобы, которыя они считали совершенно недоступными и внезапно очутились среди ихъ ауловъ на горной равнинѣ, они бросились на другую сторону р. Псху, а 12-го числа явились депутаты съ изъявленіемъ полной покорности и подчиненія всѣмъ предъявленнымъ требованіямъ. Дѣйствительно, айбговцы вслѣдъ затѣмъ начали выходить на берегъ моря для переселенія въ Турцію.

Этотъ четырехъ-дневный походъ рѣшилъ участь не однихъ только айбговцевъ, но и сосѣднія племена, ахчипсхувцы и псхувцы, отложили всякую надежду

о сопротивленіи. Отрядъ 14-го числа возвратился въ лагерь подъ Ахштырь.

Всѣ четыре колонны съ разныхъ сторонъ сосредоточились въ центрѣ Ахчипсхувской земли—на урочищѣ Кбаада. Этому глухому аулу суждено было быть мѣстомъ празднованія событія громаднѣйшей исторической важности—окончанія Кавказской войны.

Молебствіе и парадъ 21 мая въ урочищѣ Кбаада. Приказъ по Кавказской арміи. Телеграмма и рескрипты Императора Александра II. Награды войскамъ. Торжества и молебствіе въ Тифлисѣ. Заключение.

Утромъ 21-го мая глуксе урочище Кбаада оживилось необычайною дѣятельностью боевыхъ Кавказскихъ войскъ: они чистились, одѣвались, готовились и строились къ параду; то туда, то сюда сновали адъютанты и офицеры за приказаніемъ. Въ большую диковинку были въ ту пору войскамъ, въ особенности Кубанской области, смотры и парады. Въ походѣ и сраженіяхъ они чувствовали какъ у себя дома, а здѣсь суетились, не знали какъ и за что взяться. Небо было сумрачно, густыя сѣрыя тучи безпрестанно закрывали снѣговья вершины громаднхъ хребтовъ. Временами падалъ то крупный, то мелкій дождь; только къ концу торжества показалось солнце и погода разгулялась.

Въ одиннадцатомъ часу тронулись баталіоны, сотни, артиллерія и милиціи съ развернутыми знаменами. Западную сторону занялъ Даховскій отрядъ, сѣверную—Мало-Лабинскій, восточную—Псхувскій и южную—Ахчипсхувскій.

Вотъ стали лейбъ-гренадеры Эриванцы, со славой прослужившіе всѣмъ Царямъ изъ Дома Романовыхъ, начиная съ 1642 года; рядомъ съ ними стояли представители остальныхъ трехъ гренадерскихъ полковъ,

босвые подвиги которыхъ также гремѣли по всѣмъ горамъ Кавказа отъ Арпачая и Аракса до Кубани; и Терека—Грузинцы, Тифлисы, Мингрельцы; затѣмъ представители другихъ старыхъ и болѣе молодыхъ полковъ, уже успѣвшихъ заявить свою службу, боевыми заслугами въ Дагестанѣ, Чечнѣ, за Кубанью и въ особенности въ послѣдніе годы подъ предводительствомъ закаленнаго въ бояхъ ветерана графа Евдокимова—Самурцы, Севастопольцы, Крымцы, Черноморцы; тутъ были представители знаменитыхъ Донскихъ и славныхъ Кубанскихъ казаковъ; наконецъ въ разнообразныхъ живописныхъ мундирахъ представители туземныхъ дружинъ—Цебельдинцы, Мингрельцы, Имеретины и Гурийцы; въ стремительныхъ атакахъ они не отставали отъ казаковъ и драгунъ и къ концу войны приобрѣли добрую славу.

Начался церковный парадъ. Пробыли „на молитву“ и вышли впередъ знамена. На курганѣ стоялъ Великій князь Главнокомандующій, окруженный генералами, многочисленной свитой офицеровъ и георгиевскими кавалерами, а далѣе со всѣхъ сторонъ стройныя густыя колонны со сверкющими штыками.

Послѣ молебствія и окропленія знаменъ Великій князь объѣхалъ войска, благодарилъ всѣхъ за совершонное „трудное и великое дѣло“ и затѣмъ начался церемоніальный маршъ. Великій князь благодарилъ каждую часть.

Здѣсь же въ лагерѣ на урочищѣ Кбаада Великій князь отдалъ слѣдующій приказъ по Кавказской арміи:
„Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ

доблести вашей поздравляю васъ, войска Кавказской арміи, съ покореніемъ Западнаго Кавказа и съ окончаніемъ Кавказской войны.

Своимъ мужествомъ въ бояхъ, своей безпримѣрной твердостью въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и лишеній сослужили вы Государю и Отечеству великую службу: ни ужасы дикихъ, недоступныхъ горныхъ убѣжищъ, ни отчаянное сопротивленіе обитателей ихъ, ни суровая стужа, ни палящій зной—ничто не остановило васъ—все преодолѣли вы въ теченіе многихъ лѣтъ, не слабѣя духомъ, запечатлѣвая потомъ и кровью каждый шагъ,—и достигли цѣли.

Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія! Слава и признательность Отечеству вамъ, покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, не дождавшимся настоящей радостной и великой минуты!“

На всеподданнѣйшее донесеніе объ окончаніи Кавказской войны Императоръ Александръ II телеграфировалъ:

„Благодарю отъ души всѣхъ начальниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ за ихъ молодецкую службу, увѣнчанную полнымъ успѣхомъ. Я горжусь ими болѣе, чѣмъ когда-либо“.

22-го мая войскамъ приказано было начать обратное движеніе: Даховскій отрядъ выступилъ на р. Сочи, Ахчипсхувскій—въ устьѣ р. Мзымты, а Псхувскій и Мало-Лабинскій приступили къ окончательному выселенію горцевъ.

Уже въ первой половинѣ іюня вся масса туземцевъ отправлена была въ Турцію. Всего, начиная съ 1858 по 1865 годъ, выселилось 418 тысячъ горскаго населенія.

За покореніе Западнаго Кавказа послѣдоваль цѣлый рядъ милостей.

Самъ Главнокомандующій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса и саблю алмазами украшенную съ надписью „За окончаніе Кавказской войны“. По этому поводу Великій князь въ приказѣ отъ 2-го іюля объявлялъ: „Въ собственноручномъ письмѣ, которымъ при этомъ Государь удостоилъ меня, Его Императорское Величество изволилъ выразить: „Этими двумя наградами я хотѣлъ въ лицѣ твоёмъ почтить всю славную Кавказскую армію и увѣрять, что молодцы наши такъ ихъ и примутъ“. Съ чувствомъ искренней радости объявляю вамъ милостивыя слова Государевы и еще разъ благодарю васъ, какъ виновниковъ высокой награды; мною полученной“.

Въ то же время Государь обратился къ Великому князю съ слѣдующимъ рескриптомъ:

„Ваше Императорское Высочество. Рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ славными Кавказскими войсками подъ предводительствомъ многихъ доблестныхъ вождей, ознаменовалъ многолѣтнюю кровавую борьбу, подъятую для огражденія нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ краемъ отъ набѣговъ хищниковъ, для защиты отъ порабощенія мусульманами единовѣрныхъ Намъ народовъ, добро-

вольнo вручившихъ свои судьбы подъ покровитель-ство Россіи. и для умиротворенія края, представлявшаго издревле постоянное зрѣлище междоусобія, грабежей и разбоевъ.

На долю Вашего Императорскаго Высочества выпала завидный жребій завершить начатое полтора вѣка тому назадъ дѣло покореніемъ Западнаго Кавказа и впервые возвѣстить русскому народу, что „отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокореннаго племени“.

Въ воздаяніе же „храбрымъ войскамъ Кавказской арміи, стяжавшимъ себѣ вѣчную славу, и въ признательность Нашего любезнаго Отечества за совершенное ими великое дѣло умиротворенія всего Кавказскаго края и покоренія Державѣ Русской“ въ Высочайшемъ приказѣ, данномъ военному министру 12-го іюля 1864 года, повелѣно учредить: для всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ особый крестъ въ память покоренія Кавказа, особую медаль для тѣхъ чиновъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Западномъ Кавказѣ въ четырехлѣтіе съ 1859 по 1864 годъ. Кромѣ того нижнимъ чинамъ былъ сокращенъ срокъ выслуги службы съ 20-ти до 15-ти лѣтъ и разрѣшенъ увольняемымъ нижнимъ чинамъ отводъ земель во вновь покоренномъ краѣ.

Графъ Евдокимовъ былъ также награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса. Въ грамотѣ по этому поводу Императоръ: Александръ II писалъ.

„Представленное вами въ 1860 году и одобренное Нами предположеніе о способѣ дѣйствій для скорѣйшаго окончанія войны на Западномъ Кавказѣ увѣнчалось нынѣ блистательнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже ожиданія Наши, быстрымъ достиженіемъ цѣли, доказывающимъ основательность принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ. Въ три года времени умиротворенный и совершенно очищенный отъ враждебнаго намъ туземнаго населенія Западный Кавказъ уже въ большей части своей занятъ прочно водворенными русскими поселеніями, и долговременная, кровопролитная война окончена, избавляя Государство отъ огромныхъ жертвъ, въ теченіе полугода раста лѣтъ его обременявшихъ, и доставляя ему обширный и богатый край, который со временемъ несомнѣнно съ избыткомъ вознаградитъ эти прежнія пожертвованія.

Высокія заслуги, вами оказанныя, какъ составленіемъ предположенія къ достиженію сей цѣли, такъ и отличнымъ исполненіемъ онаго, увѣнчавшимъ распорядительность вашу полнымъ успѣхомъ, а командуемая вами храбрыя войска новою славою, приобрѣли вамъ право на особенную искреннюю Нашу признательность. Во изъявленіе оной, и въ вознаграженіе вышеозначенныхъ заслугъ вашихъ, жалуюемъ васъ кавалеромъ Императорскаго Нашего святого Великомученика Побѣдоносца Георгія второй степени, знаки ко-го, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію“.

Генераль Гейманъ получилъ орденъ Георгія 3-й степени.

Войсковымъ частямъ за подвиги, мужество и храбрость, оказанныя при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году, пожалованы:

Георгиевскіе серебряные рожки съ надписью: „за отличіе при покореніи Кавказа въ 1864 году“ — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрѣлковымъ ротамъ Эриванскаго, Грузинскаго, Тифлисскаго, Мингрельскаго, Самурскаго, Ширванскаго, Кабардинскаго и Апшеронскаго полковъ.

Георгиевскія знамена съ такою же надписью съ сохраненіемъ прежнихъ Кубанскаго казачьяго войска коннымъ полкамъ, начиная съ № 10 по № 22 включительно*).

Георгиевскія знамена съ тою же надписью и съ сохраненіемъ прежнихъ: 1-му и 2-му Волгскимъ полкамъ Терскаго казачьяго войска.

Общее войсковое георгиевское знамя съ надписью „За Кавказскую войну“ — Кубанскому казачьему войску.

За отличія и подвиги въ продолженіе Кавказской войны пожалованы:

Нижегородскаго и Сѣверскаго драгунскихъ полковъ нижнимъ чинамъ особое наружное отличіе въ

*) При переформированіи въ 1870 году Кубанскаго казачьяго войска знамена были переданы: № 10 полка—въ 1-й Уманскій, № 11—въ 1-й Кавказскій, № 12—во 2-й Кубанскій, № 13—въ 1-й Кубанскій, № 17-й—въ 1-й Хоперскій, № 18—во 2-й Хоперскій, № 19—въ 1-й Урупскій, № 20—въ 1-й Лабинскій и № 21—во 2-й Лабинскій казачьи полки.

видѣ петлицъ шерстяного басона на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ по образцу ордена св. Георгія.

Новыя Георгіевскія знамена: 1-му и 2-му баталіонамъ Тифлискаго, 2-му и 3-му баталіонамъ Мингрельскаго гренадерскихъ полковъ, Кавказскому линейному № 19 баталіону, (съ 1874 года вошелъ въ составъ Черноморскаго полка).

Георгіевскія знамена съ прибавленіемъ къ имѣющимся надписямъ новыхъ: всѣмъ четыремъ баталіонамъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго и Грузинскаго гренадерскаго полковъ; 3-му баталіону Тифлискаго гренадерскаго полка; 1-му и 4-му баталіонамъ Апшеронскаго и 2-му баталіону Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ.

Георгіевскія серебрѣныя трубы: 1) съ надписью: „За Кавказскую войну“—4-му баталіону Тифлискаго, 1-му и 4-му баталіонамъ Мингрельскаго гренадерскихъ полковъ; Дагестанскому конно-иррегулярному полку; 2-й и 3-й (нынѣ 5-я батарея 38 артиллерійской бригады) батареямъ 20-й артиллерійской бригады; № 1-й и 2-й конно-артиллерійскимъ батареямъ Терскаго казачьяго войска; 2) съ надписью: „за отличіе при покореніи Восточнаго Кавказа въ 1859 году“—1-му и 3-му баталіонамъ Куринскаго, 2-му и 3-му баталіонамъ Апшеронскаго пѣхотныхъ полковъ; 3-й батареѣ 21-й артиллерійской бригады (нынѣ 6-я батарея 38-й артиллерійской бригады).

Дополнительная надпись 4-й батареѣ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады (нынѣ 5-я батарея той же бригады).

Серебряныя петлицы за военныя отличія на офицерскіе мундиры—1-му Кавказскому саперному баталіону.

Гренадерскій бой (походъ за военное отличіе)—Кабардинскому пѣхотному полку.

Георгіевское знамя съ надписью: „за боевыя подвиги въ Кавказскую войну и за дѣло подъ ауломъ Шали 18 января 1864 года“—1-му баталіону Навагинскаго пѣхотнаго полка.

Георгіевское знамя съ надписью „за Кавказскую войну“ Грузинской пѣшей дружинѣ (нынѣ 5-й Кавказскій стрѣлковый полкъ).

Знаки отличія на головныя уборы съ надписью: „За отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году“.

73 Крымскому, 74 Ставропольскому, 75 Севастопольскому и 76 Кубанскому пѣхотнымъ полкамъ, 15 Тверскому, 18 Переяславскому драгунскимъ полкамъ, Стрѣлковымъ баталіонамъ: Кавказскому Гренадерскому, 19-му и 21-му, 2-му Кавказскому саперному баталіону. Кавказскимъ линейнымъ баталіонамъ: № № 2, 3 и 5-му. 1-й и 3-й ротамъ № 4-го. Стрѣлковымъ ротамъ Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ: № № 1, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 17, 18 и 19-го. 19-й артиллерійской бригадѣ. Кубанскаго казачьяго войска — пѣшимъ баталіонамъ: № № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13-го. Отдѣльнымъ коннымъ полкамъ: № № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9-го. Кубанскому конно-иррегулярному полуэскадрону. Конно артиллерій-

скимъ батареямъ Кубанскаго казачьяго войска: 1, 2, 3, 4, и 5-й.

Знаки отличія на головные уборы съ надписью: „за отбитіе штурма на укрѣпленіи Хамкеты 14 іюня 1862 года и за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году“.

Кавказскаго линейнаго № 4 баталіона 2, 4 и стрѣлковой ротамъ.

Великій князь прибылъ въ Тифлисъ 8-го іюня. На другой день толпы народа начали наполнять улицы около дворца и окаймляли площадь, на которой была поставлена для совершенія благодарственнаго молебствія красиво убранная палатка. Между тѣмъ, въ залахъ дворца собрались генералы, высшіе гражданскіе чиновники, представители отъ дворянства и города.

Великій князь, войдя въ залу, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой привелъ слова полученныхъ отъ Государя рескриптовъ. Громкое задушевное „ура“ было отвѣтомъ на эту рѣчь. Затѣмъ Великій князь продолжалъ: „Отнынѣ война Кавказская принадлежитъ уже исторіи. Намъ предстоятъ теперь заботы о гражданскомъ устройствѣ и развитіи умиротвореннаго края и я вполнѣ надѣюсь, что на этомъ поприщѣ вы, господа, всѣ будете также помогать мнѣ и содѣйствовать, какъ до сихъ поръ содѣйствовали“.

Послѣ этихъ словъ Тифлисскай губернскай предводитель дворянства Дмитрій Кишіани обратился къ Великому князю съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Ваше Императорское Высочество! Вы довершили

покореніе Кавказа и тѣмъ внесли въ исторію нерлучное съ вашимъ именемъ событіе громадной важности. Избранные грузинскимъ дворянствомъ, приносимъ Вашему Императорскому Высочеству поздравленіе отъ имени всего сословія. Теперь да поможетъ вамъ Всевышній водворить гражданственность тамъ, гдѣ только что прекратилась вѣковая война“.

Выслушавъ поздравленія и отъ городского головы, Великій князь вышелъ на площадь, куда къ этому времени крестнымъ ходомъ изъ Сіонскаго собора прибыло духовенство. Экзархъ Грузіи обратился къ Великому князю съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ громадное значеніе этого событія для края. Послѣ молебствія Великій князь объѣзжалъ ряды войскъ и благодарилъ отъ имени Государя за ихъ доблестные подвиги. Офицерамъ и солдатамъ было устроено угощеніе.

Покончивъ съ задачей умиротворенія Кавказа и устройства управленія горцами, Великій князь занялся внутренними преобразованіями края. 20-ти лѣтній періодъ намѣстничества можно раздѣлить на двѣ части: до 1872 года Великій князь былъ занятъ проведеніемъ крестьянской и судебной реформъ, преобразованіемъ главнаго и мѣстнаго управленія, а также наилучшимъ разрѣшеніемъ всѣхъ мѣръ, которыя, такъ или иначе, имѣли отношеніе къ новымъ условіямъ народной жизни. Мѣропріятія второго десятилѣтія были результатомъ предшествовавшей работы и стремились къ осуществленію предположеній правительства къ приобщенію Кавказскаго края къ общерусской гражданственности.